

**ЮРИЙ
МУХИН**

**КАТЫНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

**ВСЕ ТАЙНЫ УБИЙСТВА
В СМОЛЕНСКОМ ЛЕСУ**

**ЮРИЙ
МУХИН**

**КАТЫНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

**ВСЕ ТАЙНЫ УБИЙСТВА
В СМОЛЕНСКОМ ПЕСУ**

D'UNOPIETANTUM PLEBY

Юрий Игнатьевич Мухин

Катынский детектив

**Все тайны убийства в
смоленском лесу**

Моему отцу, которому я обязан тем, что я такой, как есть, и моим товарищам по работе, давшим мне возможность эту книгу написать, посвящается

Пролог

Хотя этого читатели или нет, но, раскрыв эту книгу, они вынуждены будут читать детектив, более того, они сами должны будут стать следователями. У американского писателя Рэкса Стаута есть главный персонаж всех его романов — частный детектив Ниро Вулф. Его отличие от других героев подобных романов в том, что этот детектив принципиально никогда не выходил из дома и все свои следственные действия производил в удобном кресле за письменным столом, анализируя улики и факты, добытые его сыщиками и полицией.

Хотя и по другим причинам, но читатели этой книги в таком же положении: они не могут сами добыть улики, не может добыть их и автор, — но нам никто не может помешать самостоятельно проанализировать то, что добыто другими и, на основе анализа добытых другими улик, сделать самостоятельные выводы о Катынском деле. Во-первых, это интереснее, а во-вторых, позволит не заглядывать в рот людям, чья порой подлая заинтересованность в итогах следствия просто бросается в глаза.

Дело в том, что официальных незаинтересованных органов, участвующих в этом деле, практически нет. После того как немцы в 1943 году открыли могилы с телами расстрелянных польских офицеров, правительственные органы Германии и СССР стали главными подозреваемыми в убийстве, правительство Польши того времени было чрезвычайно заинтересовано в совершенно определенных выводах следствия, правительства западных стран стремились урвать с этого дела как можно больше политических выгод. В 80-х годах у СССР уже не было государственных деятелей, способных лично что-либо анализировать, но зато было полно таких, кто стремился понравиться «цивилизованным странам», не стеснясь брать у последних не только нобелевские премии, но и просто денежные подачки.

А в это время наши профессиональные «исследователи» и должностные лица, которые занялись Катынским делом, прямо купаются в собственном хамстве, любят и гордятся им. И в этом

своим вождением плюют на могилы своих отцов с остервенением, переходящим границы маразма.

Вот, к примеру, работа таких исследователей. Г. Жаворонков выехал в Харьков на «исследования» и в 24 номере «Московских новостей» за 1990 год поделился результатами. Они таковы. Есть в Харькове захоронения. Документов, что там расстреляны польские офицеры, — нет. Есть мужик, который перед войной слышал от другого мужика, что тот возил трупы расстрелянных из тюрьмы на кладбище и среди этих трупов были и трупы в польской форме. Есть пацан, который говорит, что другие пацаны раскапывали в этих захоронениях польские ордена. Этим пацаном Жаворонков искать не стал, на захоронения не съездил и поэтому делает твердый вывод, что польские офицеры расстреляны НКВД. Жаворонкову вторит А. Клева в «Известиях» за 12 июня 1990 года. Он (или она) установил (-а), что в захоронениях в Харькове находятся расстрелянные преступники — советские граждане, умершие от тифа немецкие военнопленные из инфекционного лагеря, расстрелянные полицаи и предатели, а также «300 перебежчиков из довоенной Польши», то есть члены банд, действовавших на Украине и Белоруссии и перебежавшие от возмездия в Польшу. Отсюда делается вывод, что «преступники в форме НКВД убили в Харькове 3891 пленного поляка». Ни первый, ни второй ничего не установили, но прямо дрожат от нетерпения плеснуть помоями в отцов.

Нельзя не остановиться на хамстве части исследователей польской стороны, участвующей в расследованиях Катыни, хотя у поляков все-таки есть оправдание.

Они иностранцы. Много из того, что есть и что было у нас, им просто непонятно. Они этого не знают и к событиям, происходившим в СССР, прикладывают свой опыт, который в данном случае приводит или может привести и к добросовестным заблуждениям.

Скажем, что может подумать поляк, если любящий муж и отец вдруг прекратил писать из плена? Наверное, что он умер и только. А если тысячи перестали писать одновременно? Наверное, что они убиты, что тут еще на месте поляка подумаешь? Но ведь мы знаем, что в те годы судебные приговоры в СССР сопровождалось и наказанием в виде лишения права переписки — между осужденными и обществом ставилась стена молчания. Поэтому для нас сам факт

отсутствия писем ничего не говорит о смерти адресата, а для иностранца это серьезная улика, подтверждающая его смерть.

Но... Если бы только в заблуждениях и было дело. А то ведь и польская сторона, пусть и не так мерзко, как советская, но тоже извращает, умалчивает, перевертывает факты под определенную версию. Зачем? Неужели их отцам, нашедшим смерть в Катыни, будет легче от того, что морально осуждены будут невиновные? Что это даст Польше? Подогреет «антимоскальские» настроения? Как до войны? Забыли, чем в итоге эти настроения закончились для Польши? Напомню: немецким генерал-губернаторством. Ведь искажение истории не дает нам сегодня поступить правильно, мы и сегодня делаем те же ошибки.

Так что, в отличие от детектива Ниро Вулфа, получавшего факты от своих преданных сыщиков, нам придется иметь дело с фактами, которые будут получены зачастую от подлых хамов, факты уже будут извращены и не полны. Но и это не последняя трудность.

Сейчас сложились две следственные бригады: одна добывает доказательства того, что поляков убили русские, другая — немцы. Причем первая бригада безапелляционно утверждает, что все факты, добытые второй бригадой — ложные, так как они добыты под угрозой расправы со стороны НКВД. Отвергается все без рассмотрения. Если вы принесете из архива 1941 года фотографию, на которой немецкий солдат вгоняет штык в польского офицера, то первая бригада вам объявит, что эта фотография поддельна, так как она из НКВД; немецкий солдат на ней — это переодетый генерал НКВД Меркулов; немецкий солдат на ней на самом деле не вгоняет штык в польского офицера, а наоборот — вытаскивает, а вогнал его стоящий за кадром Берия.

Что тут делать? Втягиваться в спор о том, чьи факты надежнее? Но мы уже заранее знаем, что в этом деле истина далеко не всем интересна, следовательно, нас просто не будут слушать. Поэтому мы пойдем другим путем.

В качестве доказательств мы будем использовать только факты или улики, которыми первая бригада доказывает, что поляков убили русские. Будем считать, что только эти «доказательства» единственно надежны. Но пусть первая бригада особо не радуется, если мы будем знать, что у нее есть и другие улики, но она от нас их скрывает, то мы

сам факт укрытия будем считать доказательством ошибочности этой версии.

То есть мы останемся беспристрастными, но работать будем только на доказательствах обвинителей СССР и пусть они берегутся! Уж если мы таким способом докажем, что польские офицеры убиты немцами, то, значит, они немцами и убиты.

Следователи по этому делу обычно начинают с рассказа о том, что в сентябре 1939 года в плен Красной армии попало столько-то сотен тысяч солдат и офицеров польской армии. Считается, что такое введение в курс дела достаточно. Однако мы начнем с другого. А как вообще получилось, что польская армия сдалась? Что привело к этому? Поэтому мы начнем с Польши и ее армии.

Польское государство

1918–1939 годов

Нам, советским людям, очень трудно беспристрастно взглянуть на Польшу тех лет. С конца 40-х годов она была нашей сестрой и из любых её описаний, особенно для широкой публики, старательно убиралось то, что могло бы унижить поляков, вызвать по отношению к ним подозрение, или неприязнь, или то, что нынешних поляков могло бы обидеть.

Если немного отвлечься, то следует заметить, что самая необидчивая нация — это русские. Про них и говорить можно что угодно и хоть в лицо плевать — и в СНГ, и в Восточной Европе это вроде в порядке вещей. Но все остальные нации вроде как больные — не скажи им ничего (а на евреев и не смотри, а то невзначай и не так посмотришь). А потом получается: то в одной стране памятники снесли, то в другой надругались над могилами наших солдат, погибших за освобождение этих же подонков. А что возьмешь с больных-то? Я думаю, что это неправильно. Надо и нам смотреть на другие нации, как на здоровые, а то они никогда от своей болезни не вылечатся.

У государств, возникших в Восточной Европе после Первой мировой войны, возник определенный дефект и государственного, и общественного мировоззрения. Обычно государства образуются в той или иной степени в результате волеизъявления народа, в результате его борьбы за свое государство. В народе возникает взгляд на государство как на ценность, за которую пришлось бороться и за которую надо бороться.

А Польша, как, впрочем, и Чехословакия, Австрия, Венгрия и Прибалтийские государства, возникла в результате того, что Антанта нарезала ей куски земли из поверженных Германии, Австро-Венгрии и России. То есть полякам государство досталось как в подарок. Но и подарок бывает дорог и его берегут, за его судьбу боятся. А здесь же, к несчастью, у Польши практически немедленно появилась

возможность в ходе войны ограбить бессильные Советскую Россию и Литву, причем опять-таки — с поддержкой Антанты. У Украины и Белоруссии были отняты приличные территории почти с чисто украинским и белорусским населением, а у Литвы отнят кусок земли вместе с нынешней ее столицей — Вильнюсом.

Надо думать, что правительство Польши вряд ли надеялось, что эти приобретения сделаны навсегда, поэтому у носителей польской государственности воспитывалось органически злобное отношение к русским. Вряд ли тут имел вес большевизм русских. Геббельс, например, считал, что разница между гитлеровским нацизмом и коммунизмом в одном: коммунизм — это для всех наций, а нацизм — это тот же коммунизм, но только для немцев. Тем не менее к Гитлеру и Пилсудский, и прочие правители Польши трогательно жались, а территорию Польши долго держали укрытием для различных антисоветских банд, грабящих СССР, типа банд Булак-Булаховича.

Кроме этого, сами победы в войнах с Советской Россией и Литвой вскружили голову правительственным кругам Польши, им стало казаться, что Польша такая мощная держава, а сами они такие мудрые и дерзкие политики, что нет у Польши проблем, которые она не смогла бы решить силой. Что всегда у Польши будут в сильных покровителях Англия и Франция и, случись в результате польской авантюры какая-нибудь неприятность, Англия с Францией поляков из нее вытащат.

Этакий менталитет мелкого хулигана при сильном покровителе: можешь задирачься к кому угодно, не думая о последствиях, начнут тебя бить — покровитель вмешается. Если гитлеровская Германия становилась очень серьезным европейским бандитом, то Польша, сама не замечая этого, имела в Европе амплуа хулигана.

Смешно сказать, поляки упростили Гитлера заключить с ними пакт о ненападении сроком на 10 лет, а СССР еле упростили Польшу заключить с ним такой же пакт на 3 года. (Вот три года Польша еще может ждать, чтобы не напасть на СССР, а дальше уже не вмогуту!) И когда срок стал кончаться, то, чтобы убедить поляков продлить этот пакт еще на 10 лет, советским дипломатам пришлось изрядно наклоняться в Варшаве.

С начала тридцатых СССР стал искать пути организации европейских государств для обороны от агрессора. И именно Польша

делала все, чтобы в Европе из этого ничего не вышло. К примеру. В 1933 году СССР выступил с предложением о создании договора, который потом называли Восточным пактом. Первоначально предлагалось, что СССР, Франция, Чехословакия, Польша, Бельгия, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия заключат между собой договор на случай агрессии со стороны Германии. Больше года длились переговоры с перебором различных вариантов, пока Польша в конце концов не заявила, что не войдет ни в какой союз, если там будут Литва и Чехословакия. Министр иностранных дел Польши Бек хвастался немецкому послу Мольтке, что он нанес Восточному пакту «смертельный удар».

Кстати, из-за уже упоминавшихся особенностей советской пропаганды в СССР практически никто не знает, что в результате Мюнхенского сговора в 1938 году не Германия захватила Чехословакию, а Чехословакию захватили Германия и Польша. (Польше досталась Тешинская область.)

Никто не знает, что 11 марта 1938 года поляки спровоцировали инцидент на польско-литовской границе, Польша начала подводить войска к ней, одновременно приглашая немцев в литовскую Клайпеду, по всей Речи Посполитой шли демонстрации с лозунгами «Вперед на Каунас». (Столицей Литвы тогда был Каунас.) Но СССР 16 и 18 марта внятно пояснил Польше, что он не останется в стороне от проблем литовцев, и Польша тогда утихомирилась.

Прямо скажем, бойкая была у наших отцов соседка и безгранично напая. «Великий деятель» буржуазной Польши Ю. Бек, министр иностранных дел, в январе 1939 года удостоился аудиенции Гитлера и Риббентропа. Последний записал: «Я еще раз говорил с г. Бекком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу... Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю». А чего от верного друга мечты скрывать? Ведь им предстояло 15 марта совместно оккупировать Чехословакию, затем уже сами немцы 22 марта оттяпали у Литвы Клайпедскую область.

Но, взяв Чехословакию, Гитлер поставил следующей в очередь саму Польшу. 21 марта 1939 года английское правительство наконец сделало вид, что суетится по поводу европейского разбоя. Оно выступило с предложением, чтобы СССР, Англия, Франция и Польша

опубликовали декларацию о том, что они «обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» действиям, которые бы составили угрозу политической независимости любого европейского государства. Пустая, в общем, декларация, но Советский Союз сразу за нее ухватился, предложив включить в нее Балканские, Прибалтийские и Скандинавские страны.

Восемь дней английский Посол Кадоган уговаривал Варшаву, пока не сообщил в Лондон: «Поляки категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо другой), если участником ее будет также СССР». Вот оцените эту наглость: Гитлер Польшу уже в позу ставит, а она так пасть раззявила на Советскую Украину, что совершенно ничего видеть не желает. Но и англичане хороши. 30 марта они, не договорившись с СССР, дают Польше гарантию безопасности, а затем заключают с ней соглашение об обороне. Бедные поляки от радости совсем шалеют. Гитлер в конце апреля разрывает польско-германский договор о ненападении. Это фактически война! А полякам хоть бы что! Нагло устраивают погромы немецкого населения на территории Польши, поднимают военный ажиотаж, создают такое впечатление, что только дай им немцев, и они их голыми руками в клочья разорвут. И надо сказать, что речь шла не только о формальных членах того правительства, речь шла о достаточно широком слое польской элиты.

Уже упоминавшийся Ю. Бек жаловался Гитлеру, что он хотел бы пойти на уступки Германии, да экстремисты не дают. Это только усугубило положение, так как Гитлер не видел смысла говорить с правительством, не имеющим самостоятельности и авторитета даже в собственной стране.

И вот тут в Европе начались политические игры, то есть политики всех стран считали себя настолько мудрыми, а Сталина и Гитлера настолько тупыми, что им не виделось трудности в немедленном сраживании их в войне. И надежды на это им давал сам Гитлер. В его «Майн Кампф» — новой немецкой Библии — лейтмотивом шла война с СССР и дружба с Англией. Но Гитлер в 1939 году еще не был готов к войне с СССР, даже сильно недооценивая силу Советского Союза, он считал его очень серьезным противником. А Сталин не

готов был в одиночку драться с Германией и Японией, кроме этого, он и не собирался это делать в одиночку.

В 1937 году Гитлер выступил перед элитой Германии с политическим завещанием — своими планами — на случай своей внезапной смерти. По этим планам 1937 года он собирался захватить Чехословакию, то есть выйти к границам СССР только к 1942 году. И то, что он сделал это в 1939 году, объясняется исключительно стремлением Запада быстрее подтолкнуть Германию на Восток, а самому остаться вне войны.

В перспективе этой бредовой идеи Англия начала летом 1939 года тайные переговоры с Гитлером о военном союзе, правда, справедливости ради отметим, что по этим предложениям предусматривалась неприемлемая для Гитлера неприкосновенность Польши. Одновременно началась симуляция заключения договора между СССР, Англией и Францией об оборонном союзе против Германии. То, что это была наглая симуляция и Англия с Францией на самом деле не собирались объединяться с СССР, а только пытались запугать этим Гитлера, сегодня даже на Западе всем ясно. Было это ясно и тогда. Посол Англии в Польше А. Кадоган еще 20 мая записал в своем дневнике: «Премьер-министр (Чемберлен. — Ю. М.) заявил, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами». Сам Чемберлен 30 июля в своем дневнике оставил такую запись: «Англо-советские переговоры обречены на провал, но прерывать их не следует; напротив, надо создать видимость успеха, чтобы оказать давление на Германию». Американский посол в Париже докладывал своему правительству, что политика Чемберлена и Галифакса в отношении Москвы была «чуть ли не оскорбительна».

Генерал А. Бофр, член французской делегации на переговорах в Москве, писал: «Когда сегодня перечитываешь проект англо-франко-советского договора (советский проект. — Ю. М.), задаешь себе вопрос, как могло случиться, что дипломатия (западных стран) была столь слепой и мелочной, что упустила возможность подписания такого важного соглашения из-за столь незначительных расхождений... Советские аргументы были весомые... Наша позиция оставалась фальшивой».

Что же это за разногласия? Их было много, но многие из них и заставил снять Советский Союз в ходе этих длительных переговоров.

Осталось в основном одно.

Советский Союз требовал, чтобы в случае, если Германия нападет на Польшу и он, согласно договору, вместе с Англией и Францией объявит Германии войну, то Польша обязана пропустить Красную армию через свою территорию к границам Германии и дать ей войти в боевой контакт с вермахтом. Ведь до сентября 1939 года у СССР не было общих границ с Германией.

Казалось бы, что Советский Союз идет на какую-то уступку Англии, Франции и Польше, ведь от того, что Красная армия вступит в бой, легче будет только союзникам. Почему же Польша так яростно отказывалась от этого? Почему Англия и Франция не настаивали? И кстати, а зачем это, собственно, так надо было Советскому Союзу?

Затем, что правительство СССР проиграло и такое развитие событий.

В ходе раздела Германии после Первой мировой войны значительная часть территории Германии — Восточная Пруссия, ныне Калининградская область — стала отделена от собственно Германии польской территорией. Город и порт Данциг, с чисто немецким населением, стал «вольным», но на территории и под контролем Польши. Официальными требованиями Германии к Польше, вызвавшими войну, стали требования объявить Данциг немецким и разрешить проложить железную и автомобильную дорогу через польскую территорию к Восточной Пруссии (коридор). Строго говоря, это не такие уж и непомерные требования. То, что нынешнее правительство России не защищает русских на территории СНГ, еще не значит, что Гитлер и вся Германия не считали своим долгом защитить немцев Данцига от произвола польских экстремистов и бюрократии. Даже уже после начала войны с Польшей, получив ультиматум от Англии с требованием вывести войска из Польши и оплатить убытки, Гитлер согласился это сделать, но только если Польша согласится на передачу Германии Данцига и на создание коридора. Конечно, Гитлер хотел не этого, и все это понимали, но официально его требования к Польше выглядели вполне умеренно и даже справедливо. Я уже писал, что министр иностранных дел Польши Б. Бек был готов на эти уступки.

Представим себе такое развитие событий. Немцы нападают на Польшу. СССР, Англия и Франция объявляют войну Германии, а через

три дня Польша, Англия и Франция заключают с Германией сепаратный мир, а СССР остается в состоянии войны. Далее Польша объявляет войну СССР и они вместе с Германией делят (в порядке компенсации за Данциг) Украину.

Для СССР этот вариант был особенно реальным. Ведь именно Советская Россия в 1917 году заключила с немцами сепаратное перемирие, бросив своих союзников Англию и Францию. Что касается разворота Польши на 180 градусов по этому варианту, то это тоже реальность. Союзники Гитлера во Второй мировой войне — Италия, Финляндия, Румыния, Болгария — в ходе войны развернулись на 180 градусов, и их армии стали участвовать в боевых действиях против Германии.

Поэтому СССР и требовал личного участия в боевых действиях. В этом случае его союзникам было бы очень трудно вести сепаратные переговоры без него, да и Германии с Польшей трудно было бы начать войну с ним, имея Красную армию на территории Польши. И то, что Англия и Польша не приняли этого требования, хотя Англия в связи с подписанием военного соглашения с Польшей могла на них настоять, говорит о их нечистоплотности и о трезвости анализа обстановки Советским правительством.

Но в любом случае мы видим, что именно польские правящие круги отказались от союза с СССР в борьбе с немцами, и именно они формально не дали СССР, Англии и Франции объединиться для этой борьбы в 1939 году, и именно они были теми, кто фактически разжег войну.

Впоследствии министр иностранных дел Англии А. Иден, докладывая парламенту итоги Ялтинской конференции, упрекнул своих предшественников: «Может ли кто-нибудь усомниться сейчас в том, что если бы единство между Россией, Британией и Соединенными штатами, установленное в Ялте, имело место в 1939 году, то эта война никогда бы не разразилась?»

Вся эта англо-польская дипломатическая суэта, вызвавшая войну, ни в малейшей мере не напугала Гитлера, возможно, оскорбила, но не привела в смятение и Сталина. Сталин поступил по принципу, рекомендуемому американской полицией: если тебя насилуют и нет возможности сопротивляться, то расслабься и постарайся получить удовольствие.

То, что он заключил пакт о ненападении с Германией, само по себе ничего удивительного не несет: эти пакты с Германией уже имели и Англия, и Франция. Более того, как уже писалось, Чемберлен даже военный союз хотел с Гитлером составить, и несмотря на то, что очень боялся летать, трижды летал на личную встречу с любимым фюрером. А к Сталину не то что не полетел лично, даже Галифакса не послал. На переговорах в Москве Англию представлял мелкий чиновник, который отправился на грузо-пассажирском пароходе без спешки и без полномочий. Не любил Чемберлен СССР, больше любил Гитлера. Что тут поделаешь — насильно мил не будешь.

Но вот почему Сталин, ярый враг нацизма, заключил договор с Гитлером — ярым врагом коммунизма?

Потому и заключил, что был ярым и непримиримым врагом Гитлера. Считается, что Сталин получал время на подготовку к войне. Это само собой разумеется. Но я думаю, что главное было в другом: Сталин смотрел в будущее несколько дальше своих оппонентов на Западе.

И Гитлер, и генштаб Германии, учитывая опыт Первой мировой войны, боялись как огня войны на два фронта. Биограф Гитлера пишет, что после заключения пакта о ненападении с СССР и Гитлер, и военщина ликовали: Гитлер убрал от Германии второй фронт! Это было бы так, если бы нападением на Польшу Гитлер смог войну и закончить. Но ведь он ее не закончил и через два года получил то, чего и боялся, — войну на два фронта.

А вот представьте, что Гитлер не заключил бы с СССР пакт о ненападении, а в союзе с Польшей, Венгрией, Румынией, Италией и Японией, то есть со всем антикоминтерновским пактом, напал бы на СССР в 1939 году. Имел бы он в этом случае войну на два фронта? Исключено! Он бы начал и кончил эту войну, имея только один фронт. А СССР дрался бы на два фронта — и на западе, и на востоке — не имея ни одного союзника, кроме Монголии. Англичане говорят, что в войне допустимо проиграть все битвы, кроме последней. Сталин думал о том, как выиграть последнюю. У Гитлера ума для этого не хватило. Да, Гитлер в 1939 году в мелкой битве с Польшей и в мелких битвах с Францией и прочими имел один фронт, но и это не его заслуга, а заслуга Англии и Польши. Зато СССР от начала до конца войны имел один фронт — и это заслуга Сталина.

Гитлер с 20-х годов хотел иметь в союзниках Англию, он просто стонет о ней на протяжении всей своей «Майн Кампф». Он даже своего наследника — Гесса — посылает к ней в мае 1941 года. А получил-то Англию в союзники Сталин! Хотя прямо скажем, что именно этого-то Англия и не хотела.

Ведь что хотели «мудрые» политики в Париже и Лондоне? Они хотели, чтобы Вторая мировая война началась с того, что люфтваффе отбомбило бы Москву. А что получили? Правильно, благодаря пакту Молотова — Риббентропа, люфтваффе отбомбило Варшаву, Лондон и Париж. И уж после этого строптивая и неверная Англия, которая так издевалась над СССР летом 1939 года, не смогла не упасть в объятия СССР летом 1941 года.

Черчилль, мудрый политик, искренне ненавидел СССР, так как видел в нем главную угрозу Британской империи, он даже свою речь о союзе с СССР 22 июня 1941 года не стеснялся предварить изъяснениями своей ненависти к большевизму: «Никто за последние 25 лет не был более ярким противником коммунизма, чем я. Я не беру обратно ни одного своего слова...». Но после смерти Сталина он сказал о нем, что это человек, который своих врагов умел бить руками своих врагов. И это так. Черчилль, враг Сталина, шесть лет бил врагов Сталина — нацистскую Германию и милитаристскую Японию. И деваться Черчиллю было некуда — хотел бы не бить, да не получалось.

Сталин обладал хозяйской, прямо-таки, крестьянской сметкой. Гитлер ведь начал просить заключить пакт о ненападении с лета 1939 года. Сталин не спешил: была надежда на договор с Англией и Францией. Но и не гнал Гитлера. А чтобы не лишать надежд, поставил условием предварительное экономическое соглашение: Германия должна поставить СССР станки и оборудование для производства боеприпасов и оружия, образцы танков, артиллерийских орудий и самолетов, лицензии и ноу-хау на их производство, крупновскую броневую сталь и цейсовскую оптику. Даже почти готовый тяжелый крейсер «Лютцов» понравился Сталину, видимо, потому, что Гитлеру его тяжело было отдать, ведь Германия мечтала о господстве на море. Гитлер с поставкой оружия согласился, несмотря на сопротивление собственного вермахта.

Тогда Сталин выяснил, что у СССР нет столько зерна, нефти и руд, чтобы на бартерной основе обменять на желаемое оружие. И он потребовал 200 млн. марок кредита на 5 лет под 5 % годовых. Гитлер опять согласился.

Тогда занялись территориальными проблемами, и тут у советской стороны возникают все новые и новые идеи. Гитлер соглашается со всем.

И когда после приезда англо-французской делегации в Москву 12 августа выяснилось, что она и не уполномочена ничего решать, и не собирается решать главный вопрос — пропуск войск через Польшу, то 22 августа был вызван в Москву Риббентроп и 23 они с Молотовым подписали пакт о ненападении.

Следует добавить, что в момент подписания пакта еще ни одна страна в Европе не воевала, а СССР уже воевал с Японией на Халхин-Голе. Это сражение было отеснено великими битвами 1941–1945 годов, но для масштабов 1939–1940 годов эти бои были ожесточенны и значительны. Японцы напали на Монголию 10 июля. Оказывая помощь своей союзнице, Советский Союз перебросил в монгольские степи войска и авиацию. Объединенные союзные силы под командованием Г. Жукова 20 августа начали окружение японской армии численностью 85 тысяч человек. В ходе ожесточенных боев по японским данным было убито с японской стороны 67 тысяч человек, с советской стороны — 18,5 тысяч. Бои закончились только 16 сентября. Для сравнения. Разгромив Польшу, Германия потеряла убитыми 16,6 тысяч солдат и офицеров, Польша — 66 тысяч.

Пакт Молотова — Риббентропа поставил точку на авантюрах японцев в СССР. Дело в том, что по союзному договору с Германией, стороны обязывались оказывать друг другу помощь только в случае, если они сами подвергнутся нападению. Пакт и последующий договор о дружбе между СССР и Германией делал для Японии войну с СССР при помощи Германии маловероятной. Но Япония в случае войны с Америкой не могла оставить у себя за спиной не связанный ничем СССР. И она стала просить у СССР договор о мире, выпросив весной 1941 года лишь договор о нейтралитете. Сориентировавшись на войну с США, она уже не смогла впоследствии ударить по СССР, не смогла открыть на востоке Союза второй фронт.

Первейшая обязанность правительств любых стран заключается в защите своего народа от внешнего врага. Для этого государства и создаются. Чтобы это осуществить, правительства обязаны не только содержать армию, но и укреплять свою страну надежными союзниками.

Тупые и подлые политики Польши во имя своих дурацких амбиций (ну куда Польше была еще и Украина, если у нее и так 30 % населения не говорило на польском языке?) отказались от союза Польши с единственным в то время надежным союзником — СССР, не дали создать антигитлеровский союз, вызвали Вторую мировую войну, в которой именно Польша имела самый большой процент потерь населения — 17,1. Войну, в которой был убит каждый шестой гражданин довоенной Польши.

Расследуя Катынское дело, мы обязаны об этом помнить, чтобы понимать позицию этих правителей в геббельсовской провокации. Для них единственным оправданием перед народом, перед историей и перед собой была ложь о том, что в случае пропуска Красной армии на территорию Польши, поляков бы погибло от рук НКВД не меньше, чем от гестапо. Только эта фальшивка давала возможность им и их последователям хоть как-то смотреть людям в глаза.

Польская армия и ее офицеры

Мы видим, что внешне польская правящая элита вела себя дерзко и вызывающе по отношению к Германии. Уже летом Польша начала скрытую мобилизацию, и хотя полностью провести ее не удалось, война с немцами для миллионной польской армии ни в коем случае не была неожиданностью.

Давайте для наглядности действия польской армии и польского правительства оценивать в сравнении с действиями других армий и других правительств в примерно похожих условиях.

На 10 июля 1941 года война Германии и СССР длилась 18 дней и, конечно, для Красной армии она уже не была неожиданностью. В этот день группа немецких армий «Центр» с поддержкой группы армий «Север» численностью сначала 51, а затем 62,5 дивизий, то есть до миллиона человек, начала Смоленское сражение. Немцам сначала противостояли 24 дивизии Западного фронта и отходившие от границ разрозненные части. Так как советская дивизия по штатной численности уступала немецкой в полтора раза, то можно считать, что первоначально немцам противостояло до 300 тысяч советских войск, однако впоследствии в сражение ввязались войска четырех фронтов, так что и с советской стороны численность вряд ли была меньше немецкой. Но качественное превосходство немцев в выучке, умении действовать оружием, умелом руководстве командиров всех степеней было несомненным. Советские войска в то время могли противопоставить только свою решимость защищать Родину. В итоге это сражение длилось ровно два месяца, в ходе его были временно окружены четыре советские армии, но все-таки в результате немцы продвинулись на восток всего на 100–150 км.

Поздней осенью немцы приблизились к Москве на расстояние, с которого в бинокль уже был виден Кремль. В Куйбышеве уже была оборудована запасная столица. Из Москвы эвакуировались люди, предприятия, штат министерств, архивы, музеи, но ни один член правительства, от которого непосредственно зависела оборона страны, Москву не покинул.

Германия атаковала Польшу 1 сентября 1939 года, ту самую, которая, по мнению Черчилля, проявила «гордое и надменное отношение к дерзости немцев». Как же внешне выглядело это «гордое и надменное отношение»? Гитлеровский генерал Типпельскирх эту гордость описывает следующим образом: «Когда польское правительство поняло, что приближается конец, оно 6 сентября (через 5 дней „поняло“, сообразительное! — Ю. М.) бежало из Варшавы в Люблин. Оттуда оно выехало 9 сентября в Кременец, а 13 сентября в Залещики — город у самой румынской границы. 16 сентября польское правительство перешло границу. Народ и армия, которая в это время еще вела последние ожесточенные бои, были брошены на произвол судьбы».

Своеобразна, надо сказать, была гордость польской элиты.

Теперь неплохо было бы выяснить, кто именно в Польше ожесточенно сражался с немцами.

В пехоте непосредственно стреляют в противника и принимают на себя его выстрелы солдаты и сержанты. Если армия опытна, солдаты обстреляны и не паникуют, то офицеры должны находиться несколько сзади, чтобы видеть все свое подразделение. Тем не менее даже в этом случае в звене взвод — батальон офицеры находятся в зоне действия стрелкового оружия и являются основной целью для всех родов войск противника. Если брать за основу советскую организацию, то в этом звене плотность офицеров в стрелковых войсках примерно 1:16. В других войсках — артиллерии, танковых и авиации — она еще больше. Скажем, в истребительной авиации бой ведут практически одни офицеры или, по крайней мере, их там очень много. Так что, если армия опытна и обстреляна, патриотизм и рядовых, и командиров одинаков, то соотношение убитых в боях солдат и офицеров не должно быть сильно высоким (надо думать, не выше, чем один убитый офицер на 15 убитых солдат), и не должно быть сильно низким — ведь непосредственный бой ведут все-таки солдаты.

Возьмем, к примеру, итоги освобождения Восточной Европы войсками Красной армии в 1944–1945 годах. В это время советские солдаты и офицеры были и достаточно опытны и обстреляны. В этих боях были убиты и пропали без вести 1 051 353 советских военнослужащих, из них 92 670 офицеров. Соотношение 1:10,3.

Это при допущении, что солдаты и офицеры патриоты в равной степени. А вот, скажем, в японо-китайской войне с июля 1937 по декабрь 1938 года было убито 330 тысяч военнослужащих китайской армии, потери офицерами были 1:25.

В это время главным военным советником Чанкайши был генерал-лейтенант А. И. Черепанов. Он писал о китайских войсках: «Такова была армия, с которой нам пришлось столкнуться, — армия с реакционно настроенным офицерством, но в лице лучших своих представителей охваченная патриотическим порывом».

А японское командование так характеризовало китайскую армию: «Центральные войска хороши. Местные войска и новые дивизии тоже сильны. Но авиация и артиллерия слабы, поэтому и боеспособность китайских войск ниже нашей. Характерны отсутствие страха смерти. Руководство со стороны китайских офицеров плохое. Не хватает активности, не хватает стремления к активным действиям...

Отставшие войска, несмотря на то что главные силы уже отступили, все же до последнего обороняют позиции».

Вы видите, когда цели и патриотизм офицеров и солдат различны, то у офицеров есть возможность сократить свои потери.

Но у армий бывают и другие случаи. Когда солдаты не обучены, когда они не обстреляны, когда они паникуют и бегут. В это время профессионалы, люди, которых Родина специально содержала для войны, волей-неволей выдвигаются в боевые линии и начинают гибнуть в непропорциональных количествах. Вспомним генерала Рокоссовского, ходившего в полный рост по передовой в сражении под Москвой, чтобы подбодрить солдат. Вспомним маршала Ворошилова, поднявшего в атаку под Ленинградом батальон морской пехоты и получившего в этом бою пулю в руку.

Летом 1938 года японцы атаковали нашу границу в районе озера Хасан. Нарком обороны СССР маршал Ворошилов 4 сентября дал приказ № 0040, в котором он резко критикует руководство боями маршалом Блюхером и, в частности, пишет: «Причем процент потерь командно-политического состава неестественно велик — 40 %, что лишний раз подтверждает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и

неприкосновенность территории своей великой социалистической Родины...».

То есть в боях на Хасане на двух убитых офицеров приходилось всего 3 солдата.

И ничего, между прочим, не изменилось и в наше время. В декабре 1994 года Россия ввела в Чечню необстрелянную армию. Цифры здесь такие.

На 1 февраля 1995 года потери Тульской дивизии ВДВ: убитыми 8 офицеров и 28 солдат и сержантов, соотношение 1:3,5; ранеными 38 офицеров и прапорщиков и 120 солдат, соотношение 1:3,2. У Восьмого гвардейского корпуса: убитыми 36 офицеров и прапорщиков и 104 солдата и сержанта, соотношение 1:2,9; ранеными 134 офицера и прапорщика и 363 солдата и сержанта, соотношение 1:2,7.

Но вернемся в 1939 год, к потерям польской армии. В 1947 году в Варшаве был опубликован «Отчет о потерях и военном ущербе, причиненном Польше в 1939–1945 гг.». Потери своих войск поляки оценивают в следующих цифрах (тысяч человек):

Сентябрьская кампания 1939 года — 66,3.

1-я и 2-я Польские армии на Востоке — 13,9.

Польские войска во Франции и Норвегии — 2,1.

Польские войска в английской армии — 7,9.

Варшавское восстание 1944 года — 13,0.

Партизанская война — 20,0.

Итого: 123,2.

Польский же автор Ч. Мадайчик, исследователь Катынского дела, оценивает число убитых офицеров в сентябрьской кампании в 1967 человек.

Следовательно, соотношение между убитыми офицерами и солдатами в боях за независимость Польши в 1939 году — 1:32,2. Что случилось? Почему такое до дикости нехарактерное соотношение убитых для еще неопытной армии, защищающей Родину?

Могут сказать, что у Польши была какая-нибудь специфическая армия, со специфической организацией. Ничего подобного. Армию Польши создавали французские советники по французскому образцу и французским уставам, как иронизирует Типпельскирх, «с учетом польского темперамента». Сама же французская армия в боях начала лета 1940 года, до того как Франция капитулировала, потеряла около

100 тысяч человек убитыми и 30 % от этого числа были французские офицеры! Соотношение убитых офицеров и солдат 1:2,3, а не 1:32,2, как у поляков. Получается, что Польшу защищали только холопы, а гордая польская шляхта сбежала вслед за государственной элитой.

Мне думается, что дело здесь в довоенной государственной пропаганде, в глубоком внедрении в умы элиты идей, что дело Польши только затеять войну, а бить немцев будет французский Жак и английский Джон. Вот и берегла шляхта свои жизни, чтобы было кому щелкать каблуками в Берлине на параде победителей. Не сдерживала немцев своими жизнями.

В 1941 году в Советском Союзе из бывших польских военнопленных начала формироваться польская армия, которая получила название армии генерала Андерса. Советский Союз одел, обул и вооружил по разным данным от 75 до 90 тысяч польских солдат и офицеров. Да ведь когда вооружил! В 1941 году! Тогда, когда собственные солдаты шли в бой в гражданской одежде с учебными винтовками. Когда 7 ноября 1941 года на параде в Москве провозили пушки, взятые из музеев, а московское ополчение вооружали трофейными японскими винтовками, взятыми в войне 1904 года.

Но Андерс начал с того, что отправил в Англию из Советского Союза 200 польских летчиков и моряков, а в январе уже начал требовать отправки его армии в Иран. Кончилось тем, что в разгар Сталинградского сражения, когда был дорог каждый человек и каждый автомат, армия Андерса в количестве 114 тысяч человек (вместе с семьями) сбежала через Каспийское море на Средний Восток, где англичане поставили их охранять нефтепромыслы. Вспомним, что в это время в Советский Союз (в ноябре 1942 года) стекались французские летчики, недовольные тем, что им не дают на Западе бить немцев. И эти летчики с 1943 года немцев начали бить. Они совершили 5240 боевых вылетов, в бою погибли 42 из них, но они все-таки за войну сбили 268 и подбили 80 немецких самолетов. А поляки Андерса в это время «гордо и надменно» давали понять, что нет силы, которая могла бы их заставить приблизиться к немцам на пушечный выстрел. По этой причине в советской историографии об армии Андерса говорится крайне скупое, только упоминается, что в 1944 году они участвовали в Италии в боях под Монте-Кассино.

Уже упоминавшийся гитлеровский генерал Типпельскирх, который в начале 50-х написал «Историю Второй мировой войны», боям на Восточном фронте уделил до смешного мало внимания (хотя на этом фронте, даже по искаженным немецким данным погибло 83 % всей немецкой армии), но зато подробно описал самые мелкие операции в Африке и Италии. Например, главку «Последняя наступательная операция на Востоке», в которой он упомянул о битве на Курской дуге, которую, кстати, начали 900 тысяч немцев и где их общие потери составили 500 тысяч человек, он написал в объеме 3,5 страницы. Даже не упомянул о самом большом за всю историю танковом сражении под Прохоровкой, где в один день было уничтожено 10 тысяч немцев и 400 их танков — две танковые дивизии в полном составе.

А вот о высадке союзников в Сицилии, где с немецкой стороны участвовали сначала две, а потом четыре дивизии, в том числе и одна танковая, он написал 6,5 страниц.

Естественно, у такого историка должны быть подробно описаны и бои у Кассино. Действительно, он подробно описывает, как одна немецкая армия, растянувшаяся поперек Италии, полгода сдерживала наступление союзников, в том числе и в том месте, где они хотели прорваться к Риму — у города и монастыря Кассино. Есть тут и про поляков. Причем аж два раза! Сначала он пишет: «Справа к ней примыкал один корпус 8-й английской армии, который должен был наступать по долине реки Лири и у высот Кассино, а рядом с ним занял исходное положение польский корпус, получивший задачу продвигаться севернее Кассино». (Убедил-таки Черчилль поляков Андерса повоевать). И далее: «Так как польскому корпусу прорваться севернее Кассино не удалось, обстановка на этом участке оставалась сносной».

Американцы же и французы тем временем с исключительным упорством продолжали развивать наступление в горах Лепини превосходящими силами в северо-западном направлении, выйдя благодаря этому не только глубоко во фланг 10-й армии, но одновременно и в тыл 14-й армии, удерживавшей оборону вокруг плацдарма. Больше о поляках не упоминается.

Таким образом, генерал Андерс со своими отличниками патрульно-сторожевой службы у Кассино обеспечивал немцам

«сносную» обстановку, видимо по-прежнему пытаюсь удержать соотношение убитых офицеров и солдат не менее 1:30.

Можно вообще удивляться, как опытного Сталина в случае с армией Андерса могли обмануть. Дело в том, что его обманули так, как обманывают умных и порядочных людей, — элементарно. Глава польского правительства в Лондоне, генерал Сикорский, на переговорах в Москве осенью 1941 года, в момент, когда он договаривался о создании этой армии, просто пообещал советскому правительству, что армия Андерса будет сражаться с немцами вместе с Красной армией. Он только просил отправить в Иран избыточные для комплектования армии 25 тысяч человек. Сталину просто не пришло в голову, что полякам ни в каких случаях верить нельзя и что шляхта, не моргнув глазом, изменит любому своему слову.

Правда, существует мнение, что все дело в трусости самого Андерса. Где-то в 50-х годах польский эмигрант в Англии Ромуальд Святек вернулся в Польшу, был арестован советскими властями, получил 25 лет лагерей, семь из них провел в Сибири, два года в ссылке и снова вернулся в Лондон. Там он написал интересную книгу «Катынский лес», факты из которой мы, к сожалению, использовать не сможем, так как они противоречат версии сторонников Геббельса и ими отрицаются. Но пару оценок действующих лиц того периода нельзя не дать.

«Здесь я должен добавить, — пишет он, — что назначение генерала Андерса главнокомандующим польской армией в России было одной из крупнейших ошибок и продемонстрировало неспособность генерала Сикорского найти на эту должность достойного человека. Будь вместо Андерса главнокомандующим генерал Борута-Олехович, я уверен, что он не побоялся бы сражаться на Восточном фронте. Его бы не раздражал русский ржаной хлеб и сон на соломенном матраце. Он бы знал, как взглянуть в будущее, и был бы во главе польской армии, входящей в освобожденную Варшаву. Мы знаем, что генерал Андерс не мог забыть то унижительное время, проведенное в тюрьме, и дышал ненавистью и презрением к России и русскому народу, и с самого начала делал все, что было в его силах, для создания максимально плохих отношений между русским и польским командованием. Любым своим шагом он проявлял огромное

нежелание, граничащее со страхом, как только поднимался вопрос об участии польской армии в боевых действиях на Восточном фронте.

С самого начала он маневрировал с целью вывести польскую армию из России на Средний Восток. Вместе с польским послом Котом они не понимали, что выполняют чрезвычайно важные функции в единственной своего рода системе, и поступили столь эгоистично, словно находились в своем собственном доме, нанося таким поведением громадный вред полякам и Польше».

Нет, не убедительно пишет Святек, он хочет оправдать трусостью Андерса трусость тысяч польских офицеров его армии. Если бы они хотели драться с немцами, то нашли бы способ повлиять на Сикорского. Здесь дело сложнее, здесь дело в государственной русофобии и в уже упоминавшейся государственной идее воссоздать Польшу чужими руками.

Разве в том, что французские летчики дрались с немцами в России, заслуга только майора Ж. Тюлана? В битве под Курском майор Тюлан принял смерть, но это никак не повлияло на французов. Полк «Нормандия» принял майор Дельфино, а не было бы его, был бы другой, и французы дрались бы с немцами так же храбро.

Но ведь и не все польские офицеры ушли с Андерсом. Остался полковник Берлинг, возглавивший сначала польскую дивизию патриотов в составе Красной армии, затем корпус. При вхождении в Польшу и получении возможности призыва на службу поляков, эти части выросли в две польские армии — Войско Польское, — которые к Берлинской операции уже имели численность 400 тысяч человек. Эти поляки действительно дрались с немцами, а не обеспечивали им «сносную обстановку» на фронте. И это видно по потерям.

Начав бои 12–13 октября у поселка Ленине, эти польские войска с боями прошли через Варшаву до Берлина. Как видно из таблицы потерь, это действительно были бои. Если все польские войска вне СССР в составе французской и английской армий с 1940 по 1945 год в сухопутных, морских и воздушных боях потеряли 10 тысяч человек, то Войско Польское — 13,9. И о каком бы военном искусстве ни говорили, но потери при равном противнике — это и показатель жесточенности боев с ним.

Правда, по советским данным Войско Польское потеряло в боях с немцами на Восточном фронте 25 тысяч человек.

Тут вот в чем дело. Сталин был не из тех, кто дважды наступает на одни и те же грабли. Войско Польское не было чисто польским. Туда в большом количестве посылались для службы советские солдаты и офицеры. Только офицеров и генералов Советской армии было направлено 20 тысяч человек. Официально, по-видимому, считалось, что они имеют фронтовой опыт, в отличие от польских офицеров, но, надо думать, советское правительство не желало повторять таких экспериментов, как с армией Андерса, предавшей общее дело в самый тяжелый момент.

Мой отец рассказывал, что в то время из их части отправили в Войско Польское всех, у кого фамилия была похожа на польскую — оканчивалась на «-ский». Вспоминал фронтовой анекдот. Перед боем в польском полку идет молебен. Ксендз проходит вдоль строя солдат, давая поцеловать им распятие. Один солдат отказывается: «Не могу, я комсомолец». — «Целуй, — шипит ксендз, — я сам коммунист».

Так что расхождения в этих цифрах нет, советская энциклопедия дает сумму погибших, а польский источник дает только число убитых поляков.

Надо еще сказать следующее. Цифра 123,2 тысячи погибших польских военнослужащих — это далеко не полная цифра. Она учитывает только тех, кто погиб в боях с гитлеровским блоком. А справедливости ради сюда надо бы приплюсовать и военнослужащих, которые погибли в составе гитлеровских армий. Поляки об этом «скромно» умалчивают: так только вскользь где-нибудь промелькнет, что, дескать, немецкие раскопки в Катынском лесу охраняли гестапо и польская жандармская часть, и все. Как будто участие поляков в боях с Советским Союзом на стороне немцев — это что-то такое совсем уж невинное, вроде курения в неположенном месте.

А положение здесь таково. С 22 июня 1941 года по 2 сентября 1945 года Советская армия взяла в плен 4172024 пленных 24 национальностей. Поляки в этом списке занимают седьмое место, существенно опередив, например, итальянцев. Всего в плен было взято 60280 польских военнослужащих немецкой армии (итальянцев — 48967). По этой цифре можно прикинуть, сколько же поляков было убито в составе гитлеровской армии. У самих немцев безвозвратные потери на Восточном фронте составили 6046 тысяч человек, 3390 тысяч попали в плен. Если предположить, что такое же соотношение

было и среди польской части гитлеровской армии, то тогда в ходе войны на Восточном фронте было убито 45–50 тысяч поляков, а общее их число в составе гитлеровских войск надо оценивать в 105–110 тысяч. Сравнимо, надо сказать, с армией Андерса.

Общая цифра убитых за Родину польских военнослужащих — 123,2 тысячи человек — столь незначительна, что поражает. Ведь война даже Англией формально велась за Польшу. Но если в Соединенном Королевстве число убитых в войне солдат на 10 тысяч населения составляет 58 человек, то в Польше всего 35 человек.

И, право дело, хотя и необходимо, но просто оскорбительно для СССР сравнивать потери его армии с польскими. Советская армия потеряла в боях с немцами и их союзниками (в том числе и польскими) 8668,4 тысячи человек, что на 10000 населения составляет 458 человек! Пусть Польша вдумается в эту цифру — вот так примерно армия Родины должна защищать свою Родину! Не себя жалеть, не свою шляхетскую кровь и офицерскую спесь, а Родину!

Народ любой страны в мирное время отрывает от себя порой последнее, чтобы обууть, одеть, вооружить и накормить армию, дает ее офицерам пристойное содержание и все это с надеждой, что во время войны труды и затраты народа на армию не пропадут даром — армия ценой своей жизни защитит жизнь народа.

И хотя Советская армия свой долг выполнила, то все-таки нельзя сказать, что выполнила она его идеально. Прямые военные потери СССР составили 21780 тысяч человек, за вычетом потерь армии — 13112 тысяч мирного населения. Советская армия допустила, чтобы враг на двух убитых советских солдат убил еще и трех мирных жителей.

Ну, а как польская армия сохранила кормивших ее мирных жителей?

Считается, что Польша за Вторую мировую войну потеряла 6 миллионов жителей. Сложно, однако, понять, как эта цифра получилась, ведь географическое положение Польши после войны стало совершенно иным, чем в 1939 году. К сожалению, автор никогда не видел объяснений этой цифре. Единственные подробности польских потерь мирных жителей случайно попались в книге апологета сионизма М. Даймонта «Евреи, бог, история», где он пишет: «Иначе обстояло дело в Восточной Европе. Самым постыдным

было поведение поляков. Они безропотно выдали немцам 2 миллиона 800 тысяч евреев из 3 миллионов 300 тысяч, проживавших в стране. Польше предстояло узнать, что немцы презирали ее не меньше, чем евреев. Они вырезали, как баранов, около полутора миллионов поляков».

Отвлечемся. Можно понять оскорбленные чувства еврея, но не еврея бы вспоминать о баранах. Американец Джон Толанд получил Пулитцеровскую премию за биографию Гитлера. В ней он приводит совершенно неизвестный ранее автору факт о том, как немцы «окончательно решали вопрос с евреями»: «Возможно, самым дьявольским новшеством в системе „окончательного решения“ было создание „еврейских советов“ по организации депортации и умерщвления своих же собратьев. Мозес Мерин, один из тех, кто сотрудничал с немцами, оправдывался: „Я не побоюсь пожертвовать 50 тысячами наших сородичей ради спасения других 50 тысяч“».

Толанд, к сожалению, не продолжил мысль и не объяснил, каким образом этот Мерин сортировал своих баранов: сколько и кого именно отправлял на бойню, а сколько и по каким соображениям ему удалось спасти для расплода.

Поляки не были баранами. Это, конечно, не белорусы, потерявшие в войну из-за ожесточенного партизанского сопротивления каждого четвертого, но и они на убой безропотно не шли, они сопротивлялись немцам, и часть поляков это делала отчаянно. Катынское дело ведь выдумано было Геббельсом, в частности, и для того, чтобы уменьшить потери немцев в Польше.

Но вернемся к теме. Даймонт дает более низкую цифру потерь Польши — 4,3 миллиона человек. Однако даже если мы возьмем за основу ее, то получится, что армия буржуазной Польши допустила, чтобы враг на одного убитого с оружием в руках убил 20 безоружных! Кому, какому народу может понадобиться такая армия и такие офицеры?!

Сегодняшним сторонникам и защитникам идей Геббельса и бывшего польского правительства является польский профессор Ч. Мадайчик, его обширную статью мы возьмем за основу для своего расследования Катынского дела. Неизвестно, каким наукам учит данный профессор, но мне кажется, что это профессор искусствоведения со специализацией по театру или венской оперетте.

У него и статья называется «Катынской драмой», и главы названы актами, и жизнь в лагерях военнопленных идет не по плану, уставу или распорядку, а по «сценарию». Если это так, то как-то можно понять, откуда берутся сентенции такого рода: «В то же время неизвестно, когда было принято решение о способе уничтожения (индивидуально или массово, расстрел или утопление и т. п.), обычными методами или выстрелами в затылок. А это означало лишить польских офицеров права на почетную — в воинском понимании — смерть — находясь лицом к врагу».

Такая «почетная смерть» в ходу исключительно у опереточных офицеров. Тех, у кого главная служба заключается в звяканье шпорами по паркету и целовании ручек паненкам. Тех, кто стреляет только по зайцам на охоте, да и то попадает при этом в зад своему камердинеру. Неужели эти сентенции и есть нынешняя польская «духовность»? И, что оскорбительно, ведь у этих носителей «духовности» нет ни крупницы элементарной логики — ну, кто мешал польским офицерам принять «почетную смерть, находясь лицом» к немцам в сентябре 1939 года? Чего они от немцев бросились врассыпную как тараканы, да еще и впереди польских солдат?

Куда больше толку ориентироваться в этом вопросе не на щебетание академических «интеллектуалов», а на простой и грубый слог действительно фронтового офицера. Уже упоминавшийся Ромуальд Святек пишет: «Будучи в Воркуте в лагере № 10, я встретил майора немецкой армии, который с 1941 года находился в оккупированном Смоленске. От него я узнал, что немцы и в самом деле захватили несколько лагерей с польскими военнопленными, расположенных в этом районе. Однажды в беседе я поинтересовался его мнением о Катыни. Он прямо мне ответил, что это дело рук немцев, поскольку это отвечало их интересам, и искренне удивился польским протестам. Майор придерживался мнения, что хороший солдат, а тем более офицер, должен умереть, если погибает его Родина. Он заявил, что, попав в руки русских, хорошо понимал, что может умереть, и если этому суждено будет случиться, он примет смерть, как подобает немецкому офицеру».

Заметьте, этот немец уже был у нас в плену 8–10 лет и даже после этого не мог себе простить, что его родина, как он считал, погибла, а

он еще жив. Любви к себе этот офицер не вызывает, но не уважать его невозможно.

А вот высказывания польских офицеров, впоследствии найденных в могилах Катыни. Их приводят Ч. Мадайчик и его советская коллега Н. Лебедева. Один из оставшихся в живых офицеров: «Ненависть к Советам, к большевикам — скажем откровенно, — в целом ненависть к москалям была так велика, что эмоционально породила стремление выбраться куда угодно, хоть из-под дождя, да под водосточный желоб — под немецкую оккупацию». Из 4,5 тысяч Козельского лагеря выразило желание остаться в СССР всего 67 человек, в лице остальных они стали «прихвостнями москалей». Агентура, работавшая внутри лагерей, доносила о желании военнопленных «попасть во Францию, вступить добровольцами во французскую армию и воевать против немцев. Победив Германию, выступить против СССР и восстановить Польшу от реки Одер до реки Днепр».

Украинская поговорка по поводу последней сентенции замечает: дурак в мечтаниях становится богаче.

Я не знаю, как собственно русских, но меня, украинца, эти разговоры раздражают. Моя мать происходила родом как раз с той стороны Днепра, где эти польские паны делили себе земли под усадьбы. Может, моему деду и не нравились в то время колхозы, но спросили ли его эти «польские патриоты»: желает ли дед видеть их вместо большевиков? Может, моему отцу и не нравился Сталин, но спросили ли его эти «страдальцы»: желает ли он служить в польской армии, да еще и под началом таких трусливых подлецов, как Андерс?

Скажу честно, как людей — мне этих расстрелянных поляков жалко, но, как патриоту, мне все равно, кто этих злобных идиотов расстрелял — немцы или наши. С такими бредовыми целями — туда им и дорога.

Но, помимо эмоций, есть ведь и другой расчет. Все это Катынское дело затеяно сегодня именно для того, чтобы воспитать поляков такими, какими они были в 1939 году. Чтобы, вместо государственных деятелей, они имели тупых болтунов, вместо генералов и офицеров — трусливых паркетных шаркунов, чтобы польский народ снова кормил эту ничего ему не дающую и никак его не защищающую камарилью. Чтобы Польша снова стала алчной европейской проституткой — не

труженицей, а проституткой, с глупой надеждой, что если она кому-то подставится, так ей за это что-то обломится.

Вот во имя того, чтобы этого с Польшей не произошло, и имеет смысл Катынское дело расследовать. Сегодня на сам факт убийства офицеров можно наплевать: мы — так мы, немцы — так немцы. Сейчас, действительно, истина дороже.

Хроника событий Катынского дела

Итак, 16 сентября 1939 года правительство Польши, бросив на произвол судьбы народ и сражающуюся армию, выехало в Румынию.

17 сентября Советский Союз занял Красной армией ту часть своей территории, которая была отнята у него Польшей в 1920 году. На этой территории находились польские войска, которые теперь оказались интернированными на территории СССР. Это будет правильный для данного времени термин. Интернирование — это разоружение и задерживание до конца войны военнослужащих воюющих стран. Воевали Германия и Польша, СССР — нет. Он наводил порядок на своей территории.

Сколько польских военнослужащих было задержано и разоружено частями Киевского и Белорусского военных округов, никто толком не знает. Типпельскирх считает, что 217 тысяч, другие — 250 и даже 300 тысяч. Эта путаница происходит оттого, что сама армия стала отпускать польских солдат по домам, и в срочно организуемые НКВД лагеря для военнопленных передала всего 130242 человека. В том, что армия сдавала интернированных наркомату внутренних дел, странного ничего нет. Содержание пленных и интернированных — не ее дело. Во многих странах, скажем в Англии или Италии, именно министерство внутренних дел решало подобные задачи.

Конечно, и НКВД воспользовалось случаем захватить в Польше всех тех, кто участвовал в бандах, действовавших против СССР, в шпионаже против него, отличился особой жестокостью во время войны 1920 года. Надо сказать, что во время этой войны Красная армия недосчиталась тысяч красноармейцев, которые по имеющимся данным считались зверски убитыми в польском плену. То есть на захваченной Польшей территории было достаточно много людей, представлявших интерес для военных трибуналов и чрезвычайных троек. Судя по всему, аресты и наказания этих людей начались немедленно. К примеру, польская сторона сообщает, не выражая особого возмущения, что генерал Я. Ольшина-Вильгинский был расстрелян еще в сентябре 1939 года. Но надо обратить внимание, что те, кто совершил против СССР преступления, были не

интернированными, а уголовными преступниками, поэтому их помещали в тюрьмы и на них заводились не учетные делана военнопленных, а сразу уголовные дела.

Но находящиеся в лагерях для военнопленных поляки были интернированными фактически, хотя и назывались военнопленными. Вскоре, однако, они действительно стали военнопленными.

Польская правящая элита, убежавшая из Польши, наконец распаковала чемоданы во французском городе Анжере, где 30 сентября 1939 года создало польское эмигрантское правительство во главе с генералом Сикорским, оставив на вооружении политику Пилсудского и Бека. Это правительство подчинило себе ту часть польской армии и флота, которой удалось бежать из Польши, а в самой Польше оно начало организовывать партизанские воинские подразделения — Армию Крайову.

Отвлечемся. На Польше в то время, видимо, висел какой-то грех, поскольку в то время, что ни правительство у Польши, — то и соревнование в спесивой подлости и тупости, в полном пренебрежении к народу. Сикорского сменил Миколайчик, Миколайчика — Арцишевский, а толку, хотя бы проблеска ума — никакого. Одна спесь.

В июне 1940 года польское правительство перебралось в Лондон. Мы знаем, что Черчилль большевиков, мягко скажем, не любил и держал это правительство по нужде для политических игр со Сталиным и, видимо, для того, чтобы в мире не забывали, что есть такое государство — Польша. Но спесивые кретины даже Черчилля «доставали». 7 января 1944 года он пишет записку в английский МИД.

«1. Я не думаю, что нужно приглашать поляков, но я сообщу вам об этом в течение ближайших двух суток.

2. Я бы глубоко задумался, прежде чем сообщать миру о том, что мы объявляем войну за Польшу и что польская нация достойна иметь лучшую территорию, тем более что мы никогда не брали на себя обязательств защищать существующие польские границы и что жизни 20–30 миллионов русских дают право на гарантированную безопасность западных границ Польши.

3. Более того, без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу и

никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать. Сейчас Польше отводится положение великой независимой нации в сердце Европы, с прекрасным морским побережьем и лучшей территорией, чем та, которую она имела прежде. И если она не примет этого, Британия снимает с себя все свои обязательства и пусть поляки сами договариваются с Советами.

4. Я не думаю, что мы можем давать хоть какие-то авансы на дальнейшую помощь или признание до тех пор, пока они не выразят своей искренней поддержки решения, к которому мы пришли вместе с нашим советским союзником. Они должны быть очень *глупы*, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто предоставляет им перспективу истинной свободы и независимости».

Вот это выделенное мною черчиллевское «*глупы*», видимо, как-то отложилось в менталитете западного человека, иначе как понять, что в американских бытовых анекдотах поляк — это обязательно кретин?

Но вернемся к записке. Черчилль очень не любит СССР. До его фултонской речи, где он объявит крестовый поход против коммунизма и «холодную войну», остается почти три года. Но сегодня на фронтах и морях гибнут британские солдаты, моряки, летчики. За их жизнь Черчилль несет ответственность, и это чувствуется. Советские солдаты сейчас убивают немецких и этим не дают немцам убить британских. Боль за жизнь своих солдат не дает Черчиллю ни словом, ни жестом подорвать союз с ненавистными ему Советами.

Он обманывает Сталина, сберегая англичан. Он обещает второй фронт в 1942 году, затем в 1943, но немцы все еще сильны, и он не рискует жизнью английских солдат. У Сталина меньше возможностей сберечь жизни советских солдат, но и он не упускает шанс, если он предоставляется. К примеру, в середине декабря 1944 года немцы ударили по союзникам в Арденнах и к 24 декабря продвинулись на 90 км, в начале января Черчилль стал зондировать почву: нельзя ли наступлением с востока помочь Эйзенхауэру на западе? У Сталина наступление было готово и должно было начаться 8 января. Но он ответил Черчиллю, что это наступление готовится на 20, но если союзникам надо, то Сталин (хотя это и тяжело) перенесет его на 12

января. К этому сроку союзники уже и сами в основном справились с немцами, облегчив этим положение советских войск и сократив им потери.

Можно говорить, что и то нечестно, и это нечестно, но никто не скажет, что в основе этой нечестности не лежало стремление обоих государственных деятелей уменьшить потери своих армий, потери своих стран.

А поляки? Чтобы усилить свои позиции и претензии на власть в освобожденной Польше, эмигрантское правительство дает команду Армии Крайовой поднять восстание в Варшаве 1 августа 1944 года. К этому моменту в своем наступлении советские войска уже 40 дней вели бои, прошли с ними от 600 до 700 км, и в районе Варшавы были контратакованы крупными силами немцев. Польское правительство даже не предупредило Москву, а ведь надо было согласовать свои действия с ней. Зная, что в Варшаве бои, обессиленные советские войска напрягли последние силы и заняли на правом берегу Вислы Прагу — пригород Варшавы, части Войска Польского даже зацепились за левый берег, но Армия Крайова не оказала им помощь, и немцы сбросили эти части в Вислу. Немцы утопили это восстание в крови, 200 тысяч варшавян было убито, Варшава была разрушена.

Вот спросите себя: во имя чего это делалось? Ведь если бы Армия Крайова договорилась о совместных действиях с советским командованием и восстание было поднято вовремя, то одновременный удар с фронта и тыла резко бы сократил потери и Армии Крайовой, и Советской армии, остались бы в живых сотни тысяч поляков, потери советских войск убитыми на территории Польши не достигли бы астрономической цифры — 541029 человек. Во имя чего нужна была эта авантюра? Чтобы в послевоенной Польше в правительстве сидели те, а не другие министры? Но разве ради этих сукиных детей война велась? Разве они стоили столько народной крови?

Но вернемся в 1939 год. Польские военнослужащие в СССР недолго оставались интернированными, в ноябре 1939 года польское правительство в эмиграции объявило войну Советскому Союзу. Надо думать, в защиту Финляндии. Англия и Франция войну не объявили, а Польша объявила! Ведь это сколько ума надо иметь, чтобы, только что оставив без помощи свою страну, выступить на защиту Финляндии — государства, неспособного оказать никакого влияния на освобождение

Польши? И выступить против той единственной в мире страны, которая действительно могла Польшу освободить?

Оставим риторические вопросы. Объявив войну, правительство Польши не вызвало паники в Генштабе Красной армии, но превратило всех польских военнослужащих на территории СССР в военнопленных. Теперь уж Советский Союз не мог их никуда ни отпустить, ни освободить. Шутки в сторону, польское правительство уже начало формировать бригаду подгальских стрелков для войны с СССР.

О чем оно думало? Думало оно о судьбе по меньшей мере полутора сотен тысяч своих граждан в СССР? Ведь если бы это правительство установило дружеское отношение с СССР неофициально (официальному препятствовали секретные протоколы к пакту и договору о дружбе между Германией и Советским Союзом), то судьба пленных могла бы быть совершенно другой. Ведь СССР, понимая, что это союзники в будущей борьбе с немцами, мог бы сослать пленных в какую-нибудь глушь, типа Туркмении, и дать им оттуда сбежать в Иран, Турцию, куда угодно, не вызывая этим больших протестов у немцев. Но как отпустить солдат и офицеров воюющей с тобой страны?

С солдатами было проще. Согласно международным конвенциям, их можно было заставить работать, и их послали на предприятия и стройки, благо рабочих рук в стране катастрофически не хватало. Маленький штришок к тому времени и легенде о всемогущей НКВД. Силами польских пленных строилась дорога Новоград-Волынский — Львов, и эта дорога была включена в план производства НКВД. После официального включения Западных Украины и Белоруссии в состав СССР поляки, проживавшие на этих территориях, автоматически становились гражданами СССР и им нечего было делать в лагерях военнопленных. Но если их отпустить, то кто будет выполнять план по строительству дороги? И НКВД незаконно задерживало эту категорию пленных на стройке. Пленные стали разбегаться (сбежало 1400 человек). С позиций наших «перестроечных» историков, НКВД должно было расстрелять сотню-другую пленных, заполнить телами «ров смерти» и этим навести порядок. Ведь нам же сейчас постоянно внушают мысль, что НКВД в годы «сталинского террора» расстреливало, кого хотело и когда угодно.

Но нет! Все, оказывается, делалось и в те годы согласно тем законам. НКВД обратилось для наказания беглецов к прокурору города Луцка, а прокурор счел, что в этих побегах нет состава преступления. Это уже не пленные, а свободные советские граждане и могут работать не там, где им указывает НКВД, а там, где они желают.

Но с пленными польскими офицерами дело было сложнее. Согласно тем же международным конвенциям о пленных, офицеров нельзя было заставить работать. А между тем содержание их обходилось недешево, они ели и, по мере обустройства лагерной жизни, ели неплохо. Польский офицер немецкого происхождения Р. Штиллер, отправленный в 1941 году в Германию, писал в своем отчете в гестапо о пребывании в советских лагерях для военнопленных в Козельске и Грязовце: «Питание вначале было совершенно хорошим, правда, ухудшилось вместе с заполнением лагеря; во время финской кампании оно было неудовлетворительным и весной снова улучшилось». В Грязовце: «Размещение и питание можно назвать хорошим. Питание — даже очень хорошим для тех, кто добровольно изъявил желание работать на строительстве дороги, что мы, немцы, делали все без исключения». Но работать изъявили желание немцы, а поляки требовали соблюдения своих офицерских привилегий. То есть у Советского Союза на руках появилась обуза в виде 9000 здоровых зловных мужиков, которые никакой пользы не приносили, но которых требовалось кормить неизвестно сколько времени.

Далее по хронологии, примерно в марте 1940 года с пленными офицерами оборвалась всякая связь. От них перестали приходить письма, наркомат иностранных дел на запросы о них отвечал невразумительно. Где они и что с ними, невозможно было выяснить.

1941 год. Началась война. Польское правительство наконец смилостивилось и прекратило состояние войны с СССР.

30 июля 1941 года польское эмигрантское правительство заключило договор о взаимопомощи с СССР, по этому договору в СССР стали создаваться польские воинские части армии Андерса.

В начале декабря 1941 года в штаб генерала Андерса в Бузулуке явилось четыре человека, которыми занимался лейтенант Шатковский. Они заявили, что прибыли из Польши и принадлежат к подпольной организации «Мушкетеры», принесли с собой слухи о том, что

исчезнувшие польские офицеры были убиты НКВД где-то под Смоленском. Эта четверка в Польше работала на гестапо.

В марте 1942 могилы польских офицеров в Катынском лесу обнаруживают поляки, военнослужащие немецкой армии, ставят на могилах березовые кресты и докладывают немецкому командованию. Реакции на доклад не последовало.

18 февраля 1943 года могилы поляков «обнаружила» немецкая секретная полевая полиция, доложила генералу Йодлю и начала раскопки.

11 апреля 1943 года, через два месяца после того, как немцы начали раскапывать могилы, в Катынский лес прибыла первая польская делегация, состоявшая из врачей и одного «творческого интеллигента» на службе у немцев — Ф. Гетля, которого рекомендуют как писателя. Именно Гетль первым передал по радио сообщение, что польских офицеров убили русские.

13 апреля об этом объявляют немцы.

17 апреля, не сообщив ничего своему союзнику — СССР, не запросив у него ни данных, ни объяснений, вопреки требованиям Англии и США, польское правительство в эмиграции подает в Женеве в Международный Красный Крест ноту о расследовании «советских злодеяний», причем день в день и час в час с гитлеровским правительством.

25 апреля, понимая, что если иметь таких друзей, то врагов уже не надо, советское правительство разрывает отношения с польским правительством в эмиграции.

29–30 апреля, время 9.00–13.00. К руководящему раскопками немецкому профессору Г. Бутцу присоединяется международная комиссия судмедэкспертов из оккупированных немцами стран и одного швейцарца, всего 12 человек. Они исследуют 9 трупов. Протокол за всю «международную» комиссию пишет Г. Бутц 1 мая. После чего комиссию сажают в самолет, который приземляется не в Берлине, а на никому не известном уединенном немецком военном аэродроме. Здесь комиссии дают «добровольно» подписать акт, и только после этого ее отвозят в Берлин. 4 мая «протокол» публикует «Фолькишер беобахтер».

По одним данным с 15 апреля по 7 июня, а по другим — с 29 апреля по 3 июня в Катынском лесу работала присланная немцами из

Варшавы Техническая комиссия Польского Красного Креста, которой немцы дали осмотреть 4 143 трупа. Техническая комиссия в своих документах подтвердила версию немцев. Но выписывая семьям погибших свидетельства о смерти, сам Польский Красный Крест не проставляет дату смерти.

Члены многочисленных мелких комиссий и экскурсий в Катыни из оккупированной Польши ведут себя по-разному: одни подтверждают версию немцев, другие негласно утверждают, что пленных убили немцы, третьи уклоняются от подтверждения геббельсовской версии, как, например, бывший премьер-министр Польши Козловский.

25 сентября 1943 года был освобожден Смоленск, после того как фронт отодвинулся от города на запад, с 5 ноября в Катыни работает советская комиссия, названная комиссией Бурденко, которая начала со следственных действий по выяснению того, как были убиты поляки и кем — опрашиваются свидетели, собираются документы оккупационных властей. 16 января вскрываются могилы и исследуется 925 трупов. В это время в Катынь приглашаются аккредитованные в Москве журналисты. Комиссия Бурденко подготовила открытое Сообщение и совершенно секретную справку для руководства. В обоих документах отмечается безусловная вина немцев за расстрел польских офицеров.

С 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года в Нюрнберге идет международный суд над 23 главными военными преступниками. В нем защита, опираясь на протоколы геббельсовских комиссий, отказывается признать вину немцев за злодеяния в Катыни.

Западные судьи, грубо поправ 21 статью Международного трибунала и сам смысл этого суда, потребовали от советской стороны доказательств, имитируя стремление разобраться в Катынском деле. Но когда советская сторона представила свидетелей, а немцы в качестве свидетелей представили людей, подозреваемых в непосредственном исполнении расстрела, западные судьи ограничились их заслушиванием и в приговор Трибунала эпизод о Катынском деле не внесли. Тем не менее все, кто был виновен в катынском преступлении, были приговорены к повешению и у советской стороны не было оснований протестовать против приговора в этой его части. Протест был внесен за мягкий приговор Гессу,

оправдание Шахта, Фриче и Папена, не имевшим отношения к Катыни.

1951–1952 годы. Комиссия Конгресса США, подливая керосина в огонь холодной войны, занимается «расследованием» Катынского дела.

1988 год. «Цивилизованные» слои пришедшей к власти в Польше прозападной элиты требуют от Горбачева подтвердить, что пленных поляков расстреляло НКВД в 1940 году.

1990 год. Горбачев объявляет, что «найлены документы, которые косвенно, но убедительно свидетельствуют о том, что тысячи польских граждан, погибших в смоленских лесах ровно полвека назад, стали жертвами Берии и его подручных». Одновременно следственная группа Военной прокуратуры СССР, под личной опекой Горбачева, с привлечением воинских частей, выкапывает останки погребенных преступников, умерших в лагерях немецких пленных и умерших от ран в госпиталях советских воинов на кладбищах Харькова и Калинина, объясняя, что они «эксгумируют трупы польских офицеров».

1991–1992 гг. Прекращение ажиотажа вокруг Катынского дела.

Конец 1991 года. Уничтожение СССР, архивы СССР становятся доступными для махинаций.

16 октября 1992 года. Сенсационное сообщение о том, что найден «протокол Политбюро», в котором дается команда расстрелять польских офицеров.

Такая примерно хронология событий в этом деле и нам, следователям в этом детективе, надо ее представлять хотя бы в общих чертах.

Подозреваемые, версии, схема расследования

Подозреваемых два — правительство СССР и правительство гитлеровской Германии. Абсолютно точно определяется и время убийства — это либо весна 1940 года, если убийство совершено НКВД СССР, либо осень 1941 года, если убийство совершено гитлеровской Германией.

У нас на месте Ниро Вульфа, как мы уже писали, нет сыщиков, которые бы собрали нам факты и улики, нет верного Арчи Гудвина и его помощников.

Факты и улики нам представляют две бригады сыщиков. Первую мы назовем бригадой Геббельса, так как они пытаются извратить улики или представить их так, чтобы можно было сделать вывод, что поляков убили русские. В эту бригаду входил сам Геббельс со своими подручными того времени, сторонники польского правительства в эмиграции, ряд польских сторонников сегодня, Президент СССР Горбачев, член Политбюро ЦК КПСС Яковлев, высокопоставленный работник ЦК Фалин, Генеральный прокурор СССР Трубин, работавшая на них бригада следователей Главной военной прокуратуры СССР, толпы различных советских историков и журналистов. Назовем их для простоты подручными Геббельса, а их версию — версией Геббельса.

С противоположной стороны силы поменьше, мы даже не знаем, руководил ли кто этим делом — сбором и интерпретацией фактов. Нам известен только один официальный руководитель, отвечавший за сбор фактов, — Бурденко, но он слишком небольшая фигура в масштабе титулов бригады Геббельса. Кроме того, у версии Бурденко есть один мощнейший пробел, на который его сыщики того времени предпочитали не отвечать: куда делись пленные и что с ними произошло весной 1940 года? Сейчас с этим все ясно, но по этому поводу вряд ли можно имя Бурденко дать второй бригаде. Назовем ее по аналогии подручными Сталина, а их версию — версией Сталина.

Собственно версии

ВЕРСИЯ ГЕББЕЛЬСА. Польские военнопленные офицеры из злобности лидеров «империи зла» в марте 1940 года были осуждены «специальной тройкой НКВД» к смертной казни. Их небольшими партиями вывезли на станцию Гнездово, западнее Смоленска, там пересадили в автобус с покрашенными окнами. Этот автобус отвозил пленных в сарай на Козьих горах — лесистой местности в дачном пригороде Смоленска. Там в 200 метрах от автотрассы Смоленск-Витебск и в 700 метрах от двухэтажного комплекса строений дома отдыха НКВД, на обочине дороги, соединяющей автотрассу и дом отдыха, расстреляли около 10 тысяч человек (по данным комиссии Бурденко и лично Геббельса) или 4,5 тысячи — по данным польских подручных Геббельса. Разумеется, все делалось в глубокой тайне. Остальные поляки расстреляны в тюрьмах городов Харькова и Калинина.

ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ СТАЛИНА. В марте 1940 года часть пленных польских офицеров была осуждена Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ссылки в исправительные трудовые лагеря с лишением их права переписки. Для сохранения в тайне самого факта переквалифирования пленных в осужденных были созданы (вне системы ГУЛАГ) лагеря особого назначения под Смоленском. В этих лагерях пленные строили дороги. В ходе Смоленского сражения немцы очень быстро перерезали дороги восточнее Смоленска и ударом с юга за 6 дней взяли Смоленск. Попытка охраны лагерей вывезти пленных железной дорогой не удалась, так как железная дорога была уже под ударом немцев, а попытки вывести пленных пешком тоже не удались — пленные взбунтовались и решили сменить исправительно-трудовой лагерь в СССР на лагерь военнопленных у цивилизованных немцев. Захватив эти лагеря, немцы в соответствии со своими планами приступили к ликвидации поляков. Одна из айнзацкоманд с удобствами расположилась в не пострадавшем от бомбежек доме отдыха НКВД в Катинском лесу. (В самом Смоленске было разрушено 93 % зданий.) Другие команды расстреливали в других местах. Зимой 1943 года Геббельсу потребовалось провести

операцию прикрытия массового уничтожения евреев в Польше и, кроме этого, попробовать внести разлад в стане союзников. В феврале-марте советские военнопленные под руководством немцев свезли в Катынский лес со всех мест трупы польских офицеров, тщательно обыскали их, рассортировав документы, и уложили трупы в заранее откопанные дополнительные могилы. После этого Геббельс начал пропагандистскую кампанию.

В этом детективе наша цель — рассмотреть все факты и определить, какая из этих двух версий правдива, а какая является фальшивкой.

Читатели могут спросить: как можно добиться истины в этих исследованиях, если мы в начале книги договорились, что будем рассматривать только факты геббельсовских подручных? Я понимаю, что это неправильно, но по-другому мы не сможем. Поясню.

Геббельсовский подручный Мадайчик, например, пишет: «После обнаружения катынских могил прибывшим туда делегациям и группам немцы представили местных крестьян и рабочих, которые якобы были свидетелями доставки жертв в Катынский лес. Два наиболее важных показания по этому делу дали Парфян Киселев и Иван Кривоzerов, которых уже давно нет в живых. Советская сторона подвергла их сомнению, считая, что они были даны под давлением немцев. Сейчас их показания не вызывают сомнения, что они были правдивыми».

Действительно, сталинские подручные комиссии Бурденко после освобождения Смоленска застали П. Г. Киселева и допросили его. Оказалось, что гестапо занялось им еще осенью 1942 года, его полтора месяца держали под арестом, избивая, сломали плечо, повредили барабанную перепонку, пока он не согласился дать показания, что пленных расстрелял НКВД.

Что же мы имеем? Подручные Геббельса утверждают, что Киселев говорил правду, а подручные Сталина — что врал! Вместо исследования фактов мы получим бабский скандал, лежащий вне всякой логики.

Но чем бригада Геббельса хороша, так это многословием. При этом она, к счастью, не соотносит сказанное сейчас со сказанным ранее. Возвращаясь к начатому примеру, еще раз процитируем Мадайчика: «Отметим еще два наблюдения, содержащиеся в отчете

Водзиньского. Он пишет о свидетелях из местных жителей, что им платили (немцы. — Ю. М.), хотя не удалось узнать, как и сколько».

У нас, конечно, должен сразу возникнуть вопрос: как это бригада Геббельса может соединять воедино два взаимоисключающих понятия: «подкупленные свидетели» и одновременно «правдивые»? Мы-то будем считать, что подкуп и угроза применяются к свидетелям только в случае необходимости получения от свидетеля лживых показаний, поскольку это логично.

Кроме этого, если мы увидим, что бригада Геббельса лжет или скрывает заведомо ей известный факт, то нам ничего не остается, как признать, что в данном случае правота на стороне версии Сталина. Вот, к примеру, подручный Геббельса Ю. Зоря описывая эпизод Катынского дела на Нюрнбергском трибунале, снисходительно пишет: «Кое-что Меркулову и Абакумову удалось. Можно полагать, что в результате „подготовки“ болгарского свидетеля изменил свои показания профессор Марков». Из этих строк мы должны понять (и по-другому понять невозможно), что судмедэксперт профессор Марков в 1943 году дал заключение, что поляков убило НКВД, а в Нюрнберге вдруг сказал, что поляков убили немцы. И сделал это потому, что высокопоставленные работники НКВД Абакумов и Меркулов накануне его выступления в суде били или угрожали убить Маркова.

Это откровенная ложь: профессор Марков не менял своих показаний в силу того, что он в 1943 году написал только описательную часть своего заключения, а самого заключения не сделал, воспользовавшись тем, что немцы не сразу прочли болгарский текст и он успел добраться до Софии. Но раз бригада Геббельса в этом случае лжет, то это доказательство правоты версии Сталина. Это логично? Да, мы не сможем выяснить истину, исходя из лживых фактов, но ложь нужна для скрытия истины и, если что-то стараются оболгать, значит, это и есть истина.

Так что для нас единственно правильным выходом будет не вступать в споры с бригадой Геббельса и пользоваться только теми фактами, которыми пользуются они, тем более, что это удобно, так как в 1991 году в «Издательстве политической литературы» вышла книга «Катынская драма», в которой собрано практически все, что

бригада Геббельса сумела собрать к этому времени. Остальные источники будут указаны по тексту.

Теперь рассмотрим схему своего расследования. Вспомним, как оно делается в детективах.

Найден труп. Сыщики начинают тщательно осматривать его и все, что находится рядом, с целью найти следы, указывающие на убийцу, — прямые доказательства того, что это он убил. Допустим, в теле остался нож — это прямое доказательство того, что убийцей является владелец ножа. На ноже отпечатки пальцев прямо указывают на владельца этих пальцев. В руке убитого клочок волос, вырванный во время борьбы — прямое доказательство того, что убийца — владелец волос такого цвета и такого состава.

Судмедэксперт устанавливает время убийства, оно важно при определении алиби подозреваемых, и если подозреваемый не сможет объяснить, где он был во время убийства, то в таком случае, как у нас, — это тоже прямое доказательство, указывающее на убийцу.

Но бывает, что прямых доказательств не хватает, и тогда в ход идут косвенные: допустим, кто-то видел похожий нож у подозреваемого, кто-то подговаривал жену сделать себе алиби, возле тела лежит окурок сигареты того сорта, что курит подозреваемый, на окурке следы его слюны, в кармане записка от убийцы и т. д.

Одновременно выясняются мотивы убийства и сыщики в картотеках ищут убийцу по «почерку»: кто раньше совершал убийства похожим способом.

За подозреваемым устанавливается слежка, так как его поведение — это тоже косвенные улики: не пытается ли подозреваемый скрыть следы преступления, допустим, пытается отстирать костюм от крови или сжечь его.

Точно так будем вести расследование и мы, за исключением одной особенности. Сыщик всегда начинает с прямых доказательств и установления алиби, а уж потом переходит к косвенным. Но у нас только подручные Сталина считают прямые доказательства главными в определении убийцы, а подручные Геббельса, наоборот, прямые доказательства считают ничего не стоящими, говорят о них вскользь, в конце или вообще ничего не говорят. Так как мы Геббельсу в этом расследовании даем преимущество перед Сталиным, то и мы все

следствие поставим с ног на голову — будем сначала заниматься косвенными доказательствами, а уж в конце — прямыми.

Теперь о технике. Для удобства и порядка мы все эпизоды своего следствия будем нумеровать сквозной нумерацией через разделы. Доказательства также будем нумеровать: если мы что-то сочтем действительно тем, что доказывает вину НКВД, будем писать: «Доказательство Геббельса № ...»; если это будет доказывать вину немцев, то «Доказательство Сталина №...».

Мотивы убийства

1. С тем, какие мотивы были у советского правительства для убийства поляков, у бригады Геббельса трудности. Сам Геббельс над этим вопросом не мучился: поляков убили евреи — и все тут!

Нынешним подручным Геббельса такой мотив уже не подходит, но и они не сильно мучаются над этим вопросом. Ю. Зоря дает такой мотив: «Факт уничтожения органами НКВД польских граждан является одним из элементов политики репрессий, проводившейся в Советском Союзе не только против его граждан, но и граждан других государств». Простенько, но со вкусом!

Действительно, сейчас, когда в описании трагического, трудного, но славного периода нашей страны прославляется тот историк или журналист, кто больше поставит нулей в цифры «сталинских репрессий», когда за перо взялись люди, которые умеют считать только до тысячи, а дальше у них идут сразу миллионы, многое можно списать на «политику репрессий». И доказать что-либо такой публике невозможно, даже в простых делах.

К примеру, довоенный посол во Франции Раскольников проворовался и накануне финансовой ревизии сбежал, прихватив из посольства те деньги, что не успел украсть раньше. Разумеется, он немедленно стал борцом со «сталинским режимом» и сообщил, что с 1937 года Сталин «убил» 50 тысяч советских офицеров и генералов. (Эта цифра примерно соответствует цифре уволенных в это время из армии офицеров. Уволенных в связи с уходом на пенсию, по болезни, по инвалидности, за дисциплинарные проступки, осужденных за уголовные преступления (воровство, изнасилование и пр.). Среди них, разумеется, были и осужденные за контрреволюционные преступления, то есть по политическим мотивам.)

В действительности, дело обстояло так. Заместитель наркома обороны Щаденко давал правительству такую кадровую справку: в период 1937–1939 годов в связи с арестом из армии уволено 9 519 солдат и командиров, из них осуждено 8 624 человека, в том числе 4 454 — комначсостава. А по данным Верховного суда, в 1938–1939 годах военные трибуналы приговорили к расстрелу 692 солдата и

командира. Добавьте к этому, что к руководству НКВД пришел Берия и начал он с реабилитации невинно осужденных и с наказания тех, кто участвовал в их осуждении. (Считается, что в самом НКВД было осуждено 40 тысяч сотрудников.) В этот период из тюрем вернулись в армию (без ВВС) 1 457 человек. Кстати, и дед автора, старший лейтенант, осужденный в 1937 году, был в это время реабилитирован и восстановлен в РККА.

Но кому сейчас нужны эти цифры? Сейчас подавай цифры о миллионах убитых в «сталинских застенках», о десятках миллионов, о 60 миллионов убитых! Конечно, при такой вакханалии идиотизма мотив «политика репрессий» вполне смотрится. Если своих офицеров убили 50 тысяч, то уж польских и подавно убили!

Но «политика» предусматривает какие-то государственные документы или хотя бы высказывания лидеров. Бригада Геббельса не приводит в обоснование своей версии ничего. Кто и когда в СССР утверждал, что необходимо уничтожить без суда и разбора вины какую-то прослойку или класс, или национальность?

Перед войной поступило указание уволить из армии тех командиров, чья национальность может помешать в предполагаемых войнах с Германией, Польшей, Прибалтийскими странами. И несмотря на это, из 41 маршала и генерала, командовавших фронтами в Великой Отечественной войне, мы видим и поляка К. К. Рокоссовского, и латыша М. А. Рейтера, командовавшего четырьмя фронтами в ходе войны. Царским офицерам не доверяли, но полковник Генштаба царской армии Шапошников был начальником Генштаба РККА. Из уже упомянутых 41 командующих фронтами (уровень фельдмаршала в немецкой армии) 17 человек — это бывшие офицеры царской армии, которые на 1917 год имели офицерский чин от корнета до полковника.

Если на вопрос смотреть без желания отличиться в сегодняшней пропагандистской антисоветской кампании, то следует склониться к мысли, что мотив «политика репрессий» притянут к этому делу за уши и с большими потугами.

2. Часть бригады Геббельса исподволь подводит к мысли, что, дескать, Сталин решил уничтожить Польшу как государство и поэтому уничтожил в лице офицеров польскую интеллигенцию. То

есть приписывают СССР мотивы гитлеровской Германии. Но опять, где видят эти сыщики хотя бы малейшее подтверждение этому?

Ведь СССР — это государство, состоящее из государств, сама идея уничтожения любого государства как такового — это крамола. В это время СССР организовывает новые республики — Молдавскую и Карело-Финскую ССР, прибалтийские государства входят в СССР не как территории России или Белоруссии, а как государства.

Да, Советский Союз предпочитал их видеть коммунистическими — это так. Но государствами! Со своей интеллигенцией, братской, но своей. Со своими офицерами, в составе РККА, но своими. Ведь в 1939 году в Советском Союзе с помпой проводится юбилей Адама Мицкевича, а заместитель Берии Меркулов начинает подбирать офицеров и генералов для Войска Польского. И начинается эта работа с весны, когда для части прорусски настроенных польских офицеров НКВД сохраняет статус военнопленных и оставляет их сначала в лагере военнопленных Павлищев Бор, а затем в Грязовце. Все эти факты описаны Мадайчиком и известны бригаде Геббельса.

3. Для немцев Польша не существовала, не требовались им в связи с этим и ее офицеры — это мы увидим ниже. Но Советский Союз в переговорах с немцами от Польши не отказывался.

Странно, что в подкрепление версии Геббельса не использован секретный протокол к пакту «Молотов — Риббентроп», где прямо сказано о разделе Польши. Этот протокол был опубликован еще при жизни СССР, и в связи с этим, очевидно, подлинный. Но от этого не менее понятен, поскольку дальнейшие события шли полностью вразрез ему.

Например, Польша поделена между СССР и Германией по линии, проходящей через Варшаву, а действительная граница была установлена почти на 200 км к востоку. С другой стороны, граница интересов СССР ограничена северной границей Литвы, то есть Латвия, Эстония и Финляндия вроде входили в интересы Германии. Но спустя два месяца СССР начал войну с Финляндией, а Геббельс, несмотря на это, записал в своем дневнике 24 октября 1939 года: «Мы не имеем ни малейшего желания вступаться за Финляндию. Мы не заинтересованы в Балтике. А Финляндия так низко вела себя по отношению к нам все прошлые годы, что нет и вопроса об оказании

помощи». Но это дело историков. А нам в этом протоколе интересно другое.

Читателям, не связанным с составлением договоров, возможно, будет не совсем видна борьба интересов, которая явно просматривается из этого протокола. Обычно такие документы готовит одна сторона, другая же или снимает не устраивающие ее пункты и положения, либо добавляет их. В том, что именно она сняла и добавила, видны ее интересы. Пакт нужен был немцам, они его готовили, они торопили СССР, а Советское правительство уже привило идеи немцев своими идеями.

Давайте взглянем на текст протокола.

Секретный дополнительный протокол

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы в отношении Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писса, Нарева, Вислы и Сана...

...
3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

По уполномочию Правительства СССР

В. Молотов

За Правительство Германии

Риббентроп

Москва, 23 августа 1939 года.

Понятие «сфера интересов» здесь можно понять как «захват территорий», и с немецкой стороны именно так протокол и

трактуются. Они очертили границу, и Советскому Союзу нет дела до того, что внутри ее.

Советский Союз в свою сферу интересов включал территорию, ограниченную северной границей Литвы от Белоруссии до Восточной Пруссии, границей Восточной Пруссии и Польши, далее через территорию Польши на юго-запад по речке Писса до реки Нарев, по ней в том же направлении до впадения ее в Вислу ниже Варшавы, по Висле через Варшаву на юг до впадения в Вислу Сана и по ней до границ с Украиной. В этом куске была половина Польши и вся Литва.

Но вот вопрос: собирался ли СССР захватывать эти территории, хотя бы способом добровольного присоединения? Этот вывод вызывает сомнения. Зачем тогда СССР возвращает Литве часть ее территории, захваченной Польшей в 1920 году? Дело даже не в этом, а в том — почему Сталин согласовывает это с Гитлером? Какое Гитлеру дело до того, что Сталин будет делать внутри СССР? Тут только один вывод: Советский Союз не предусматривал включать Литву в состав СССР в 1939 году и заставлял Гитлера признать независимый статус Литвы, хотя Литва и находилась в «сфере» его интересов.

Но с Польшей, казалось бы, дело кончено — ее делят пополам. И, казалось бы, каждый может делать со своим куском что пожелает — образовать республику или генерал-губернаторство. Партнерам вроде не должно быть никакого дела до действий друг друга, и очевидно, что это чисто немецкий вариант текста, полностью устраивающий немцев, поскольку такой подход не предусматривает независимой от Германии и СССР Польши с ее будущими претензиями на свои потерянные территории.

Но... Если вы обратили внимание, то увидели, что в тексте Протокола многоточия — это автор убрал из него два абзаца, чтобы показать, как резко они меняют смысл раздела сфер влияния. Эти два абзаца могли быть вставлены в протокол только Советским Союзом:

«Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия».

Появление в протоколе понятия «независимое Польское Государство» рушит весь «раздел сфер влияния». Сталин оставил себе возможность похерить весь этот раздел и воссоздать Польшу.

Из этого протокола получилось только одно: в октябре 1939 года СССР передал Литве Виленскую область со столицей Литвы Вильнюсом (тогда Вильно). Это и предопределило присоединение Литвы к СССР в 1940 году.

Все остальное было не так. Не получилось и воссоздания независимой Польши путем «дружественного обоюдного согласия». Не успел Сталин у Гитлера получить это согласие, Гитлер предпочел отравиться.

Но сам протокол даже не косвенно, а практически прямо доказывает, что правительство СССР в 1939 году с ликвидацией Польши как государства не согласилось и, следовательно, у Советского Союза не было причин ликвидировать офицеров армии этого государства.

4. Бригада Геббельса как-то стороной обходит и прозаический вопрос: содержание «гордых и надменных» поляков обходилось Советскому Союзу в копейку, которая лишней в то время не была. Н. Лебедева в том же сборнике «Катынская драма» пишет: «Содержание военнопленного, включая расходы на его охрану, обходилась немногим более двух рублей на „человеко-день“. Тем не менее, по сведениям тех, кто прошел через Козельский лагерь, питание было достаточным, чтобы поддержать силы организма — выдавали 800 г ржаного хлеба, на обед и ужин — суп и кашу».

Для убийства с целью сэкономить расходы этого, конечно, маловато — это не мотив, но вот для того, чтобы заставить поляков работать и как-то оправдать затраты на себя — этого достаточно. Причем, и это уж точно известно, для советских исправительно-трудовых лагерей заставить работать хоть рядового, хоть генерала не составляло труда.

5. И наконец, бригада Геббельса полностью молчит на тему, а были ли у немцев мотивы убить поляков. Ведь все эти исследователи всячески уверяют, что в Катынском деле они хотят узнать «правду», а правда всегда объективна. Кстати, и Геббельс требовал от немецких журналистов, освещавших Катынское дело, чтобы они в своих выступлениях упирали именно на этот аспект: «Это не

пропагандистская битва, а фанатичная жажда правды... Вообще нам нужно чаще говорить о 17–18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешения послать домой письмо и т. д., так как это действует особенно потрясающе» (*Конференция в Министерстве пропаганды 17 апреля 1943 года*).

А вот в исследовании мотивов убийства у бригады Геббельса что-то не видно той «фанатичной жажды правды», что завещал им их учитель. Поэтому у нас есть основание самим прислушаться к тому, что в Рейхе говорили о Польше и поляках.

Вот цитаты высказываний руководителей Рейха из книги Е. Ржевской «Геббельс. Портрет на фоне дневника» (Слово, М., 1994 г.).

На исходе польской кампании Гитлер дает указание Кейтелю:

«— Жестокость и суровость должны лежать в основе расовой борьбы для того, чтобы освободить нас от дальнейшей борьбы с Польшей.

Чуть позже он заявил:

— У поляков должен быть только один господин — немец. Не могут и не должны существовать два господина рядом, поэтому все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни».

Но Гитлер не только говорил, а и действовал. По сведениям уже упомянутого Д. Толанда: «К середине осени (1939 г. — Ю. М.) были ликвидированы три с половиной тысячи представителей польской интеллигенции, которых Гитлер считал „разносчиками польского национализма“». «Только таким путем, — утверждал он, — мы можем заполучить необходимую нам территорию. В конце концов, кто сейчас помнит об истреблении армян?» Террор сопровождался безжалостным выселением более миллиона простых поляков с их земель и размещением там немцев из других частей Польши и Прибалтики. Это проходило зимой и при переселении от холода погибло больше поляков, чем в результате казней.

Гиммлер вторил шефу:

«— В нашу задачу не входит германизация Востока в старом смысле этого слова... Наша задача — проследить, чтобы на Востоке жили люди чисто германской крови».

Ну и как же такой вопрос может обойтись без Геббельса?

«— Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли (22.08.1939 г.).

— Суждение фюрера о поляках — уничтожающее. Скорее звери, чем люди, совершенно тупые и аморфные (10.10.1939 г.).

— На поляков действует только сила. В Польше уже начинается Азия. Культура этого народа ниже всякой критики. Только благородное сословие покрыто тонким слоем лака. Оно — душа сопротивления. Поэтому его надо убрать.

— Фюрер полностью разделяет мою точку зрения на еврейский и польский вопрос... Польская аристократия заслужила свою гибель (5.12.1939 г.).

— Вермахт обращается с польскими офицерами слишком мягко... Поляки этого не понимают. Я приму меры. (19.01.1940 г.)».

Вот вам и мотивы. Разве немцы их скрывали? Они налицо: Польши нет и никогда не будет, для этого нужно уничтожить интеллигенцию и в ее числе — офицеров.

Поскольку мы расследуем дело об убийстве, надо признать, что все рассмотренные эпизоды являются доказательством N 1 версии Сталина: у СССР не было мотивов убивать польских офицеров, а фашистская Германия и не скрывала своего намерения их всех уничтожить задолго до того времени, когда они действительно были убиты.

Почерк убийцы

Казнь польских офицеров была произведена выстрелом в заднюю часть головы, по-русски — в затылок. Оружием, вероятнее всего, служили пистолеты, типом оружия упорно никто из бригады Геббельса не занимается, а подручные Сталина сейчас просто не имеют возможности это сделать. Но эти пистолеты были маломощные, калибра 7,65 и 6,35 мм — это единственное, что установлено.

Такой выстрел в голову приводит к немедленной смерти и с этой точки зрения такую казнь следует считать гуманной, если эти два понятия можно сочетать. Поэтому сам по себе выстрел в голову характерной чертой почерка не может считаться, его, без сомнения, при казнях производили оба подозреваемых.

Но в данном случае речь идет уже не о казни, а об уничтожении огромного количества людей как таковом. То есть это уже производственный процесс, технология. И в этом процессе главным становятся не убитые, а то, как быстрее и производительнее организовать сам процесс.

Таким образом, характерной чертой почерка убийц является сам способ организации технологии.

Очень любимый советскими кинематографистами способ массовых казней, когда группу осужденных подводят к могиле и по ним открывает огонь группа солдат, следует считать любительским, который могут применять армейские подразделения, которые в ярости боя расстреливают пленных или тех, кто помогал партизанам.

То есть те, кто привык, что на них самих нападают, и кого не заботит вопрос захоронения трупов — пусть валяются там, где убиты.

Для профессионалов этот способ нельзя считать лучшим. Быстрота расстрела, которая, допустим, позволяет в минуту положить из пулеметов 100 человек, далее вызывает длительные потери времени на добитие раненых, на стаскивание их к могилам. Кроме того, это возможно в случае расстрела либо обессиленных страхом людей, либо связанных, причем в группу.

Как только эти люди начнут разбегаться, расстрел начинает принимать формы, опасные для самих расстреливающих, так как им придется вести огонь в направлении оцепления места казни, а оцепление будет стрелять в их сторону. Это как при охоте на зайцев. Пока заяц перед цепью стрелков, то все в порядке, но как только он побежал сквозь эту цепь, то главным становится не в зайца попасть, а не попасть в охотника.

Но люди не зайцы, когда их группу ставят перед могилой, им становится ясно, что шансов на помилование уже нет, и они могут броситься на расстреливающего и расстрел может перерасти в рукопашную с неясным исходом.

Поэтому профессионалы, если другого способа у них нет, предпочтут подвод заключенного к могиле с выстрелом в затылок и сталкиванием в яму. Некоторые затраты времени на индивидуальный подвод жертвы к месту убийства с лихвой компенсируются экономией времени на розыск трупов по округе и стаскиванию их к могиле, с лихвой компенсируются относительной собственной безопасностью.

6. Советский Союз в те годы если чего и боялся меньше всего, так это расстрелять врага. Явных и мнимых врагов хватало, и, разумеется, была разработана и технология их казни. Но заметим, что это были судебные казни. То есть им предшествовал приговор суда или органа, его заменяющего, соответственным образом оформленные бумаги поступали к исполнителям, те убеждались в законности самих бумаг и, следовательно, своих действий, затем убивали, причем убедившись, что убивают именно того, кто приговорен. Тело хоронили исключительно на кладбище.

По этой причине никаких массовых подводов заключенных к могилам и их расстрел там были невозможны. Расстреливали только в тюрьмах — там, где невозможна случайная путаница, и только индивидуально.

Надо помнить, что это были очень строгие годы, власть объявила себя народной и Москва требовала, чтобы власть на местах действительно ею была. Это было время, когда обиженный рационализатор мог без договоренности прийти к секретарю обкома и тот его принимал практически немедленно и немедленно принимал меры по его жалобе. Это было время, когда собрание рабочих могло прекратить уголовное дело, даже при наличии оснований. Москва

понимала, что главное не молчащий народ, а довольный народ. Это было время, когда писатель Шолохов мог выехать в Москву с жалобой на несправедливость обвинения руководителей области, и Шолохова слушало Политбюро, и обвинения снова рассматривались и пересматривались. Советская власть о казнях врагов объявляла открыто, по главным врагам вела открытые судебные процессы, и казни их не были убийством.

В этих условиях казнь где-то в лесу или тюрьме больших групп неизвестно каких людей вызвала бы такие слухи и недовольство людей властью, что не только НКВД и прокурор области, но и партийная верхушка немедленно бы лишилась головы.

Потому подручным Геббельса и хочется доказать, что польские офицеры были расстреляны и в Харькове, но никакой аналогии с расстрелом в Катynie они не могут привести. Все, кто был расстрелян в Харькове, были расстреляны в здании тюрьмы, вывозились на еврейское кладбище и там хоронились. Когда это кладбище переполнилось, было организовано новое кладбище. Кладбище, а не могила, над которой расстреливали заключенных.

В городе Калининe — третьем месте, где предположительно расстреляны поляки, расстрел также проводился только в здании тюрьмы, а заключенные хоронились на кладбище у села Медное. На этом же кладбище хоронились умершие от ран в госпитале советские воины.

Сейчас бригада Геббельса пытается подменить понятие «кладбище» понятием «место массовых захоронений». Да, кладбище — это тоже место массовых захоронений, но это не могила, над которой идет расстрел, как это было в Катynie. Катынь — это не почерк подручных Сталина, не почерк НКВД по способу расстрела.

7. А характерен ли этот способ казни для немцев? Подручные Геббельса уверяют, что нет! Ю. Зоря добыл где-то высказывание бывшего бургомистра Смоленска Меньшагина и делает его экспертом этого дела: «По признакам убийства и смерти их не похоже было, что их убили немцы потому, что те стреляли обычно так, без разбора. А здесь методически, точно в затылок, и связанные руки. А немцы так расстреливали: не связывали, а просто поводили автоматами. Вот и все, что я знаю».

Справедливости ради надо сказать, что этот прислужник немцев, счастливо избежавший полагавшейся ему петли, действительно мог бы быть экспертом. Он действительно мог видеть казни немцев и участвовать в них. Следователи МГБ, допрашивавшие его, как-то упустили эту его компетентность из виду, и Меньшагин получил всего 25 лет лишения свободы. Но немцы вводили в курс способов уничтожения не только меньшагиных. Слишком много у них было любителей фотографии и киносъепок. И на этих документах мы видим именно расстрел в затылок и над могилами, и в том числе со связанными руками. Перед автором фотографии. Вот в откопанной могиле стоит лысый старик в темном пиджаке. За ним мордатый немец в пилотке целится ему в затылок из пистолета типа «Вальтер ППК». А вот гражданский мужчина со связанными за спиной руками стоит на коленях на краю могилы. Над ним стоит немец и целится ему в голову из пистолета, похожего на «Парабеллум» или «Вальтер П-38».

Нет. Расстрел над могилами — это типично немецкий способ. Именно так расстреливали они евреев и военнопленных в Бабьем Яру, именно этот способ описывается в документах Нюрнбергского процесса самими немцами. Этот способ был ими наиболее любим до изобретения газовых камер.

8. Характерной чертой почерка убийцы является и выбор им места казни и захоронения. Подручные Геббельса в 1943 году описывают его так: «Район Катынского леса представлял собой целый ряд холмов, между которыми находилась трясина, заросшая болотной травой. По гребнистым возвышенностям тянулись лесные дорожки, расходящиеся в стороны от главной дороги, идущей в направлении Днепра в сторону так называемой дачи НКВД. Лес был смешанным, хвойно-лиственным... В районе возвышенности, удаленной почти на 300 метров от шоссе, находились массовые могилы польских офицеров».

Обратим внимание на дорожки, отходящие от главной дороги. О чем они говорят? Правильно. О том, что это место непрерывно топтали тысячи людей в разных направлениях. По-русски — это людное место.

Поскольку бригада сыщиков Геббельса скуповато описала географию этого места, то есть не говорит всего, что знает, то дадим слово подручным Сталина. Примерно в середине января 1944 года,

еще до раскопок могил комиссией, они послали в Москву доклад с грифом «Совершенно секретно» и названием «Справка о результатах предварительного расследования так называемого Катынского дела». Как вы понимаете по грифу, эта «Справка» не предназначалась для публики и журналистов, это доклад для начальства, а начальству врать опасно, нужно быть откровенным. То есть, по сути, то, что написано в этой «Справке» и есть правда. Но мы этой «Справкой» воспользоваться во всех случаях не можем — это улики подручных Сталина. Но в таком случае, как сейчас, когда нам подручные Геббельса говорят не все, — можем. Итак:

«Местность Козьи Горы расположена в 15 км к шоссе, с юга подходит вплотную к реке. Ширина участка от шоссе до Днепра около одного километра. Козьи Горы входят в состав лесного массива, называющегося Катынским лесом и простирающегося от Козьих Гор по шоссе к западу и востоку. В двух с половиной километрах от Козьих Гор по шоссе к востоку расположена железнодорожная станция Западной железной дороги Гнездово. Далее на восток расположена дачная местность Красный Бор.

В Козьих Горах на крутом берегу Днепра до войны находился дом отдыха УНКВД Смоленской области: обширное двухэтажное здание с соответствующими хозяйственными постройками. От дома отдыха к шоссе Смоленск-Витебск пролегает извилистая проселочная дорога протяжением около одного километра. Могилы польских офицеров находятся в непосредственной близости к этой дороге на расстоянии по прямой менее 200 м от шоссе и 700 м от дачи.

Эскизный план местности прилагается.

Многочисленными свидетельскими показаниями устанавливается, что район Козьих Гор был местом отдыха для трудящихся Смоленска и был доступен для всего окружающего населения».

Сыщики бригады Геббельса в другом месте дополняют описание местности еще некоторыми деталями. Мадайчик пишет: «Известно, каким способом их доставляли в сараи в Катынском лесу, которые располагались рядом со „рвами смерти“». То есть НКВД поляков перед тем, как расстрелять, держало в каких-то сараях прямо у могил. Об этих сараях подручные Сталина молчат, что не удивляет: перед уходом немцы сожгли все в Катынском лесу, включая дом отдыха УНКВД. Подручные Сталина, осматривая место поздней осенью и

зимой, могли и не обратить внимание на пепелище. Но поляки в 1943 их видели! Зачем они в лесу, где не было ни колхозов, ни каких-либо сельскохозяйственных ферм?

Дело в том, что в те годы пионеры (бойскауты по-нынешнему) располагались в своих лагерях в брезентовых палатках. Но для хозяйственных подразделений пионерлагеря — кухни, складов продовольствия — нужны были основательные строения — деревянные помещения хозяйственного типа — сараи. А по данным подручных Сталина, на месте могил до начала лета 1941 года постоянно размещался пионерский лагерь Облпромкассы Смоленска, следовательно, НКВД вело расстрел поляков прямо на его территории. (Кстати, существует вероятность, что кто-то из пионеров 1941 года жив и сейчас, их можно разыскать и опросить.)

Давайте представим себе технику «тайного расстрела польских офицеров убийцами из НКВД», которую нам предлагают подручные Геббельса.

Начало лета. По Катынскому лесу взад и вперед прогуливается отдыхающая публика — пляжники, грибники, крестьяне, собирающие хворост. В пионерском лагере утренний сбор отряда. По дороге к дому отдыха НКВД идут жены и дети чекистов. По дороге Смоленск-Витебск не спеша едут телеги и подводы. В это время на территорию пионерского лагеря «тайно» заезжает автобус с польскими офицерами, «энкэвэдэшники» загоняют их на кухню, тайно копают между пионерскими палатками могилы и по одному ведут поляков с кухни расстреливать. На шоссе отчетливо слышится из леса легкая канонада, по всей округе разносится смрад разлагающихся на жаре трупов и, главное, что все это делается «тайно». Интересно, какой же это идиот осмелится обрисовать такую картину пусть и трижды продажному суду?

Место расположения могил польских офицеров — это Доказательство № 2 версии Сталина: НКВД поляков не расстреливал. В этом месте оно их расстрелять не могло. Если бы была поставлена такая задача, то НКВД вагоны с поляками из Козельска слал бы не на запад — в Смоленск, а на восток, а там через три дня пути начинаются такие места, где могилы поляков не нашли бы и в двадцать первом веке и где свидетелями были бы только медведи.

Но мы рассматриваем почерк убийц и правомерен вопрос: а немцы могли расстрелять в таком людном месте? Безусловно, они только в таких местах и расстреливали: глухие места из-за боязни партизан они избегали. Да и комфорт играл не последнюю роль. А в Катynie айнцакоманда расположилась с удобствами в Доме отдыха — после расстрела баня, ужин в столовой, отдых в отдельных комнатах на кроватях, а не где-нибудь в землянках в глухом лесу. Смотрите, в Киеве немцы расстреляли 100 тысяч евреев и пленных чуть ли не в самом городе, сейчас на месте Бабьего Яра один из районов Киева.

В Днепропетровске немцы расстреляли и захоронили тысячи советских офицеров в месте, которое сегодня считается центральным районом города.

Гитлеровцам в СССР стесняться было нечего и некого: они были уверены, что пришли навсегда. Расстрел в Катынском лесу по способу исполнения (не прячась) и по месту исполнения (над могилами) — это исключительно почерк немцев и это Доказательство № 3 правильности версии Сталина.

Поведение подозреваемых.

Бригада Сталина

Еще раз вернемся к версии Сталина. По ней Особое совещание при НКВД в марте 1940 года осудило военнопленных к ссылке в исправительно-трудовые лагеря. Это было дерзкое нарушение международных конвенций о военнопленных, сообщить об этом публично было нельзя. Мало того, что на Западе СССР во всем равняли с гитлеровской Германией, мало того, что только что окончилась финская война, но ведь неумолимо приближалась и война с немцами.

А в том, что война с немцами неминуема, в правительстве СССР никто не сомневался, все братания с немцами были для публики. Во время финской войны будущего начальника ГАУ Н. Д. Яковлева командировали на финский фронт. По пути он заехал представиться наркому обороны маршалу Ворошилову, и тот в доверительной беседе посетовал на неудачи Красной армии в Финляндии. «Но все же, — еще раз подчеркнул К. Е. Ворошилов, — главные испытания ждут нас на западе, со стороны фашистской Германии», — пишет Н. Д. Яковлев в своих мемуарах. Заметим, что это было в январе 1940 года.

А войны ведутся не только оружием физического уничтожения солдат противника, но и оружием уничтожения воли этих солдат — пропагандой. И в этих пропагандистских боях внушение солдатам противника мысли о том, как хорошо им будет в плену, — это оружие мощнейшей силы. С этой точки зрения признать, что пленные офицеры направлены в трудовые лагеря (понимая, что пропаганда противника немедленно превратит эти лагеря в каторгу), для советского правительства было невозможно и в мирное время, и тем более во время войны.

К чему это автоматически должно было привести?

Во-первых, само собой, к лишению их права переписки: они не должны были никому сообщать о своем осуждении. Более того, в лагерях наверняка был установлен контроль за тем, чтобы пленные

вообще ничего не писали, ни заметок, ни дневников, поскольку работа на строительстве дорог давала им возможность передать письмо или записку через гражданских лиц. Просто бросить на обочине дороги запечатанный конверт с адресом родственника на Западной Украине, а какой-нибудь прохожий подберет и, думая, что конверт случайно обронили, бросит его в почтовый ящик.

Во-вторых, в составе НКВД были разные управления, которые занимались различными задачами — вели разведку, занимались контрразведкой и в том числе занимались содержанием преступников в лагерях и организацией их работы. Это известное управление — ГУЛАГ — Главное Управление Лагерей. Было управление, которое занималось содержанием пленных в лагерях для военнопленных и организацией работы рядовых и унтер-офицеров — УПВИ — Управление по делам военнопленных и интернированных. В УПВИ числились и учитывались только военнопленные! Как только их осуждали, то они из учета УПВИ исчезали, они становились осужденными и им не место было в лагерях для военнопленных.

С другой стороны, на месте правительства СССР стали бы мы направлять осужденных офицеров в ГУЛАГ? Вряд ли. Тысячи людей — это не иголка в стогу сена. С лагерями связаны десятки тысяч человек, не работающих в НКВД и не обязанных хранить тайну. Это прежде всего различные поставщики всего необходимого для жизни и работы лагерей. Как только мы определили бы их в системе ГУЛАГ, через этих людей стало бы сразу ясно, что пленные стали заключенными.

Надо думать, что мы создали бы специальные лагеря вне системы ГУЛАГ, подчинив их местному управлению НКВД и дав этому НКВД план производства для них. Внешне для всех, кто работал с лагерями, все оставалось бы по-прежнему, в глазах этих людей поляки оставались бы военнопленными, так как никакой связи этих лагерей с ГУЛАГ не было. На эту мысль наводит следующее. В 1944 году комиссия Бурденко могла бы сказать, что пленные находились в исправительно-трудовых лагерях системы ГУЛАГ № 136, 137, 138. Ведь все равно СССР уже объявил, что пленные работали на строительстве дорог. Система ГУЛАГ известна, номера крупные, внушающие доверие. И в те года никто не смог бы этих утверждений проверить. Но подручные Сталина называли какие-то детские номера,

сразу наводящие на мысль об отсутствии фантазии: 1, 2 и 3. Правда, после номера лагеря стоит «ОН» — особого назначения. Поскольку вряд ли работники НКВД в те годы были глупее нас, то эти наивные номера начинают вызывать доверие: действительно вне системы ГУЛАГ таких лагерей могло раньше и не быть, поэтому малые номера как будто оправданы.

В-третьих, посадили в 1940 году польских офицеров в лагеря или расстреляли, но все сведения о них в любом случае должны были быть в Смоленском Управлении НКВД. Прежде всего их личные следственные дела с приговорами Особого совещания или «специальной тройки» и масса различных оперативных материалов. Скажем, если пленных расстреляли, то НКВД обязано было выяснить, какие слухи об этом ходят, затыкать рот болтунам. Если они были в лагерях, то Смоленское УНКВД обязано было обеспечить, чтобы сведения о них не просочились. Обязаны быть донесения секретных сотрудников, рапорты уполномоченных и т. д. Дело заключенного всегда находится недалеко от него. Во время войны за штрафными батальонами ездили грузовики с томами уголовных дел на каждого бойца с тем, что если он будет убит или ранен, то снять с него судимость. Нет причин считать, что дела на поляков хранились где-то в другом месте.

Теперь давайте рассмотрим поведение подозреваемого N 1 — Советского правительства. Не делало ли оно что-либо, что должно косвенно или прямо навести нас на мысль, что поляки им и убиты?

10. У бригады Геббельса есть воспоминания участников беседы ряда польских офицеров с Берией и Меркуловым в 1940 году. Речь шла об организации польской армии в СССР, и поляки предложили включить в ее состав тех офицеров, что исчезли из лагерей военнопленных весной. Кто-то из двоих — Берия или Меркулов — в ответ сказал, что это невозможно, так как «с ними совершили большую ошибку». По другим данным: «совершили большую ошибку, передав большую их часть немцам». Во втором варианте ответа заложена явная ложь руководителей НКВД, а «большая ошибка» приводит к мысли о трагическом исходе. Но мы уже писали, что убило НКВД польских офицеров или посадило в трудовые лагеря — выкручиваться оно все равно было обязано. А с точки зрения формирования войска Польского заключение в трудовой лагерь тоже

было «большой ошибкой», теперь оттуда нельзя было взять ни одного офицера: он бы рассказал о судьбе всех.

Автор считает, что этот эпизод следует считать Доказательством № 1 версии Геббельса условно: если другие доказательства будут достаточны, то тогда версию Геббельса подтвердит и эта. Если нет, то этот разговор тоже ничего не подтверждает, ему есть и другое толкование в пользу версии Сталина.

11.14 ноября 1941 года польский посол Кот встретился со Сталиным и задал вопрос о судьбе польских офицеров. Сталин в общем хорошо помнил предысторию, помнил фамилию польского генерала, которого он освободил, а тот сбежал в Румынию, но ответ согласно стенограмме дал типа «сам дурак»: «Мы освободили всех, даже тех людей, которые были засланы к нам генералом Сикорским взрывать мосты и убивать советских людей, мы освободили даже этих людей». (На самом деле это не генерал Сикорский, который посылал их, а его начальник штаба Соснковский.)

Мы видим, что Сталин внятно намекнул Коту, что эмигрантское правительство только что закончило войну в СССР и, безусловно, сделал это, чтобы избежать ответа на поставленный вопрос. Ответа, которого он явно не знал.

Обычно убийцы готовятся к ответам на подобные вопросы, они на них отвечают правдоподобно и сразу. Сталин мог бы сказать: они были в лагерях подо Львовом, немцы их захватили, обращайтесь к немцам. И дополнительно мог представить какие-либо бумажки, сфабрикованные в НКВД, в подтверждение этого. Но он оказался без «домашней заготовки», а это заставляет думать, что он действительно не давал команды убить поляков.

12. 3 декабря 1941 года Сикорский с Андерсом задают Сталину тот же вопрос, и опять Сталин — без домашней заготовки.

(А между тем сведения для Сталина разыскиваются, но не успевают попасть к нему на стол. Как раз 3 декабря 1941 года начальник УПВИ Сопруненко подписал баланс по военнопленным — «Справку о бывших военнопленных польской армии, содержащихся в лагерях НКВД».

Но и в этой справке под грифом «Совершенно секретно» нет ничего, что бы помогло Сталину: польские офицеры числятся в графе «Отправлено в распоряжение УНКВД в апреле — мае 1940 (через

спецотдел) — 15131 человек». Сопруненко ничего конкретного о них не знает, да и не может знать.)

Сталин снова идет на встречу с поляками, и, не зная, что ответить, он отвечает Сикорскому, что они, возможно, сбежали в Маньчжурию, а потом — что их захватили немцы. А между тем приезд Сикорского готовили — должны были подготовить какой-либо правдоподобный ответ и Сталину, тем более что Кот вопрос об офицерах упорно ставил две недели назад. Если бы Советское правительство убило поляков, то для правдоподобного лживого ответа ему бы не требовалась работа Сопруненко, никаких документов и справок. Все можно было выдумать в Москве. И то, что и более чем через две недели конкретный ответ не был дан, говорит в пользу версии Сталина.

Ведь всмотритесь в даты. Во время появления Кота у Сталина велись ожесточенные бои у Тулы и немцы перегруппировали силы, а 15 ноября они начали новое наступление на Москву. К 1 декабря была взята Ясная Поляна, на 5–6 декабря намечалось контрнаступление наших войск. Столица была эвакуирована, немцы пытались уничтожить ее с воздуха, все учреждения уезжали в Куйбышев, увозя с собой архивы. Все документы, в том числе и НКВД, были в пути или не распакованы. Сталин в эти дни не только не знал, где находятся польские офицеры, он не знал, где находится Яков Джугашвили — его сын, капитан-артиллерист. В этот момент соврать полякам — сам Бог дал. Но Сталин не врет, он ждет данных из НКВД, он делает предположения и по их нелепости (в Маньчжурии?) видно, что он, действительно, о судьбе пленных польских офицеров ничего не знает, а значит, в его представлении они были живы. О мертвых он бы знал.

Как хотите, но эти два эпизода — Доказательство № 4 версии Сталина.

13. О судьбе осужденных польских офицеров в правительство СССР не поступает сведений до 1943 года, да, видимо, в то время из-за других забот даже в верхах СССР на это ни у кого времени не было, поскольку на немецкие заявления в апреле 1943 года о том, что польских офицеров убил НКВД, первый ответ советской прессы был еще более глупый, чем все ранее сделанные, видимо, его согласовали те руководители СССР, кто вообще был не в курсе этого дела. Бригада Геббельса, по-видимому, сознавая, что такой бестолковый ответ действительно является косвенным доказательством невиновности

Советского Союза, о нем не говорит. Поэтому дадим слово самому Геббельсу: «Теперь, когда мы вскрыли могилы и опознали польских офицеров по их униформам, знакам отличия, паспортам, бумагам и т. д., теперь говорят, что геббельсовские лжецы забывают, что вблизи деревни Гнездовая проводились археологические раскопки (радиообзор положения, пункт 5). За каких дураков считают эти нахальные еврейские болваны европейскую интеллигенцию! Что они думают, что европейскую интеллигенцию можно в чем-то обмануть?! Они говорят об „археологических раскопках“! Посмотрите на снимки убитых польских офицеров в „Вохеншау“. Может быть, московские евреи станут после этого утверждать, что мы одели в польскую униформу 12 тысяч скелетов из времени 200 года до Христа!» *(Директивы господина министра прессы от 14 апреля 1943 года).*

В СССР спохватились, и теперь уже некуда было деваться — Советский Союз официально признал, что пленные офицеры и генералы работали на строительстве дорог под Смоленском. Это еще повод для издевательств Геббельса в той же директиве: «Не веришь своим глазам, когда видишь заявление ТАСС. Признания вины там вообще нет. Там говорится, что речь идет о печальной судьбе бывших польских военнопленных, которые в 1941 году находились в районах западнее Смоленска на строительных работах. Там находились бригадный генерал такой-то, командующий армией такой-то и полковник такой-то на строительных работах!» Вы видите, как ловко, даже изящно Геббельс обыгрывает положение конвенции о военнопленных, запрещающее использовать военнопленных офицеров на работах.

Поэтому Советский Союз упорно держится первоначального плана, он не признает, что офицеры были осуждены, лишены статуса военнопленного и стали «просто советскими заключенными». В СССР их по-прежнему числят только военнопленными, по-другому во время войны поступить было нельзя. Ведь только что находившуюся в абсолютно безвыходном положении армию Паулюса под Сталинградом склонить к плену удалось с большим трудом. Из попавших в окружение 330 тысяч немцев с их союзниками большую часть пришлось уничтожить в бою, сдалось израненных и обессиленных едва 90 тысяч.

В то же время потери немцев в Африке по их собственным данным были всего 12 тысяч убитых при 90 тысячах без вести пропавших, не подобранных ими самими убитых и попавших в плен. То есть если считать, что даже половина без вести пропавших — это убитые, то и тогда в Африке англичане, убив в бою одного немца, принуждали этим еще одного сдаться. А советские воины вынуждены были убивать 3–4 (и гибнуть сами), прежде чем 1 немец сдастся в плен.

Во время войны эта позиция СССР не допускала никаких компромиссов, признаться в том, что пленные офицеры были осуждены и перестали быть пленными, было предательством по отношению к своим собственным солдатам, своему собственному народу.

Но растерянность СССР уже во время второго возникновения проблемы пленных, растерянность подручных Сталина и отсутствие заранее готового ответа во второй раз — это еще одно доказательство (N 5) версии Сталина.

Двигаясь в хронологическом порядке, нам сейчас надо подойти ко времени работы комиссии Бурденко, так как у бригады Геббельса именно по деятельности этой комиссии наибольшее количество подозрений в отношении первого подозреваемого — СССР.

Немного подробностей. Когда стали поступать первые сведения о зверствах немцев в СССР, под председательством главного профсоюзного босса страны (секретаря ВЦСПС) Н. М. Шверника была создана «Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников». Ее членами были Главный хирург Красной армии академик Н. Н. Бурденко (людские потери), академик Б. Е. Веденеев (потери промышленности), академик Т. Д. Лысенко (потери сельского хозяйства), академик Е. В. Тарле (исторические аспекты), академик И. П. Трайнин (юридические аспекты), а также митрополит Киевский и Галицкий Николай, летчица Гризодубова, секретарь ЦК ВКП(б) Жданов, писатель А. Толстой. То, что ЧГК выделила под председательством Бурденко Специальную комиссию для Катynи, говорит только о политико-пропагандистском аспекте этого дела, а не о его масштабности или крайней важности для СССР. Для ЧГК это был только эпизод, причем не из значительных. Даже в самом Смоленске ей было чем заняться и без поляков. Только в

немецком концентрационном лагере 126 немцы убили более 115 тысяч советских военнопленных и мирных жителей. Пусть извинят поляки, но ради них никто своих основных дел не бросал.

Разумеется, ЧГК сама раскопок не вела, вскрытий не делала, свидетелей не разыскивала. Это делали люди из технической части комиссии — патологоанатомы, судмедэксперты, следователи и дознаватели НКВД.

Это надо принимать во внимание, а то, когда читаешь работы бригады Геббельса, складывается мнение, что правительство СССР обязано было в то время бросить все свои дела и заниматься только поляками и исключительно только поляками. Надо думать, что после измены армии Андерса Польша вообще была не тем государством, над проблемами которого в СССР особо мучились.

По Катынскому делу комиссия Бурденко сделала «Сообщение», но мы в случаях, где мы себе разрешили пользоваться данными подручных Сталина, будем использовать «Справку», которую она дала по Катынскому делу правительству СССР под грифом «Совершенно секретно» и, по этой причине, являющуюся не пропагандистским, а деловым, точным документом. Эта справка была опубликована в «Военно-историческом журнале» за 1990 год (NN 11 и 12). Надо думать, что кто-то в правительстве СССР согласовал то, что содержалось в «Справке», и факты из нее перешли в «Сообщение».

Это «Сообщение» критикуется многими, но в 1988 году четыре польских профессора — Я. Мацишевский, Ч. Мадайчик, Р. Назаревич и М. Войцеховский — сделали его экспертизу. Она очень многословна, и надо думать, что профессора заложили туда абсолютно все подозрения относительно нечестного поведения бригады Сталина. Все, которые бригада Геббельса смогла придумать.

Поэтому за основу мы возьмем факты «Экспертизы» этих профессоров, дополняя их фактами, добытыми советской частью подручных Геббельса.

14. Профессора пишут: «Основой заключения Специальной комиссии были свидетельства очевидцев и судебно-медицинская экспертиза. В сообщении комиссии так же, как и в показаниях профессора Прозоровского на Нюрнбергском процессе, упоминаются какие-то документы, которые использовала комиссия. Эти документы никогда не были описаны, опубликованы и представлены польской

стороне, как и результаты патологоанатомических исследований, о которых информирует Сообщение комиссии».

Вопрос: а когда это «польская сторона» (ПНР) их просила? Если же профессора именно себя считают «польской стороной», то тогда зачем им «результаты патологоанатомических исследований», если через несколько страниц эти профессора сообщают: «По вопросу собственно судебно-медицинской экспертизы мы не берем слова, не имея для этого компетенции»?

Но дело не в этом. Бригада Геббельса сегодня старается, чтобы в этом деле никто не знал никаких фактов, определяющих вину, и делает все, чтобы эти факты не стали достоянием общественности. Ей не нужны никакие документы Сообщения. Когда в 1988–1990 годах вновь разгорелось Катынское дело, в советской печати, на фоне потока выводов исследователей из бригады Геббельса, нет-нет да и мелькали редкие факты подручных Сталина. И именно «польская сторона» тщательно следила, чтобы эти факты не появлялись, именно «польскую сторону» эти факты чрезвычайно пугали. Дадим для этого случая слово подручным Сталина. В 1990 году газета «Орловская правда» позволила себе усомниться в версии Геббельса и немедленно советник польского посольства Е. Чулински потребовал от редакции придерживаться версии Геббельса — Горбачева. Из сетований профессоров следует, что они жаждут подлинных документов комиссии Бурденко, но когда «Военно-исторический журнал» опубликовал ее «Справку», то советник по печати посольства Польши А. Магздык-Мишевска немедленно отписала в редакцию: «Дело это тем более позорное, что вопрос ответственности советской стороны подтверждается не только сообщением ТАСС, но также и следствием, проводимым Главной военной прокуратурой СССР. Насколько мне известно, специальная группа под руководством прокурора А. В. Третьякова, занимающегося следствием по делу смерти польских офицеров (не только тех, кто были в лагере в Козельске, но также и Старобельске, и Осташкове), имеет в своем распоряжении показания настоящих свидетелей, занимавших во время Второй мировой войны ответственные посты в НКВД...

...Чтобы обеспечить Вам работу, сообщаю телефон прокурора А. В. Третьякова. Я надеюсь, что вы опубликуете решительный протест против очередной попытки фальсифицирования уже раз, казалось бы,

выясненной истории. Такая попытка наверняка не способствует благоприятному развитию отношений между нашими государствами и народами. Помочь в их восстановлении и успешном развитии может только правда».

И этой «правды» хочется! И Геббельсу хотелось, и А. Магздык-Мишевской! Прямо жизни нет от правдоискателей команды Геббельса. Ведь посмотрите, как жестко «польская сторона» контролирует, чтобы ничего не просочилось из документов комиссии Бурденко: от уездной «Орловской правды» до известного лишь любителям да специалистам ВИЖ. Вы посмотрите, как эта леди командует генералами! (Редактором в то время был генерал-майор В. И. Филатов.) Ведь не просто запрещает и требует покаяться, а требует продолжать тему, но в нужном ей ключе, и указывает, у какого подручного Геббельса надо брать выводы. Это же называется организацией кампании! И угроза ухудшить отношения «между нашими государствами», что, естественно, для Филатова означает увольнение с работы в случае неподчинения ей. Что, кстати, и было выполнено советской частью бригады Геббельса: Филатова уволили.

Такие действия — скрытие фактов оппонентов и обман нас, следователей, — мы договорились считать доказательством в пользу оппонента, в данном случае это Доказательство № 5 версии Сталина.

Далее профессора упрекают подручных Сталина в его поведении 14 ноября и 3 октября 1941 года и в высказывании Берии об «ошибке». Мы эти эпизоды уже рассмотрели.

15. «Одновременно советские власти, — пишут далее профессора, — отказывались передать польским властям списки офицеров, которые находились в Козельске, Старобельске и Осташкове».

А что это меняет? Ведь военнопленных офицеров в этих лагерях уже не было и все документы по ним были уничтожены. Естественно, дать было нечего. Но эти списки не были и тайной. В книге «Катынская драма» профессор Мадайчик пишет, что те офицеры, которых Особое совещание не сослало в ИТЛ весной 1940 года, находились в лагере военнопленных Павлищев Бор, а затем в Грязовце. Там «начиная с октября польские военнопленные могли свободно вести переписку, администрация снисходительно относилась к составлению пленными списков своих коллег, с

которыми они находились в лагерях Козельска, Старобельска и Осташкова». То есть Андерс имел эти списки. Так в чем же смысл подозрений, что советское правительство не могло их дать в то время, когда оно не могло составить находившихся в ее распоряжении дивизий?

16. Профессора обращают внимание, что до 1943 года советское правительство не говорило, что военнопленные офицеры находятся на строительных работах. Мы уже писали о том, что это естественно. Сказав «А», нужно было говорить «Б», то есть объяснять, почему это генералы вдруг начали махать лопатой.

17. Профессора настойчиво пытаются закрепить число похороненных в Катыни в пределах 4,5 тысяч человек. Это при том, что немцы утверждали, что там 12 тысяч и комиссия Бурденко остановилась на такой же цифре. В чем здесь интерес бригады Геббельса? Почему они хотят уменьшить число трупов?

Дело в том, что весной 1943 года немцы дали полякам раскопать не все могилы, а только те, что немцы подготовили. Ведь надо помнить, что время расстрела определялось не по состоянию останков, а по нахождению у них документов.

Комиссия Бурденко раскопала еще 925 трупов, у которых оказались документы с датами и после мая 1940 года, и идентифицировала военнопленных не только Козельского, но и Старобельского лагеря. Этим она рушит основное косвенное «доказательство» бригады Геббельса. Но об этом мы будем писать позже.

Доказать, что весной 1943 года были осмотрены все трупы абсолютно, профессора пытаются довольно-таки курьезным способом. В 1943 году было разрешено полякам вскрыть семь могил с 4151 трупом. Восьмую начали, но немцы не дали. Осмотренные трупы были снабжены жестяной биркой. А комиссия Бурденко извлекала в январе 1944 года трупы без бирки. На этом основании вполне серьезно заявляется, что это не те трупы. То есть предполагается, что Бурденко обязан был быть таким идиотом, чтобы повторно вскрыть те могилы, где уже похозяйничали немцы. Провести судебно-медицинское исследование трупов, которые пролежали летний месяц на открытом воздухе. Порой удивляешься, за каких идиотов нас считают поляки, и надо сказать, что в плане развития Катынского дела в конце 1980 — начале 1990-х годов они имеют на

это основания. Но дело-то ведь было не в 1990-х, и руководил им Бурденко, а не Горбачев.

В 1943 году поляки с немцами перезахоронили останки тех офицеров, что они осмотрели, в шести могилах и назвали это место кладбищем № 1, украсили его крестами и жестяными венками. Сам Мадайчик пишет, что даже немецкая аэрофотосъемка (фронт был в 30 км) подтвердила, что комиссия Бурденко раскапывает могилы в «окрестностях» кладбища № 1. А все четыре профессора сразу утверждают, что полякам в 1943 году немцы разрешили раскопать могилы на площади 60×36 м, а Бурденко у немцев разрешения не спрашивал, и его люди рыли шурфы там, где предполагались еще могилы, и открыли новые захоронения, причем еще две могилы размерами 60×60 м и одну поменьше — 7×6 м. Поэтому и оценивала комиссия Бурденко число жертв в 11 тысяч. Поэтому и не было у останков, осмотренных комиссией Бурденко, жестяных биров. Что здесь подозрительного? Подозрительно другое: с какой настойчивостью подручные Геббельса цепляются за то, чтобы трупов было не больше 4,5 тысяч.

18. В этом плане у профессоров есть еще одно подозрение. Комиссия Бурденко в первой сотне осмотренных трупов нашла 9 документов с датами от мая 1940 года до июня 1941 года: 5 квитанций, выданных лагерем, две почтовые открытки, одно письмо из Варшавы в советское учреждение и иконку.

Профессора усматривают крайне подозрительным тот факт, что у найденных трупов не было документов, удостоверяющих личность, — паспортов и прочего. Дескать, когда поляки делали эксгумацию, то такие документы были. Ну, а какой смысл комиссии Бурденко эти документы уничтожать?

И потом профессорам как-то трудно дается арифметика. В пункте 8 «Бесспорных фактов, касающихся катынского убийства» они пишут: «В катынских могилах оказались личные документы, позволившие идентифицировать 2730 останков из общего числа 4151». Но идентификация велась не только по паспортам, но и по письмам, открыткам и т. п. Значит, собственно документов, удостоверяющих личность, было еще меньше, чем 2730, а значит, в 1943 году поляки при эксгумации имели 1421 труп без каких-либо документов! За что

же упрекать комиссию Бурденко? За то, что у эксгумированных ею 925 останков не было паспортов?

Вообще-то, наличие паспортов у останков польских офицеров — это доказательство правоты версии Сталина. НКВД не позволил бы себе такой роскоши — оставить чрезвычайно важный для разведки документ — подлинный паспорт — у трупа. Видимо, позже спохватились и немцы. Начинали расстрел айнзацкоманды из любителей, а кончали профессионалы. И раскрыли немцы первые могилы, где трупы должны были хуже сохраниться: начинали расстреливать поляков при более теплой погоде. Раскопками руководил немецкий врач, и он понимал, что нужно делать и где раскапывать. Как и Бурденко понимал, где раскапывать не надо.

19. К похожим подозрениям можно отнести и недоверие профессоров к документам, найденным комиссией Бурденко на эксгумированных ею останках: «Найденный на останках № 4 „текст“ был написан от руки и имел поблекший адрес», — сомневаются они. А какой вид должен был иметь документ, написанный перед войной и пролежавший вместе с трупом в земле два года? Кстати, чтобы так написать о документе, профессора должны были его видеть. Но ведь это документ комиссии Бурденко, тот самый, который никак «не удастся осмотреть польской стороне», о чем профессора горько сетовали в начале своей «экспертизы».

20. В этом смысле профессора преуспели. В «Справке» сообщается точное местонахождение лагерей, в которых находились польские офицеры до их расстрела немцами: «Лагерь № 1-ОН находился на 408-м км от Москвы и на 23-м км от Смоленска на магистрали Москва-Минск.

Лагерь № 2-ОН находился в 25 км на запад от Смоленска по шоссе Смоленск-Витебск.

Лагерь № 3-ОН находился в 45 км на запад от Смоленска в Красненском районе Смоленской области».

Профессора подозрительно сетуют: «Специальная комиссия не назвала точного расположения лагерей № 1-ОН, 2-ОН, 3-ОН, но, если они находились на расстоянии 24–45 км от Смоленска, следовало назвать причины разгрузки вагонов с офицерами именно на станции Гнездово».

Понятно, что для того чтобы догадаться «почему», нужно очень много ума, но мы не будем этого скрывать от «польской стороны»: потому что лагеря находились на западе от Смоленска и станция Гнездово на западе от Смоленска.

Но эту цитату можно рассматривать в качестве очередного курьеза профессоров: если им Специальная комиссия не назвала точного расположения лагерей (о чем они жалуются в начале фразы), то откуда им известно расстояние до них от Смоленска (о чем они недоумевают в конце ее)?

21. Профессора считают подозрительным, что комиссия Бурденко не показала места этих лагерей журналистам. А я считаю, что было бы подозрительным, если бы она их показала, поскольку симитировать пожарище ничего не стоит: присыпанное снегом оно было бы неотличимым от настоящего. Но СССР в этом преступлении не собирался оправдываться, он обвинял, а для обвинения ему хватало трупов и вещественных доказательств при них.

22. Как и у Геббельса, у профессоров вызывает сомнение, что генералы работали на строительстве дорог, ведь у их коллег в лагере военнопленных в Грязовце в этот момент были даже денщики. Мы уже говорили об этом: в Грязовце генералы были военнопленными, а под Смоленском они были заключенными исправительно-трудового лагеря, где трудом лечились от навязчивой мании присоединить к Польше Украину без согласия украинцев.

23. Профессора также не верят, что пленных нельзя было вывезти из Смоленска, дескать, начальник лагеря обратился на железнодорожную станцию за вагонами для пленных 12 июля, а немцы, дескать, взяли Смоленск 16 июля, а 20 и 16 армии «вынуждены были отступить» аж 5 августа. «Почему же не вывезли наших доблестных офицеров?» — с подозрением недоумевают профессора.

Потому, что проклятая 2-я немецкая армия со 2-й танковой группой, начав наступление 10 июля в 200 км от Смоленска, 16 июля уже взяла его с юга и никто ее остановить не смог. А не менее проклятая 9-я немецкая армия с 3-й танковой группой, зайдя с севера, в это время взяла Духовщину и вела бой за Ярцево — железнодорожную станцию на востоке от Смоленска. За это время смоляне успели вывезти на восток целый ряд оборонных

предприятий, включая авиазавод. Не до доблестных польских офицеров было в это время, своих детей надо было спасать. Кстати, 20 и 16 армии не «отошли» от Смоленска, а вырвались 5 августа из окружения, в которое они попали северо-западнее города.

24. Еще «сомнения». Дескать, если бы в такой ситуации лагеря остались без охраны, то пленные офицеры разбежались бы, и хотя бы кто-нибудь, да остался жив.

Вроде есть резон в этом сомнении, но только в случае, если быть уверенным, что эти офицеры хотели драться с немцами. А они хотели с ними драться точно так же, как и генерал Андерс со своими офицерами. Кроме того, надо учесть, что они действительно были ожесточены против СССР и до своего осуждения и ссылки из лагерей военнопленных в ИТЛ, а уж после — тем более.

Я уже цитировал высказывание офицера Любодзецкого, из книги Мадайчика, где этот не любящий москалей офицер, даже будучи в лагере военнопленных, хотел «...хоть из-под дождя, да под восточный желоб — под немецкую оккупацию». Продолжим его мысль, почему он и другие этого хотели: «Не было иллюзий, что немцы будут мягко обращаться с польскими офицерами; допускалось, что большинство, а может быть, и всех, немцы отправят в лагерь для военнопленных; однако считали, что они будут обходиться с ними в соответствии с принятыми международными нормами...».

Поскольку вопрос, почему пленные не разбежались, остается без ответа, то мы можем сослаться на бригаду Сталина, у которой есть данные, что попытка конвойных частей увести военнопленных на восток пешком не удалась. Пленные взбунтовались, с конвоем ушли только несколько человек, евреев по национальности, остальные остались ждать обхождения «в соответствии с принятыми международными нормами». И дождались.

25. Однако, захватывая мелкой сеткой любые подозрения, которые только могут прийти в голову, профессора, помимо курьезов и своего непонимания тогдашних условий, выловили и факты подтасовки улик, фальшивые улики в комиссии Бурденко.

В общем-то, они вполне резонно заявляют, что не верят, что из всего обслуживающего персонала и конвоя мог спастись всего один человек — начальник лагеря № 1-ОН. Если в основу брать, что в этих лагерях было 10–12 тысяч человек (в Ровенском лагере для

военнопленных, занимавшемся строительством шоссейной дороги на Львов, было на 23 июля 1940 года 14599 человек), то конвой и администрация лагерей вряд ли были меньше 1–2 тысяч человек.

Правда, война была ужасна по потерям убитыми и пленными в своем начальном периоде. Мой отец в начале войны был начальником штаба отдельного батальона, части примерно в 700 человек. Приняв первый бой в Бессарабии, они отходили на Одессу. Из их дивизии в Одессе собралось всего 111 человек (из примерно 13–16 тысяч) без штабных документов и без знамени. А из батальона, правда, со знаменем, в Одессу попало всего трое.

Тем не менее на правом берегу Днепра, где и располагались лагеря, бились в окружении части 16 и 20 армий, и эти армии из окружения вышли. Если конвой и администрация покинули лагеря, то они могли покинуть их только в направлении этих армий, левый берег Днепра был занят немцами очень быстро. Пусть поляки сдались немцам в полном составе, но полная гибель и сдача в плен 1–2 тысяч советских бойцов, да еще в трех отдельных командах, действительно маловероятна.

Но вот вопрос: их не было вообще (если пленных расстреляло НКВД в 1940 году) или их просто не вызвали в свидетели в 1944? Попробуем ответить на этот вопрос в следующем эпизоде.

26. Комиссия Бурденко представила свидетеля — начальника лагеря с поляками под Смоленском. Бригада Геббельса называет его комендантом лагеря № 1-ОН, «свидетелем майором Ветошниковым». Вероятно, так он фигурировал в «Сообщении» комиссии в 1944 году. Но в «Справке» этой комиссии (напоминаю — совершенно секретной и поэтому достоверной) он и не майор, и не свидетель.

Там его физически нет. Есть рапорт на имя начальника УПВИ Сопруненко от лейтенанта госбезопасности В. М. Ветошникова. Его звание соответствовало тогда званию капитана, и если его действительно потом задействовали как свидетеля, то к 1944 году он мог быть и майором. Тут все сходится. Профессора пишут, что его не знали в лагерях военнопленных. И не должны были знать: он в них не служил.

Вранье в другом. В Справке написано:

«Начальник лагеря № 1-ОН лейтенант госбезопасности Ветошников В. М., давая объяснения о судьбе порученного ему лагеря,

в своем рапорте на имя начальника Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР от 12 августа 1941 года пишет: „После того, как я получил от Вас указание подготовить лагерь к эвакуации, я принял к этому необходимые меры.

Охрана и пленные поляки были мною предупреждены.

Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к начальнику движения Смоленского участка Западной железной дороги тов. Иванову с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но тов. Иванов ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться с Москвой для получения от Вас разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск был уже отрезан немцами, и что стало с поляками и оставшейся в лагере охраной, я не знаю“».

Читатели уже поняли, что автор этой книги скорее подручный Сталина, чем беспристрастный исследователь. Но и он в этом случае должен сказать, что этот рапорт на 99 % липа, фальшивка.

Да, есть 1 %, что так и было, но не более 1 %. Можно представить, что с началом войны Сопруненко дал какой-то циркуляр по УНКВД областей подготовить всех военнопленных, где бы они ни находились, к эвакуации. А из УНКВД поступила в лагерь команда со ссылкой на Сопруненко. Можно полагать, что после выхода из окружения Ветошников задержала советская контрразведка и допросила. В ходе допросов Ветошников написал этот рапорт, но в ходе последующих боев рапорт так и остался в контрразведке армии или фронта, а уж потом в 1944 году его нашли. На войне все бывает, в том числе и это, но вряд ли.

Во-первых, нельзя прийти на железную дорогу и попросить вагоны, даже один вагон. А их Ветошникову нужно было штук 60. Советские железные дороги (гвардия Кагановича) — это государство в государстве. Они чихать хотели на любых ходяков с любыми погонами. У них есть свои приказы — планы перевозок, и никто никому помимо плана не даст не то что вагона... тачки не даст. А в рапорте совершенно отсутствует это обстоятельство, не видно, было ли какое-то указание от Управления Западной железной дороги на

перевозку пленных, ни что делал Ветошников, чтобы втиснуть своих пленных в план перевозок. Это журналист или профессор может прийти, попросить вагоны и уйти, ничего не получив. Но не офицер, у которого эти пленные — единственная забота, пленные, за которых он отвечает.

Его ближайшие начальники находились рядом — Смоленское УНКВД, а он и словом не обмолвился, что обращался к ним за помощью или хотя бы за тем, чтобы просто переложить свою ответственность на кого-либо другого. Его лагерь был на правом берегу Днепра, а там немцев долго не было. Черт с ними, с пленными, но он бросил своих подчиненных, он обязан был их возглавить и вывести из окружения. За такой рапорт его обязаны были расстрелять немедленно после прочтения.

Во-вторых, он прямо «вешает» военнопленных на Сопруненко. Получается, что тот знал про эти лагеря, более того, раз он давал по ним команду, то и отвечал за них, и эти пленные должны были стоять у него в списках. Получается, что он в своих совершенно секретных справках вводил Сталина в заблуждение. Этого быть не может. Сопруненко не самоубийца. Когда мы дойдем до его допроса, мы это покажем. Он действительно ничего не знал и не мог знать про эти лагеря.

Но ведь и «Справка» комиссии Бурденко с грифом «Совершенно секретно». Получается, что следователи этой комиссии сочинили фальшивку и тоже для Сталина! Они получили очень много данных, более чем достаточно, чтобы доказать, что поляков убили немцы. И все эти данные они получили в Смоленске. Рапорт Ветошникова — это единственное, что они получили не в Смоленске — не на доске же объявлений они его нашли!

Более того, им этот рапорт был не нужен. У них был надежный свидетель — инженер службы движения Иванов, он был настолько надежен, что его не боялись допрашивать при корреспондентах.

Без всяких сомнений — этот рапорт был им прислан из Москвы с указанием приобщить к делу. И они его приобщили, так как он дополнял показания Иванова, рассказавшего похожий эпизод, но не помнившего, кто именно и когда к нему приходил за вагонами. Очень все получалось у следователей хорошо, но очень хорошо — тоже не хорошо.

Это, видимо, поняли в Москве, когда готовили «Сообщение» комиссии Бурденко, и рапорт лейтенанта госбезопасности из него ушел, и появился свидетель — майор Ветошников.

Естественен вопрос: зачем Москва на это пошла? Ведь речь идет об убийстве, а то, что убийство было совершено немцами, доказано многочисленными показаниями, фактами, уликами. Зачем нужно было фальсифицировать показания в не имеющем отношения к убийству эпизоде? Ведь Ветошников — это не свидетель убийства, к чему он вообще в деле?

К этому времени Советский Союз уже признал, что пленные офицеры были на работах, а это прямое указание на то, что они уже были не военнопленные, а каторжники. СССР не мог допустить, чтобы этот факт выплыл наружу. А никто из свидетелей, найденных в Смоленске, не мог по этому вопросу дать объяснений, успокаивающих мировую общественность и, главное, еще не сдавшихся в плен немецких офицеров.

Для этого потребовался Ветошников. Смотрите, в его рапорте на 70 слов четыре раза употребляется слово «военнопленные» или «пленные» и сам рапорт на имя начальника Управления по делам военнопленных и интернированных. Рапорт преследует цель доказать, что не было в СССР никаких офицеров-каторжников, только военнопленные.

С этой же целью в качестве свидетелей не был назван ни один сотрудник лагеря, поскольку первый же вопрос, который им обязаны были бы задать иностранные корреспонденты: почему военнопленные офицеры работали? А на этот вопрос не было у советского правительства вразумительного ответа.

Во время войны правду редко говорят, и уж, во всяком случае, ее не говорят, если она идет на пользу противнику.

Тем не менее данная ложь подручных Сталина и не-вызов ими свидетелей из числа охраны и администрации лагерей — это Доказательства № 2 и № 3 версии Геббельса, но, как и раньше, только в случае, если остальные доказательства убедят нас, что офицеры убиты НКВД.

27. Больше никаких сомнений у подручных Геббельса по отношению к действиям подручных Сталина в комиссии Бурденко нет. Но сама ложь в одном случае вызывает сомнения в достоверности

вообще всех показаний ее свидетелей. Могли ли НКВД или НКГБ заставить всех свидетелей говорить то, что хотели следователи, могли ли опрашивающие побоями, угрозой смерти свидетелей или их родственников заставить дать нужные показания?

Никаких фактов по этому поводу бригада Сталина, разумеется, не даст, но и у бригады Геббельса нет ничего, кроме твердой уверенности в том, что всех свидетелей подручные Сталина заставили оболгать невинных немцев.

Давайте этот вопрос обсудим. В том, что подручные Сталина могли заставить говорить кого угодно — сомнений нет. В том числе — заставить говорить то, что они хотели слышать. Но не в этом дело.

Те, кто работает в бюрократической системе, знают, что, когда в этой системе раздаются награды, то начинают всегда с начальников, а когда следуют наказания, то начинают с подчиненных. В данном случае следователи, которые вели непосредственные опросы свидетелей, были подчиненными.

Если бы это дело было закрытым, то есть решалось внутри судебной-следственной системы СССР, то не исключено, что следователи могли получить устные указания от Берии и Меркулова и заставить свидетелей дать нужные показания. Но это дело уже было открыто. Противная сторона — немцы — также имела факты, доводы, свидетелей. В этих условиях следователю сфабриковать заведомую фальшивку смертельно опасно. Если в результате ее СССР был бы нанесен моральный ущерб, то начальство бы могло и выкрутиться, сказать, что это следователь его в заблуждение ввел своими данными, а следователю выкрутиться было бы невозможно — с него немедленно слетела бы голова.

К примеру, весной 1937 года НКВД под руководством Ежова вскрыло заговор военных во главе с Тухачевским. В допросах подозреваемых особо отличились следователи Ушаков и Радзвилловский, замначальника 2-го отдела НКВД Залпетер. Но уже в 1938–1939 году эти ретивые работники были арестованы, давали показания о том, как именно они вели дело Тухачевского и, вероятнее всего (судя по обычаям того времени), разделили судьбу расстрелянного Ежова. Но дело Тухачевского было фактически закрытым, судил генералов закрытый суд.

А Катынское дело было с самого начала открытым. Оговорись свидетель даже нечаянно, откажись от показаний, скажи, что заставил следователь, и такому следователю расстрел гарантирован в качестве «меры», принятой начальниками «для наведения порядка» в следственных органах. Будьте уверены, все следователи бригады Сталина отлично это понимали.

Кроме этого, «Справка» комиссии Бурденко не предназначалась посторонним, а только начальникам — в ней вранье недопустимо, там обязана быть правда, а уж начальство само решит, как с этой правдой поступить — дать ее в чистом виде, или извратить, или умолчать, что и было с «рапортом Ветошникова».

Тому, что в Катынском деле следователи бригады Сталина не заставляли свидетелей говорить то, что им нужно, есть подтверждение.

Бургомистр оккупированного Смоленска о расстреле поляков немцами знал очень хорошо — не мог не знать. У комиссии Бурденко был его ежедневник с записями, из которых было ясно, что немцы привлекали его к этой акции. Для подручных Сталина это был свидетель № 1. Более того, его семья была в СССР, сам он добровольно сдался НКВД в 1945 году. Уж кого-кого, а его обязаны были заставить разговориться.

Но у бургомистра Меньшагина была альтернатива — не признаваться в том, что он что-то знал о расстреле поляков, и оставаться пусть и крупным, но просто пособником немцев или признаться и стать вместе с ними военным преступником. Ю. Зоря дает обширные показания Меньшагина, когда тот уже вышел из тюрьмы и ему ничего не грозило. Мы этим показаниям даем преимущество, поскольку они поступают из бригады Геббельса.

Вот что показывает Меньшагин по поводу приемов подручных Сталина, которыми они заставляли его дать показания по Катынскому делу в преддверии Нюрнбергского процесса: «Очень странно, что меня ни разу не спрашивали о Базилевском (заместителе бургомистра Смоленска, которому бургомистр Меньшагин рассказывал о расстреле немцами поляков. — Ю. М.), хотя я находился в Смоленске с августа по 29 ноября 1945 года, потом в Москве, как я сказал, на Лубянке в одиночной камере. Ведь все следователи задавали мне вопрос, что мне известно о Катынском деле? Я им говорил то же, что я сказал

сейчас в начале своей беседы. А на вопрос: кто убил — отвечал, что я не знаю. Они мне говорили: „Мы к этому еще вернемся и тогда запишем ваши показания“». И все.

Где здесь иголки, запущенные под ногти, где угрозы расстрелять семью, где обещания помиловать? Пальцем не тронули, угрожающего слова не произнесли. Предпочли свидетелем иметь Базилевского, чей пересказ рассказов Меньшагина, конечно, не имел такой убедительной силы.

Но если на такого важного свидетеля не было оказано никакого давления даже по данным бригады Геббельса, то где основания считать, что на 95 простых свидетелей, опрошенных в Смоленске, кто-то давил?

Нет, бригаде Сталина давить на свидетелей было опасно, да и не было в этом никакой необходимости: свидетелям было что рассказать добровольно, без принуждения.

На этом подозрения бригады Геббельса в отношении расследования подручными Сталина дела о Катыни в Смоленске в 1943–1944 годах заканчиваются. Но есть еще один аспект, на котором следует остановиться.

28. Профессора пишут: «В составе Специальной комиссии не было также ни одного поляка, например, из числа представителей руководства Союза польских патриотов в СССР. Их присутствие в составе комиссии, расследующей преступление, совершенное по отношению к полякам, должно быть морально обязательным».

Это типичная логика людей, привыкших протирать штаны в почетных президиумах и считать это полезной работой. Специальная комиссия была частью Чрезвычайной, она знала свое дело, и в ней было кому заниматься и следственной работой, и судебно-медицинской. Что в ней должны были делать «представители руководства Союза польских патриотов»? Не так уж их было много, этих патриотов, чтобы отвлекать их от основной работы, и, с другой стороны, а чем они должны были конкретно заниматься в составе Специальной комиссии? Раздувать важно щеки, изображая из себя поляков?

А насчет «морально обязательным», то надо думать, в СССР считали морально обязательным не это, а участие одетой и вооруженной СССР армии Андерса в боях под Сталинградом и консультацию «польской стороны» с советским правительством вместо того, чтобы раздувать вместе с совместным врагом и в его пользу Катынское дело.

Поведение подозреваемых

Бригада Геббельса

Рассмотрим, когда немцы «узнали» о том, что поляки расстреляны.

29. Мадайчик пишет: «Но уже 2 августа (1941 года. — Ю. М.) один из допрашиваемых советских военнопленных, Меркулов, дал показания, что ему достоверно известно, что все польские офицеры, взятые в плен в 1939 году, были уничтожены». Собственно говоря, единственный Меркулов, который мог знать, что «все» польские офицеры уничтожены, был тогдашний министр внутренних дел Меркулов. Не его ли немцы взяли в плен под Смоленском? Однако то, что немцы еще осенью 1941 года знали, что польские офицеры убиты, подтверждает и бригада Сталина. По ее данным, уже упоминавшимся, гестапо заслало с этим сообщением агентов в штаб Андерса зимой 1941–1942 года.

Продолжим повествование Мадайчика: «Но после 6 января 1942 года у Козьих Гор в течение трех месяцев дислоцировался строительный взвод № 2005, обеспечивавший технические потребности вермахта. Командовали взводом немцы, а работали в нем поляки. В конце своего пребывания в Гнездове поляки узнали от местного населения достаточно обстоятельную информацию о месте расстрела польских офицеров. В Катынском лесу они раскопали остатки верхней одежды польских военных. На месте обнаруженных следов преступления поставили березовые кресты. Об этом были проинформированы немцы, однако поначалу они не проявили к этому особого интереса».

Итак, немцы знают, что 14 августа 1941 года СССР и Польша заключили военное соглашение, по которому в СССР формируется польская армия. Им вот-вот предстоит встретиться с ней на фронте. Они только что потерпели первое в войне разгромное поражение под Москвой, откатились от нее в некоторых местах на 600 км, впервые с 1939 года перешли к стратегической обороне. И их не заинтересовал факт расстрела НКВД польских офицеров!?

В этом пусть поклянутся польские профессора, а мы должны понимать следующее. Немцы расстреливали поляков осенью и зимой, то есть трупы остывали уже на морозном воздухе, сбрасывались в промерзшие могилы и засыпались промерзшей землей. Они были как в морге. Раскапывать их весной 1942 года было нельзя, они были еще не тронуты тленом. Другого объяснения нет.

Так что задержка на лето «находки» немцами могил поляков — это Доказательство № 6 версии Сталина.

30. Ну, не проявляли немцы к этому интереса и не проявляли, а потом вдруг взяли и проявили. Почему?

Мадайчик это объясняет так: «После того, как под Сталинградом в плен попало много офицеров вермахта и их судьба могла вызвать опасения, делу был дан ход». Хитрит «польская сторона», хитрит. 2 февраля Паулюс капитулировал, а 18 в Катынском лесу немцы уже копать начали? Из-за 2,5 тысяч немецких офицеров, попавших в плен под Сталинградом? Советская сторона бригады Геббельса более откровенная: «Наконец, одновременно с пропагандистской кампанией вокруг Катыни, гитлеровцы 19 апреля 1943 года приступили к окончательной ликвидации трехмиллионного еврейского населения Польши». Вот это уже в точку.

Действительно, Геббельс непрерывно руководил кампанией немецкой и вассальной прессы в деле Катыни и на его инструктажах ей (мы их уже цитировали) евреи с его уст не сходили. Начиная с 6 апреля по 30 Геббельс дал по Катынскому делу прессе обширные инструкции, примерно на 40 машинописных страницах. В них он лишь один раз упоминает Сталина. Зато евреи у него именинники:

«...Прежде всего заклеямили цинизм английских евреев, советские союзники которых способны на отвратительные поступки...

...Чтобы эти еврейские негодяи, заключившие совместный сговор между Лондоном и Москвой...

...Более глупого тупые евреи в Москве действительно ничего не могли придумать...

...Под тяжестью этих обвинений евреи могут произносить лишь бессвязный лепет...

...Наряду с ТАСС-овскими евреями и англичане придумали махинацию...

...Такого идеального случая соединения еврейского зверства с отвратительной еврейской лживостью мы еще не знали во всей военной истории...

...Было бы совершенно неправильно предполагать, что мы подавляем нашу заграничную пропаганду тем, что внутри страны включаем еврейский вопрос в Катынское дело. И фюрер придает значение тому, чтобы еврейский вопрос был связан с Катынским делом».

И наконец:

«...Глубокое впечатление, которое произвело все это дело на польский народ, необходимо изображать снова и снова...».

Да, слов нет, тут Даймонт прав. Немцы уничтожили польских евреев чуть ли не с помощью «польской стороны». А может, и с помощью, да только мы, которых учили, что поляки наши братья, и говорили нам о них только хорошее, этого не знаем?

Когда 19 апреля 1943 года в Варшавском гетто, в ответ на попытку немцев вывезти для уничтожения очередную партию евреев, началось восстание, длившееся более двух месяцев и жестоко подавленное немцами, ни эмигрантское правительство в Лондоне, ни его Армия Крайова в Польше и пальцем не пошевелили в защиту своих сограждан. Очень уж были увлечены вместе с Геббельсом Катынским делом.

Это не доказательство той или иной версии, но это важно для понимания того, почему немцы подбирали для комиссии тех или иных членов.

31. А этому делу подручные Геббельса уделяли особое внимание. Так, одно время предполагалось пригласить на раскопки самого Сикорского, во всяком случае Риббентроп дал указание разыскать за границей поляков-эмигрантов, но только, как пишет Мадайчик, «оговаривалось, что это должны быть люди антибольшевистских либо антисемитских убеждений. Однако, — утверждает Мадайчик чуть ли не с гордостью, — предпринятые попытки не дали результатов, желающих участвовать в этом спектакле не нашлось». Когда нечем гордиться, можно гордиться и этим. За границей не нашлось — нашлись в Варшаве. Нам же такое требование немецкого МИДа следует считать Доказательством № 7 версии Сталина.

32. Подбором комиссий занимался и Геббельс: «Вообще отовсюду должны быть посланы полуофициальные личности или комиссии... Вообще работы по раскопке и идентификации должны по возможности проводиться по мере надобности только тогда, когда туда прибывает какая-либо комиссия». Но его, разумеется, занимали и те, кто будет показывать улики комиссиям: «Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими же должны быть и журналисты... Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии». Тут вам не туманный пересказ фразы Берии об «ошибке», тут конкретно указывается, что в могилах могут быть вещи, которые похерят всю версию Геббельса. Это Доказательство № 8 версии Сталина.

33. Но вот наконец международная комиссия была создана и приехала в Катынский лес к немецкому профессору Г. Бутцу, который орудовал в этом лесу с самого начала. Специалисты были из 12 стран. Один швейцарец, остальные из стран-сателлитов Германии. Это были врачи — судебные медики. Работали они два дня (29 и 30 апреля 1943 года) и, казалось бы, им, медикам, полагалось бы сделать заключение о дате расстрела на основе собственных профессиональных знаний. Но Г. Бутц и «ловкие» немецкие офицеры предложили им сделать заключение на основе отсутствия на телах погибших писем и всего прочего с датами позже весны 1940 года. Надо сказать, что это достаточно оригинальный способ предъявить доказательства — объявить уликой отсутствие улики! Мы этим способом немедленно воспользуемся. Но пока продолжим. Итак, международная комиссия судмедэкспертов подписала протокол о том, что она установила. Этот протокол был 4 мая опубликован «Фелькишер беобахтер». Но как сетует Мадайчик, «не произвел большого впечатления». Однако бригада Геббельса как-то скромно умалчивает, как писался и как подписывался протокол международной комиссии. Поэтому мы имеем право дать слово подручным Сталина, в данном случае — членам этой международной комиссии.

Чехословацкий профессор судебной медицины Ф. Гаек так описывал в 1952 году принцип формирования комиссии: «Тогдашнее министерство внутренних дел протектората передало мне приказ гитлеровских оккупантов направиться в Катынский лес, указывая при этом, что если я не поеду и сошлюсь на болезнь (что я и делал), то мой поступок будет рассматриваться как саботаж и в лучшем случае я буду арестован и отправлен в концентрационный лагерь». Строга была бригада Геббельса. (Это вам не НКВД в деле Меньшагина со своим «мы зайдем в следующий раз».) И вот эта «международная комиссия» с угрозой концентрационного лагеря «в лучшем случае» приступила к написанию протокола со «своими выводами» по Катынскому делу. «Небезынтересно, — пишет Гаек, — происходило также составление тогдашнего отчета с подписями судебно-медицинских экспертов из оккупированных европейских стран. Некоторые не владели в такой степени немецким языком, чтобы суметь написать научный отчет. Написал его и стилизовал немецкий врач из Бреславля Бутц...».

Не менее интересно происходило и подписание отчета, о чем свидетельствует уже другой член международной комиссии, болгарский судмедэксперт Марко Марков. Утром 1 мая 1943 года международная комиссия, побыв в Катыни 2 дня и вскрыв 9 трупов, вылетела обратно, но вместо Берлина самолет неожиданно приземлился на глухом уединенном аэродроме. «Аэродром был явно военным, — рассказал доктор Марков. — Там мы обедали, и сразу после обеда нам предложили подписать экземпляры протокола. Нам предложили их подписать именно здесь, на этом изолированном аэродроме!»

Правда, нынешняя бригада Геббельса этим членам международной комиссии уже категорически не верит. Мадайчик пишет: «... правдоподобность изменения мнения М. Маркова умягчает тот факт, что в 1944 году он вошел в конфликт с болгарской народной властью, был арестован и должен был идти под суд „за участие в провокационном Катынском деле“. Но после того как он поставил под сомнение свою подпись под протоколом международной медицинской комиссии, его освободили».

Правдоподобность повествования самого Мадайчика сильно умягчают следующие факты.

Во-первых, помимо общего протокола каждый член комиссии писал свое собственное заключение на родном языке. Марков в этом заключении не сделал выводов о том, что поляки убиты в 1940 году, и, несмотря на то, что впоследствии немцы сильно на них настаивали, он не сделал их и позже.

Во-вторых, по этой причине «народная власть» не могла иметь претензий к Маркову, и он сам явился в софийский суд с заявлением о Катынском деле в январе 1945 года, когда в Болгарии была власть многопартийного Отечественного фронта. Коммунисты пришли к власти в Болгарии только в 1946 году.

А профессор Гаек выпустил в Праге брошюру «Катынские доказательства» в 1945 году, в то время как коммунисты пришли к власти в Чехословакии после попытки буржуазного переворота в многопартийном правительстве в 1948 году. Ну да ладно, так как мы договорились, что будем верить только фактам комиссии Геббельса, то не будем брать во внимание мнение этих двух членов международной комиссии. Но ведь этих членов было 12! Где остальные? Они почему молчат? Почему молчали эксперты из фашистской Испании или нейтральной Швейцарии во время Нюрнбергского процесса? Почему бригада Геббельса, в лице защитников главных военных преступников, не привлекла их к процессу в противовес доктору Маркову? Они ведь не были в заключении у «народной власти»! И кстати, а почему сейчас бригада Геббельса не опирается на их показания?

Поскольку по логике бригады Геббельса главной уликой является отсутствие улик, то факт, что ни один из десяти оставшихся экспертов международной комиссии не выступил в защиту своей подписи под протоколом, нам надо считать Доказательством № 9 версии Сталина.

34. Но у подручных Геббельса в запасе есть еще одна комиссия — Техническая комиссия Польского Красного Креста (ПКК) из Варшавы, работавшая в Катыни вместе с немцами. Сложно сказать, сколько в ней было человек, только в книге Мадайчика упоминается девять фамилий. Но, видимо, у немцев и здесь были трудности с поиском людей «с антибольшевистскими либо антисемитскими убеждениями». Поэтому бригада Геббельса слово дает только двоим: доктору М. Водзиньскому, ассистенту университетского Института судебной медицины в Кракове и К. Скаржиньскому. Кроме этого, дали высказаться и одному работнику собственно ПКК — Яворовскому.

Итак, что же немецкие «ловкие» офицеры разрешили делать польским светилам судмедэкспертизы? В своем, непонятно как сохранившемся отчете 1943 года Скаржиньский по этому поводу рассказывает следующее.

Советские военнопленные, которых Скаржиньский называет «большевистскими», раскапывали могилы. Крестьяне, согнанные с окрестных деревень, извлекали трупы, складывали в ряды и обыскивали, извлекая все документы. Поляк стоял рядом, а за всеми наблюдал немецкий «ловкий» офицер. «Работа в Катыни проходила под постоянным контролем германских властей, которые установили пост при каждой группе работающих членов комиссии», — докладывает Скаржиньский. Ну, это понятно, а что же делали польские специалисты? Скаржиньский этого не скрывает: «Рабочие разрезали все карманы, извлекая содержимое, вручая все найденные документы члену ПКК. Как документы, так и найденные предметы вкладывались в конверты, носящие очередной номер, причем тот же номер, выбитый на металлической пластинке, прикреплялся к трупу... Члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать...».

Итак, в Катынском лесу поляки исполняли очень ответственную работу — складывали найденное в пакеты не глядя. Скаржиньский продолжает: «В бюро секретариата тайной полиции документы, доставленные военным мотоциклистом, вручали германским властям. Предварительное изучение документов и установление фамилий проводилось при участии трех немцев и представителей Технической комиссии ПКК. Документы, в том состоянии, в котором они находились при останках, тщательно деревянными палочками очищались от грязи, жира и гнили». Видимо, полякам даже разрешалось читать фамилии в паспортах, но не записывать их: «Установленные фамилии так же, как и содержимое конверта, записывал на отдельном листе бумаги немец на немецком языке под тем же номером». Но полякам читать разрешалось только в паспортах, так как «дневники, воинские приказы, некоторые письма и т. п. (то есть то, где могли быть даты позже весны 1940 года. — Ю. М.) забирались германскими властями для перевода на немецкий язык. Все ли они были возвращены и вложены в соответствующие конверты, комиссия утверждать не может». В бюро тайной полиции

немцы сочли, что такая работа, как вкладывание в новые конверты очищенных от грязи документов, уж слишком ответственна для поляков, поэтому «Эту операцию выполняли немцы... Они (конверты. — Ю. М.) оставались исключительно в распоряжении немецких властей».

Итак, посмотрим, что же немцы доверили делать полякам в Катыни? Прямо скажем, не очень много:

— не глядя вкладывать документы убитых в Катынском лесу в конверты;

— читать фамилии в паспортах;

— счищать грязь с документов деревянными лопаточками.

И вот, в результате этой многотрудной и интеллектуально напряженной работы, упомянутая часть польской Технической комиссии определила, что на останках погибших нет документов с датами после весны 1940 года и, следовательно, польские офицеры были убиты русскими. Да, есть чем гордиться Краковскому университету, его ассистент без тени юмора гордо заявляет, что немцы им препятствий не чинили. Именно так. «Деятельность группы проходила под наблюдением немцев, но она работала, как подтверждает Водзиньский, без ограничений», — информирует нас профессор Мадайчик. Тут не знаешь, что делать с этими ассистентами и профессорами — плакать или смеяться? В чем немцы «не ограничивали» группу — в очищении грязи деревянными палочками? А что — эти «специалисты» за этим в Катынь и ехали?

Полагаю, что то, как немцы «не ограничивали» работу Технической комиссии Польского Красного Креста, является Доказательством № 10 версии Сталина.

35. Мы еще не приступили к рассмотрению косвенных доказательств, но сделаем исключение, уместное здесь. Надо думать, что техническая комиссия ПКК не сплошь состояла из Водзиньских и Скаржиньских. Нам ведь не показывают отчет или протокол всей Технической комиссии, со всеми подписями, а только отчеты ее двух членов. А весь отчет, надо думать, был не в пользу немцев, так как Польский Красный Крест, к его чести, даже в оккупированной Варшаве доводы этих членов Технической комиссии не признал фактически. Он взял у комиссии списки убитых, но ее выводы отверг и в свидетельствах о смерти офицеров, которые он выдавал

родственникам, время смерти не было указано. Я должен это написать, а то уж больно мрачная картина у нас получается. Были в Польше и в то время честные и умные люди, не все они могли сделать, но что могли — делали.

36. Но продолжим рассмотрение действий бригады Геббельса. По данным подручных Сталина, немцы в марте 1943 года накануне привоза в Катинский лес многочисленных комиссий и экскурсий либо вырыли и обыскали часть трупов, либо завезли трупы из других мест расстрела и уже их обыскали, захоронив в новых могилах, а старые могилы не трогали.

Об этом масса показаний у комиссии Бурденко. Но четыре профессора, к сожалению, эту тему тоже затронули, не стали от нее уклоняться. Поэтому мы не сможем воспользоваться показаниями подручных Сталина.

Четыре профессора в своей «Экспертизе» уверяют, что этого не могло быть, поскольку технически невозможно и поскольку в отчетах уже упоминавшихся двух членов ПКК навязчиво пишется, что трупы были «спрессованы». Имеется в виду, что если бы трупы выкапывали и снова закапывали, то они бы не лежали так плотно.

Рассмотрим, возможно ли это технически. По данным подручных Сталина, из смоленского лагеря № 126 в начале марта 1943 года были взяты на работы в Катинском лесу 500 человек наиболее крепких военнопленных. Возьмем эту цифру в основу расчета. Предположим, что трупы лежали по 5 один над другим (Геббельс говорил, что по 9–12) и над ними 1 метр земли. Тогда для извлечения одного трупа нужно извлечь не более 0,2 куб. м грунта, песчаного, как пишут все свидетели. Если требовалось извлечь 5000 останков, то на 500 человек приходилось по 10 трупов весом около 700 кг и работа по отбрасыванию земли в объеме около 2 куб. м. Даже для немощных мужчин это не очень трудная работа на один день. Дней пять нужно было обыскать трупы, цель обыска ведь была проста — извлечь все документы с датами позже мая 1940 года. А потом еще день на закапывание останков и подготовку могил к раскрытию их комиссиями. Причем, забросав могилы землей на 30–50 см, можно было пустить в нее танк, чтобы он утрамбовал слой останков или утрамбовать ногами, заполнив могилу марширующими пленными, а потом уже досыпать земли. С точки зрения трудозатрат — это работа

на неделю без сильного напряжения. Другое дело, что трудности могли быть с точки зрения организации труда — могло не хватать фронта работ для всех 500 человек. Но если трупы свозились с других мест, то эта работа сильно упрощалась. По логике, немцы должны были бы первым делом начать расстреливать тот лагерь, что расположен был в более глухом месте, не у самого Смоленска. И там наиболее вероятно нахождение личных документов у пленных. Потом наверняка немцы спохватились, что нельзя хоронить столь важные оперативные материалы. Но как бы то ни было, времени на любой вариант операции по выкапыванию, обыску и закапыванию останков хватало с лихвой, даже если начать эту работу только в апреле.

Автор привел этот эпизод, чтобы доказать, что сама эта операция с точки зрения техники и организации работ элементарна.

37. Что у бригады Геббельса может подтвердить, что немцы готовили захоронения и останки к показу?

Международную комиссию немцы привезли в Катынь 28 апреля, правда, Скаржинский в своем отчете пишет, что Техническая комиссия ПМК в количестве трех человек приступила к работе 17 апреля. К работе комиссий могилы были нетронуты и закрыты, трупов на поверхности земли не было. Так нам пытаются внушить бригада Геббельса.

А вот что пишет уже известный нам свидетель бригады Геббельса, бургомистр Смоленска Меньшагин: «17 апреля в конце рабочего дня ко мне пришел офицер немецкой пропаганды — зондерфюрер Шулле — и предложил поехать на следующий день, значит 18 апреля, на могилы на эти, чтобы лично убедиться, увидеть расстрелянных...

...Ну, когда доехали по Витебскому шоссе до столба с отметкой „15-й километр“, свернули налево. Сразу ударил в нос трупный запах, хотя ехали мы по роще сосновой, и запах там всегда хороший, воздух чистый бывал. Немножко проехали и увидели эти могилы. В них русские военнопленные выгребали последние остатки вещей, которые остались. А по краям лежали трупы. Все были одеты в серые польские мундиры, в шапочки-конфедератки. У всех были руки завязаны за спиной. И все имели дырки в районе затылка. Были убиты выстрелами, одиночными выстрелами в затылок.

Отдельно лежали трупы двух генералов. Один Сморовинский из Люблина и второй Богатеревич из Модлина, около них лежали их

документы. Около трупов были разложены их письма. На письмах адрес был: Смоленская область, Козельск, почтовый ящик — ох, не то 12, не то 16, я сейчас забыл уже. Но на конвертах на всех был штемпель: Москва, Главный почтамт. Ну, число трупов было так около пяти — пяти с половиной тысяч».

Автор не знает, в каком году Меньшагин давал эти показания — Ю. Зоря говорит об этом туманно — после освобождения. Но посмотрите на память этого человека! Помнит даты, помнит фамилии генералов и откуда они, помнит штемпели на конвертах! Но главное — помнит, что 18 апреля 1943 года все могилы были пустые, а возле них лежало 5–5,5 тысяч трупов и возле них документы и письма!

Не находит читатель, что уместен вопрос к нынешним подручным Геббельса «так раскапывали ваши предшественники могилы поляков до показа их комиссиям, сортировали документы или вы по-прежнему будете уверять весь мир в честности гитлеровских подонков?»

Показание Меньшагина — это Доказательство № 11 версии Сталина.

38. Но в данном случае показание Меньшагина — это не единственное доказательство махинаций немцев с трупами и прикрытия этих махинаций «польской стороной» бригады Геббельса.

Сколько человек похоронено под Катыню? Немцы настаивали на 12 тысячах, комиссия Бурденко с этим была согласна, чехословацкий член международной комиссии Г. Гаек оценивал захоронение в 8 тысяч. И лишь «польская сторона» упорно говорит о примерно 4,3–4,5 тысячах. Зачем это ей надо, понятно — в этом случае компрометируются данные комиссии Бурденко: дескать, она неизвестно откуда привезла под Катынь польские трупы. «Польская сторона» настойчиво утверждает, что Техническая комиссия ПКК, разрыв семь и остановившись на восьмой могиле, больше могил не видела. Но это когда речь идет о поляках. Но в Катыни речь идет не только о поляках, но и о русских. И вот здесь могилы, не тронутые ПКК, резко растут числом. «Это зондирование обнаружило ряд массовых захоронений русских...» — пишет Скаржинский. То есть могилы были, и их было много, но их не раскапывали, а только зондировали.

Кстати, из области черного юмора «польской стороны». Упомянутый судмедэксперт Водзинский о времени смерти польских

офицеров в своем отчете сказать ничего не может: «Точное установление времени пребывания трупов в земле только на основании степени гнилостного распада было невозможно». Невозможно, и все тут, бессильна польская наука в экспертизе польских трупов. Но как только речь заходит о трупах советских людей, то тут проблем нет: «На основе гнилостного распада трупов в отдельных могилах с русскими время пребывания их в земле следовало определить в границах от пяти до пятнадцати лет», — без тени смущения вещал в 1947 году в Лондоне ассистент Краковского университета.

В любом случае бригада Геббельса тоже подтверждает, что могил было очень много — больше, чем немцы позволили вскрыть. Но были ли там трупы только русских, как твердит «польская сторона»? Ведь она нас уже убедила, что немцы пригласили поляков в Катынь для того, чтобы грязь с документов палочками соскребать, и показывали им только то, что хотели показать, да и что тут недоговаривать — только то, что скаржинские и водзинские хотели увидеть.

Число останков, эксгумированных в присутствии поляков (4151), практически совпадает с тем числом вынутых немцами для обыска на поверхность трупов, что видел Меньшагин (5–5,5 тысяч). Немцы не дали полякам раскапывать могилы, которые они не проверили на вещи, которые «не соответствовали», как инструктировал Геббельс, их «линии».

Ну и как бригада Геббельса объясняет, почему в начале июня 1943 года немцы прекратили раскопки, хотя им очень хотелось показать, что под Катынью лежит 12 тысяч поляков? Первая версия: они боялись эпидемий! Это звучит издевательски, так как непосредственно с трупами работали советские военнопленные и смоленские крестьяне. Понимая, что это малоубедительно, подручные Геббельса дают и другую версию прекращения эксгумации: «Причины этого были различными — жара, затопление ям водой, угроза эпидемии, опасение, что из-за близости фронта начнется советское наступление, недовольство немцев в связи с тем, что не подтвердились цифры 12 тысяч жертв, упоминавшихся в официальном немецком сообщении», — пишет Мадайчик. Смотрите, какая замечательная логика: немцы недовольны, что поляки хотят записать только ту цифру останков, что они видели, и поэтому не

дают им выкапывать остальных, чтобы свою цифру подтвердить! Но вы видите еще один мотив — наступление русских. А Парсаданова пугает немцев еще больше: «...Немцы опасались советского наступления, ведь фронт уже проходил в 30–40 км от Смоленска».

Но реальные немцы были менее пугливые, чем их хотят показать. В начале лета 1943 года у них и в мыслях не было отступить где-либо на советском фронте. Они собирались нанести удар под Курском, разгромить советские войска, нанеся им невосполнимый урон, и если и не взять Москву, то, по крайней мере, принудить СССР к прекращению военных действий. Свое летнее наступление они начали только через месяц после того, как выгнали поляков из Катынского леса. После этого советские войска перемалывали немецкие на своей глубоко эшелонированной и укрепленной обороне. И только выбив под Курском у немцев людей, танки и самолеты, советские войска перешли в наступление.

В районе Смоленска советский фронт в самом близком северо-восточном направлении находился в 70 км, на остальных направлениях в 100–150 км. В этом месте у немцев проходил Восточный вал, его оборонительные полосы были в основном по берегам текущих в меридиальном направлении рек: Хмости, Десны, Каспли, Сожа. На северо-востоке между Смоленском и фронтом в тылу немцев шли три таких заранее подготовленных оборонительных полосы.

В результате здесь советские войска наступали очень медленно, начав наступление 7 августа, они сначала провели три наступательные операции (Спас-Деминскую, Духовщинско-Демидовскую и Смоленско-Рославльскую) прежде, чем освободили Смоленск 25 сентября.

И потом, что за ценность для Германии представляли члены Польского Красного Креста, чтобы за них бояться?

Так что в начале июня немцам не из чего было беспокоиться, и нет другого разумного объяснения прекращения ими раскопок, кроме нежелания немцев начать раскопки тех могил, где они не подготовили останки к осмотру. Такое их поведение — это Доказательство № 12 версии Сталина.

39. Доказательством того, что немцы специально готовили останки убитых польских офицеров к осмотру и изымали у них все

документы с датами после мая 1940 года служит следующий факт. И Скаржинский, и Водзинский дружно перечисляют, какие именно документы они находили на трупах. Наиболее подробен в этом Водзинский: свидетельства о прививках против тифа из Козельского лагеря, паспорта, сберегательные книжки, дневники, записки, письма, полученные в Козельске или не отправленные из Козельска, алюминиевые знаки, удостоверяющие личность, визитные карточки, рисунки и фотографии. Во всех этих документах не фигурируют маленькие клочки бумаги с названием «квитанция». Действительно, пленным могли запретить писать, но они работали, у них были денежные доходы и ответственность, они могли брать и сдавать ценные инструменты, к примеру, теодолиты, они сдавали обувь и одежду в ремонт, собственные ценные вещи в камеры хранения. И делали это как в Козельском лагере, так и в лагере под Смоленском. У них должны были быть различные квитанции. И если в этих квитанциях могло не быть фамилии или названия лагеря, то дата должна быть обязательно. Они маленькие, им легко затеряться, их трудно было искать в карманах и бумажниках убитых. Но они должны были быть. Ведь не даром комиссия Бурденко, осмотрев первую сотню останков, сразу нашла их 5 штук. А комиссия ПКК, обыскав 4151 труп, не нашла ни одной квитанции? Справки о прививках, по размеру такие же, как и квитанции, были, а квитанций нет? А куда они делись?

Мы не будем считать это доказательством версии Сталина, поскольку это дополнительно доказывает, причем любимым бригадой Геббельса способом, только то, что трупы поляков немцами к осмотру готовились.

Полагаю, что нам надо прекратить писать о трупах и трупах, а то уж и автору от них не по себе. Давайте снимем резиновые перчатки, помоем руки, сядем за стол и займемся документальными уликами.

40. Бригада Геббельса так или иначе упоминает, что в Технической комиссии людей было много. Эти люди могли иметь свое мнение и это мнение занести в протокол при его подписании. Нам желательно взглянуть на подлинник этого протокола.

Нельзя!

Оказывается, все документы Технической комиссии ПКК сгорели во время Варшавского восстания 1944 года. Надо же, как нам не

повезло! Но война есть война, приходится бригаде Геббельса поверить на слово.

41. Тогда давайте посмотрим те документы, что были собраны в Катынском лесу. Может быть, там из дневников страницы вырваны так, что они заканчиваются на весне 1940 года, может, записи сделаны чужой рукой, может где за подкладкой бумажника квитанция затерялась.

Нельзя!

Эти документы по приказу из Берлина были сожжены немцами накануне капитуляции Германии. Немцы сожгли улики своей невинности в Катынском деле?! Мадайчик пишет об этом совершенно спокойно, вроде это так и принято. Я же думаю, что нам такое поведение немцев нужно совершенно спокойно записать как Доказательство № 13 версии Сталина.

42. Член ПКК Яворовский, по утверждению Мадайчика, взял из Катынского леса гильзы советского производства и другие «мелочи». Они нам интересны. Желательно взглянуть. Дело в том, что на доньшке советских патронов выбивается номер завода и год изготовления. Патроны имеют срок хранения, поэтому новые патроны в мирное время всегда завозятся на склады, а в расход со складов выдаются патроны, уже имеющие длительный срок хранения. Поэтому, если на гильзах, подобранных Яворовским, стоит год выпуска 39 или 40, значит, это патроны, которые немцы захватили на наших складах в Белоруссии, если нет, то тогда это улика. Нам на них надо обязательно взглянуть.

Нельзя!

Яворовский все это уничтожил в 1948 году. М...да! Интересно получается.

43. Ладно. У нас есть еще человек, который руководил всем этим, — немецкий врач Бутц. Наверняка он написал мемуары или воспоминания, или, может быть, его допросили союзники. Все-таки главное лицо в таком громком деле. Интересно прочитать, что он пишет.

Нельзя!

Почему? Бригада Геббельса застенчиво мнетя, а Ромуальд Святёк нетактично брякает: потому, что он был убит немцами.

Нам остается только руками развести! Ну и сыщики нам подобрались в бригаде Геббельса. Похоже, они не ищут улики, а только уничтожают их.

44. Немцы взяли Смоленск в 1941 году так быстро, что УНКВД Смоленска не только не смогло вывезти свои архивы, но не успело их даже сжечь. Эти архивы достались немцам, об этом было известно, и, пользуясь этим, немцы сфабриковали ряд фальшивок настолько низкопробных, что даже «польская сторона» от них открестилась.

А между тем, повторим, расстрелял ли НКВД поляков, или они были в лагерях, но в этих архивах должна быть масса документов о военнопленных офицерах.

Нам просто необходимо на них взглянуть.

Нельзя!

У немцев архив смоленского УНКВД захватили американцы, и вот уже 50 лет этот архив в США и доступен бригаде Геббельса. В начале 50-х Конгресс США два года разбирал Катынское дело в пользу бригады Геббельса, 50 лет — это дело чуть ли не главный козырь антисоветской пропаганды, а из этого архива не появился ни один документ, и бригада Геббельса о нем никогда и не вспоминала.

Короче, бригада Геббельса в Катынском деле сделала все, чтобы «бросить концы в воду». Думается, что будет не лишним такое поведение считать Доказательством № 14 правоты версии Сталина.

На этом описание поведения подозреваемых в Катынском деле мы заканчиваем, мы и так уже взяли за поведение следственных бригад, а оно чем дальше, тем будет становиться круче. Его лучше смотреть во времени.

К каким мы должны прийти выводам? В действиях советского правительства есть ряд подозрительных моментов, которые при определенных обстоятельствах можно считать доказательствами того, что польских офицеров расстрелял НКВД. Но надежными эти доказательства считать нельзя: у них есть и другое, не связанное с расстрелом объяснение.

В отличие от СССР, действия нацистской Германии настолько определены, суэта ее в этом вопросе очевидна и настолько связана с собственно убийством поляков, что нет сомнений: поведение немцев в Катынском деле — это действительно доказательство убийства.

Сейчас мы начнем рассматривать косвенные доказательства, группируя их для удобства.

Нюрнбергская подлость

Чем больше проходит времени, тем больше событий, важных мелочей и фактов стирается в памяти. И тем более важными становятся оценки тех людей, кто первым брался сравнивать доказательства в Катынском деле и выносить первые суждения.

Первым таким судом был суд Польского Красного Креста в Варшаве. Мы понимаем, что работа этих людей, находившихся под постоянной угрозой отправки в Освенцим, была не простой, и смалодушничай они в этот момент, мы бы их, наверное, поняли. К ним стекались сведения не только от скаржиньских и водзиньских. Председатели Технической комиссии менялись, мы видим в отчете Скаржиньского такую запись:

«Поскольку председатель Технической г-н Хутон Кассур после отъезда 12.05.1943 года не смог возвратиться в Катынь, функции председателя Технической комиссии ПКК после окончания работ исполнял г-н Ежи Водзиновский».

Вообще, с польской стороны, из оккупированной Варшавы людей в Катынском лесу побывало много и для ПКК они все были и экспертами, и свидетелями.

В угоду немцам и для собственной безопасности ПКК мог принять версию Геббельса и в своем приговоре — свидетельствах о смерти, выдаваемых родственникам, — поставить дату смерти «весна 1940 года». Но, к чести этих людей, они имели мужество сопротивляться и вместо даты смерти ставили прочерк.

Этого не скажешь о членах Нюрнбергского Трибунала, эти не сопротивлялись своим правительствам, хотя им и близко не грозила та расправа, что могла грозить ПКК.

45. Приговор Нюрнбергского Трибунала следственная бригада Геббельса считает своим очень важным косвенным доказательством. В этой бригаде специалистом по Трибуналу является советский кандидат военных наук Ю. Зоря. Дадим ему слово.

«...Подробное обвинение по его пункту о Катынском деле предъявил заместитель Главного обвинителя от СССР Ю. В. Покровский 13–14 февраля 1946 года. Его выступление содержало

изложение материалов комиссии Н. Н. Бурденко. Заключение комиссии предьявлялось как документ обвинения, который, как официальный документ, согласно ст.21 Устава Международного Военного Трибунала не требовал дополнительных доказательств. Именно на эту статью делалась ставка при включении пункта о Катыни в обвинительное заключение.

Однако защита, несмотря на протест Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко, добилась согласия Трибунала на вызов дополнительных свидетелей — немцев.

Это обстоятельство весьма обеспокоило советское руководство, поскольку оно не предусматривало дискуссий по Катынскому делу».

Прочтя эти строки, читатель наверняка представляет себе такую ситуацию: сидят Сталин, Берия и Ю. Зоря и обсуждают вопрос о Катыни:

— Слушай, Лаврентий, — говорит Сталин, — а ведь нам не стоит соваться с Катынским делом на Нюрнбергский процесс, а то там вскроется, что это мы убили поляков.

— Ничего, товарищ Сталин, — успокаивает его Берия, — там у нас есть юридическая зацепка в виде 21-ой статьи в Уставе Трибунала. Она запрещает требовать доказательства, если мы представим свой официальный документ. На эту статью и сделаем ставку.

Разумеется, что кандидат военных наук Ю. Зоря весь этот разговор записывал, иначе откуда у него такая наглая уверенность, что «именно на эту статью делалась ставка» советским правительством?

Давайте рассмотрим, в связи с чем в Уставе Международного Военного Трибунала появилась эта статья.

Преступления нацистской Германии были огромны, десятки стран и миллионы людей предьявляли ей обвинения в убийстве отдельных людей, слоев населения в единичных случаях и в концентрационных лагерях, в тюрьмах и путем сожжения и расстрела целых населенных пунктов. Чтобы рассмотреть все эти эпизоды, Трибуналу понадобились бы столетия, прежде чем он вынес бы приговор.

Во-вторых, руководители нацистской Германии, сидевшие на скамье подсудимых, лично не сделали ни одного выстрела и не одели петлю на шею ни одного человека. Они обвинялись в том, что это их политика привела к этим преступлениям. Обвинители должны были доказать связь между решениями по политическим вопросам

руководства Германии и геноцидом. В случае с убийством польских граждан обвинители должны были доказать, что геноцид против поляков был официальной политикой и подсудимые Геринг, Гесс, Иодль и прочие о ней знали и ее одобряли.

Поэтому страны-союзники, создав Международный Военный Трибунал и договорившись, что они проведут суд быстро и сурово, не нашли другого способа вести судебный процесс, как отказаться от доказывания самого факта совершения того или иного преступления.

Если, к примеру, в суд поступал акт от какого-то американского бригадного генерала о том, что в таком-то лагере военнопленных было убито 50 английских летчиков, и обвинитель США предъявлял этот документ как официальный, то уже не требовалось доказывать, что эти летчики были убиты, а не умерли от гриппа, что они были убиты немцами, а не погибли от бомбежек или в пьяной драке.

Суд не имел права рассматривать сам факт убийства, разбирать, кто виноват, для него важно было, что руководители Германии допустили и хотели этого.

Такое положение статьи № 21 не означало, что союзники собираются простить кого-либо. В странах, чьи граждане были убиты, создавались свои трибуналы, прокуратура разыскивала конкретных убийц, их выдачи требовали у Германии или у тех стран, где они скрылись, их судили и, если они были виноваты, наказывали.

Это была еще причина, по которой Трибунал не мог требовать доказательств по официальным документам об убийствах. В спешке он мог оправдать убийцу, и тогда уже национальный суд не смог бы привлечь его к ответственности.

И, повторяем, судили тех, кто сам лично преступлений не совершал, поэтому разбор конкретного преступления к ним не имел отношения.

Любой суд руководствуется законом, если это не так, то это уже не суд. Устав был законом для Международного Трибунала. Он обязан был соблюдать его, как бы ни давили на него правительства западных стран. А они давили. Требование Трибунала доказательств по Катыни от СССР было недружественным и подлым актом и по отношению к своему союзнику — СССР, и по отношению к Польше. Взявшись рассмотреть это дело в подробностях, Трибунал не давал самой Польше это сделать.

Ладно, допустим, что во имя справедливости Трибунал нарушил Устав, но тогда он обязан был действительно провести судебное следствие по этому делу, найти конкретных виновных и вынести им приговор. Иначе как он мог решить, виновато ли правительство Германии в этом деле или нет, если не осудил, или не оправдал конкретных исполнителей по нему, или хотя бы не объявил их розыск, или не осудил заочно, как Бормана?

Но Трибунал ничего этого не сделал, он просто исключил эпизод с Катынью из числа преступлений нацистской Германии. А поскольку обвиняемых в Катынском деле двое, то этим своим решением он объявил виновным в этом преступлении Советский Союз, то есть сделал то же, что и Польский Красный Крест, но только наоборот.

Но Польский Красный Крест, прежде чем обвинить немцев, заслушал сотни показаний всех тех, кто был в Катыни и кто знал хоть что-то о ней.

А что заслушал Нюрнбергский Трибунал? Что его заставило принять решение в пользу немцев?

46. Немного коснемся предыстории. Когда наши войска освободили Смоленск, они, естественно, попытались узнать, кто именно расстрелял поляков — какая воинская часть, какое подразделение. Немцы, естественно, никаких сведений об этом не оставили. Знающих пленных тоже не было. Оставалось опрашивать местных жителей о событиях более чем двухлетней давности. А из этих местных жителей главными свидетелями, теми, кто непосредственно видел убийц, были одна молодая женщина и две девушки. Трудно было от них требовать, чтобы они могли понимать разницу между воинскими званиями, полком и батальоном, саперами и артиллерией. Из их показаний у следователей сложилось первое впечатление, что расстрелом поляков занималась какая-то строительная часть с № 537. Списка немецких частей на тот момент Советский Союз еще не имел.

Но что, безусловно, заслуживало внимание? Эти свидетели работали на кухне в доме отдыха НКВД, обслуживая немецкую айнзацкоманду, расстреливавшую поляков. Они дали численность ее — 30 человек под командой трех офицеров. Они рассказали о совершенно ненормальном режиме ее жизни — спали до 12 часов, после своей работы в лесу смывали в бане кровь с мундиров, им часто

выдавалась водка и т. д. Но главное, женщины достаточно четко запомнили фамилии офицеров, их звания и даже должности: обер-лейтенант Арнее — командир, обер-лейтенант Рекст — его адъютант, лейтенант Хотт. Тут были неточности в русском звуковом восприятии фамилии *Арнее* — *Арене*, в созвучном *обер-лейтенант* (старший лейтенант) и *оберст-лейтенант* (полковник-лейтенант — подполковник). Но три фамилии офицеров в сочетании с номером части плюс правильная должность «адъютант» исключают какую-либо случайность или совпадение. То есть если найти в немецкой армии часть с № 537 и окажется, что в ней служили три офицера с этими фамилиями и их звания были созвучны *обер-лейтенант*, *лейтенант*, да плюс один из них имел должность адъютанта, то это значит, что эти люди — основные подозреваемые в убийстве польских офицеров, они должны быть арестованы, опознаны свидетелями и дать объяснения, чем они занимались осенью 1941 года на даче НКВД под Смоленском.

А что же сделал Трибунал? Смышленный Ю. Зоря, несомненно, понимает все, что написано выше, поэтому, защищая непосредственных убийц от возмездия, он комкает в своем описании эту часть процесса:

«Оказалось малоубедительным для Трибунала и другое положение, на котором основывалось советское обвинение. Его начисто опроверг допрошенный в качестве свидетеля полковник вермахта Арнст (правильно — Арене), командир „части 537“, тот самый, который, согласно советской версии, руководил карательным отрядом, расстреливавшим польских военнопленных. Арнст доказал, что летом 1941 года он вообще не командовал 537-й частью, которая на самом деле была полком связи при командовании группой армий „Центр“.

Кроме этого, в распоряжении защиты были и другие заверенные надлежащим образом показания еще нескольких свидетелей, полностью подтверждавших показания Арнста».

По этому эпизоду у Зори все.

Честно работая на Геббельса, Ю. Зоря пытается запутать вопрос и предельно его сократить, понимая всю дикость решения Трибунала. Зоря рассчитывает на придурков в такой степени, что они даже не догадаются задать себе такой вопрос: «А почему, если Арене не был

командиром полка и служил в полку связи, то он не мог расстреливать поляков? Что ему могло помешать это сделать?»

Четыре профессора в своей «Экспертизе» более говорливы:

«...Установлено, что оберст-лейтенант Фридрих Арене (а не Арнее, как в Сообщении) командовал 537-м полком связи и оказался на Смоленщине только в ноябре 1941 года. Обер-лейтенант Реке был адъютантом полка, а лейтенант Хотт — одним из командиров. Дававший показания в качестве свидетеля обер-лейтенант Рейнхарт фон Айхборн, эксперт по телефонной связи в полку 537, штаб которого находился в Козьих Горах в Катыни, как и сам оберст-лейтенант Арене, разъяснили, что в Козьих Горах не было полка саперов (рабочего). Не доказано, что они знали о расстреле „пленных“ — польских офицеров. 537-й полк связи находился в подчинении генерала Е. Оберхойзера, который также давал показания в Нюрнберге. Он командовал связью в группе армий „Центр“, прибыл в Катынь в сентябре 1941 года. Тогда во главе полка стоял оберст-лейтенант Беденк, пока в ноябре 1941 года его не заменил оберст-лейтенант Арене».

Обратите внимание на логику бригады Геббельса. Убийца, уличенный свидетелями, нагло объявляет, что он не убийца, и четыре польских профессора на этом основании хором заявляют, что «не доказано, что они знали о расстреле». Спросим себя: разве по поведению этих профессоров видно, что они хотят узнать, кто убийца?

К массовым убийствам пленных, евреев и славянского населения немцы приступили только с началом войны с Советским Союзом. Вот здесь им и понадобились айнзацкоманды — люди, которые бы согласились заняться массовым убийством.

В самих боевых частях вермахта, среди боевых офицеров и генералов эта работа не встречала энтузиазма. На Нюрнбергском процессе даже приводились протесты адмирала Канариса — главы разведки вермахта — о недопустимости в армии таких явлений. И в боевых частях были не ангелы — они могли без сожаления расстрелять обременяющих их пленных, повесить партизана или диверсанта и даже поиздеваться над ними, как они сделали это с Зоей Космодемьянской. Но стать профессиональным палачом фронтовикам

не улыбалось. Им и так было где заслужить и погоны, и Железный Крест с дубовыми листьями к нему. Другое дело тыловики.

Полк связи, его штаб, обязан был всегда находиться при штабе группы армий, то есть не ближе чем в 100 км от линии фронта. В полку связи много орденов не выслужишь, не сильно отличишься. То есть полк связи — это такая часть, где найти добровольцев на палаческую работу гораздо легче, чем на фронте. Джон Толанд, исследуя нацизм в уже цитируемой мною раньше книге, писал: «Для осуществления массовых убийств Гейдрих и Гиммлер лично подбирали офицеров. В их число попадали протестантский священник и врач, оперный певец и юрист. Трудно было предположить, что они годятся для такой работы».

Так ли уж трудно предположить, что, вербуя убийц в церкви и оперном театре, люди Гейдриха не обошли вниманием и тыловой полк связи, где офицеры сгорали от честолюбия и отсутствия наград?

Если бы Трибунал действительно хотел истины, то он немедленно арестовал бы этих свидетелей и поручил бы следователям немедленно выяснить и документально подтвердить:

Правдиво ли утверждение Оберхойзера, что штаб группы армий «Центр», состоявший из тысяч офицеров и солдат, в сентябре 1941 года разместился в крохотном поселке Катынь?

Где конкретно в это время размещался штаб 537-го полка связи?

Не были ли в это время откомандированы из полка на выполнение «спецзадания» офицеры Арене, Реке и Хотт, или не были ли они освобождены от исполнения своих обязанностей?

Действительно ли Арене был назначен командиром полка в ноябре 1941 года?

Эти действия обязан был произвести Трибунал, раз уж он затеял судебное следствие. Но он этого не сделал и попросту покрыл непосредственных убийц.

Но дело даже не в этом. Мы прочли то, что написала бригада Геббельса о тех свидетелях, кто якобы доказал Трибуналу, что поляков убили русские. Но где конкретно в их показаниях эти свидетельства? Здесь есть только свидетельства, что убийцы служили не в 537-м строительном, а в 537-м полку связи. Как это доказывает невиновность немцев и вину НКВД? Может, кандидат военных наук Ю. Зоря, большой специалист по Нюрнбергскому процессу, это как-то

объяснить? Вкупе с четырьмя польскими профессорами? Желательно, чтобы они при этом своих читателей считали хотя бы просто дураками, а не круглыми идиотами.

Это и были все «свидетели защиты», объявившиеся на процессе. Обвинение же представило трех свидетелей.

47. Первым был судмедэксперт профессор Прозоровский, участвовавший в комиссии Бурденко. На основании своих профессиональных выводов он сделал суду сообщение, почему он считает, что поляки были убиты в 1941 году, то есть — немцами. Тут бригаду Геббельса клинит, она ничего не способна возразить Прозоровскому и вынуждена просто об этих показаниях ничего не сообщать, будто их и не было.

48. Вторым был болгарский судмедэксперт доктор Марков, подтвердивший заключение советского судмедэксперта с позиций «международной комиссии» 1943 года. Этого геббельсовские подручные пытаются оболгать и скомпрометировать, но мы уже об этом написали.

49. Третьим был заместитель бургомистра Смоленска Меньшагина профессор астрономии Базилевский. Он подтвердил, что поляки были убиты немцами в 1941 году. Подтвердил со слов Меньшагина, и, разумеется, было бы лучше, если бы сам Меньшагин это сказал, но он в страхе за свою шею ото всего отказывался и его на процесс не взяли, хотя советские власти, без сомнения, могли заставить его говорить. Предатель есть предатель, за обещание жизни или сокращение тюремного срока он бы показал что угодно.

«Польская сторона» скомпрометировать показания Базилевского не способна — бригада Геббельса это доверила в конце 90-х годов Ю. Зоре. Он это делает так. Он дает показания своего правдивого и надежного свидетеля — Меньшагина: «...допрашивался мой заместитель — как начальника города Смоленска — профессор астрономии Смоленского пединститута Борис Васильевич Базилевский. И этот Базилевский сказал, что об убийстве поляков он узнал от меня, что в 1941 году он узнал, что в плен попал и находится в немецком лагере его знакомый Кожуховский». Здесь Ю. Зоря делает сноску: «В показаниях Базилевского называется фамилия Жиглинского». Запомним это. Меньшагин продолжает: «Он просил меня, не могу ли я похлопотать об его освобождении. Я, дескать,

охотно согласился на это, написал ходатайство и сам понес в комендатуру. Вернувшись из комендатуры, я сказал: „Ничего не выйдет, потому что в комендатуре мне объявили, что все поляки будут расстреляны“.

Через несколько дней, придя оттуда, я снова ему сказал: „Уже расстреляны“. Вот те данные, которыми располагал Базилевский.

Эти сведения, сообщенные Базилевским, совершенно не соответствуют действительности. Случай его ходатайства за Кожуховского действительно имел место в августе 1941 года. И я возбуждал ходатайство об его освобождении, и через дня три-четыре после этого ходатайства Кожуховский лично явился освобожденный и находился в Смоленске после этого, имея свою пекарню все время немецкой оккупации города, а впоследствии я его видел в Минске в 44-м году, где он точно так же имел кондитерскую. Кожуховского этого я лично знал, так как он проходил свидетелем по делу хлебозавода № 2, разбиравшемуся Смоленским областным судом в марте 1939 года. Он проходил свидетелем по этому делу».

(Мы уже имели возможность восхищаться памятью этого свидетеля, она действительно изумительна, он помнит все: даже в каком месяце в 1939 году суд рассматривал дело хлебозавода № 2.)

Какое впечатление у нас должно остаться от этого текста, который нам дает Ю. Зоря? Что на Нюрнбергском процессе запуганный НКВД Базилевский врал что угодно, не сообразуясь ни с чем, даже фамилию освобожденного правильно не запомнил и не запомнил, что его освободили, — в общем, НКВД его очень плохо подготовило как свидетеля, поэтому Трибунал ему не поверил. Был бы Зоря не в бригаде Геббельса, то он, конечно, дал бы слово и Базилевскому, а поскольку мы не в этой бригаде, то нам ничего не мешает это сделать. Описав, что из себя представлял лагерь для советских военнопленных № 126 в Смоленске, Базилевский пишет: «В числе находившихся в лагере и близких к гибели был и хорошо мне известный смоленский педагог (заведующий учебной частью 3-й смоленской школы) Георгий Дмитриевич Жиглинский».

Базилевский дальше рассказал, что просил Меньшагина походатайствовать не только за Жиглинского, но и за улучшение содержания всех военнопленных. Когда Меньшагин вернулся от коменданта фон Швеца, то сообщил Базилевскому, что из-за просьбы

за всех военнопленных комендант не отпустил и Жиглинского, так как «...получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жестокий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе.

Я невольно возразил: „Что же может быть жестче существующего в лагере режима?“

Меньшагин странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: „Может быть! Русские по крайней мере сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить“. „Как так, как это понимать?“ — воскликнул я.

— Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина, — ответил Меньшагин и тут же попросил меня „ради всего святого никому об этом не говорить“» — так показал в Нюрнберге профессор Базилевский.

И вы видите, что Зоря имел резон не публиковать эти показания, так как сразу видна брехня Меньшагина. Ему нельзя признаться, что он был в такой доверии у фон Швеца, что тот делился с ним самыми тайными вещами, он хочет предстать в роли эдакого, спасающего русских бургомистра, которого немцы в свои преступные дела не вмешивали. А Зоря, чтобы помочь Меньшагину, подгоняет один текст к другому тем, что соединяет фамилии Жиглинского и Кожуховского воедино — дескать, Базилевский из ума выжил и ничего не помнит. Теперь ему надо попробовать еще соединить профессии пекаря с учителем, чтобы фальшивка была достовернее, и постараться сделать так, чтобы никто не знал, что в еженедельнике Меньшагина за август 1941 года под № 13 стоит запись: «Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз(ьих) Гор(ах) (Умнову)».

Но ведь судьи Международного Трибунала никаких показаний Меньшагина не знали, перед ними выступили три свидетеля обвинения и убедительно показали, что поляков в 1941 году расстреляли немцы, и были у Трибунала предполагаемые убийцы, которые «доказали» то, что не имело никакого значения: они служили не в 537-м строительном, а в 537-м полку связи.

Трибунал не привлек ни других экспертов, ни документов, ничего. У него было только это. Какие же у него были основания решать дело в пользу немцев? Какие были основания, начав, не продолжать расследования?

Мадайчик этого не скрывает от нас (в отличие от Зори): в 1952 году американский член Трибунала Роберт Х. Джексон признался, что он получил соответствующее указание от своего правительства. Того самого, надо думать, президента Трумэна, который в 1943 году, будучи сенатором, учил, что если будут побеждать немцы, то надо помогать русским, а если русские, то — немцам.

Ну вот вам и пресловутый американский суд, который «в правовой стране служит только закону». Но обещаю читателям: дальше в своем расследовании мы еще и не такое увидим.

50. Бригада Геббельса косвенным доказательством считает и то, что советский обвинитель в Нюрнберге не выступил с протестом против того, что Катынское дело не включено в доказанные преступления. Но наш обвинитель мог бы протестовать только в том случае, если бы из-за Катынского дела суд не назначил обвиняемым то наказание, что он просил, а суд это наказание назначил: все, кто хоть как-то мог отвечать за убийство польских офицеров, были повешены — куда уж больше? Зачем было протестовать советскому обвинителю, если руководители стран-союзников и не поручали Международному Трибуналу Катынское дело?

Полагаю, читатели согласятся, что то, как вели себя западные судьи на Нюрнбергском процессе, — это не косвенное доказательство версии Геббельса, а прямое доказательство подлости Запада по отношению к СССР. И только.

Косвенные доказательства

До момента, пока команда Геббельса не пополнилась советскими членами, с доказательствами, даже косвенными, было крайне туго. Их, по сути, два.

51. Первым является факт прекращения переписки. Нам теперь понятно, что после суда на Особом совещании при НКВД переписки и не должно было быть. Тем, кто на Особом совещании был осужден, переписка была запрещена. Но все же запишем это как условное Доказательство № 4 версии Геббельса, а то уж очень должно быть обидно для его бригады: мы рассматриваем улики, собранные только ею, а доказательств, даже условных, нет.

52. Второе доказательство — это отсутствие документов на трупах с записями позже весны 1940 года. Мы понимаем, что после того, как немцы предварительно обыскали те трупы, что они давали осматривать польской и Международной комиссии, этих документов и не должно было быть.

Кроме того, у бригады Геббельса нет и тех документов, что найдены на трупах, ведь их сожгли немцы перед капитуляцией.

Тут «польская сторона» поясняет, что она очень хотела украсть эти документы у немцев, но не удалось. Удалось только тайно переписать в четырех экземплярах два десятка из них. Эти объяснения для детского садика уже надоедают, скажите прямо, что у подручных Геббельса есть в распоряжении копии только тех документов, что «ловкие» немецкие офицеры им дали для переписывания в целях, определенных господином министром доктором Геббельсом.

Все же из жалости к бойцам нацистского идеологического фронта и этот эпизод запишем как условное Доказательство № 5 версии Геббельса.

Однако бригада Геббельса чрезвычайно говорлива, как и должно быть, — отсутствие фактов она пытается заменить «многозначительными» наблюдениями и замечаниями. В силу свойств своего интеллекта ее члены редко понимают, о чем они пишут. Поэтому они попутно дают столько доказательств версий

Сталина, что их и искать не приходится, они прямо бросаются в глаза любому, кто читает опусы бригады Геббельса беспристрастно.

Возьмем такую группу доказательств как фенологические и связанные с природой. Сами по себе доказательства такого типа довольно редкие, но в том, что пишут подручные Геббельса, даже они присутствуют.

53. Скажем, Водзинский в своем отчете о месте расстрела в Катынском лесу пишет: «Нахождение на территории Катынского леса целого ряда других могил с останками русских и типичными ранениями черепа позволяло допустить, что Катынский лес уже в течение длительного времени служил местом расстрелов.

На основании гнилостного распада трупов в отдельных могилах с русскими, время их пребывания в земле следовало определить в границах от пяти до пятнадцати лет».

То есть место расстрела в этом лесу должно было быть очень глухим местом, иначе какой смысл было «тайно» везти сюда поляков, если расстреливать их надо было на глазах шляющихся по лесу дачников и грибников? И глухим это место должно было быть лет пятнадцать, не менее.

Но вот в начале отчета Водзинский описывает собственно место расстрела: «По гребнистым возвышенностям тянулись лесные дорожки, расходящиеся в стороны от главной лесной дороги...».

Ну вдумайтесь в эти строчки — откуда в глухом месте леса дорожки? Да за 15 лет в лесу, по которому никто не ходит, не то что дорожки, а все пустые места покроются опавшей хвоей, листвой, валежником, зарастут травой и подлеском!

54. А вот пишет Яворовский, тот самый, что в 1948 году уничтожил доказательства вины русских: «На то, что преступление было совершено весной, указывали бывшие когда-то свежими березовые листочки, находящиеся в земле в могилах».

Если убил поляков НКВД, то это весна 1940 года, между нею и весной 1943 года стоит три лета, три сезона, когда листья гниют. Если убили немцы, то это осень 1941 года, между нею и весной 1943 года — одно лето, один сезон, когда листья гниют.

Паны профессора! Возьмите и у себя в саду выкопайте весной ямку, положите туда свежих березовых листочков и закопайте. Затем осенью выкопайте еще ямку, положите туда сухих березовых

листочков и тоже закопайте. А затем через одно лето и следующую за ним зиму раскопайте часть обеих ямок и посмотрите, что осталось от сухих и от свежих листочков, а потом, если до вас не дойдет, повторите это через три лета.

И потом, березовые листья весной держатся на ветках очень прочно, недаром русские именно из веток весенней березы делают веники для бани. А осенью (поясняю для польских профессоров) листья имеют свойство падать с деревьев. И если их обнаружили в земле могил и они сохранили форму, по которой можно узнать, что они березовые, то, значит, между раскопками было не более одного лета, лист в могилы упал сухим, и если он вообще упал, то это было осенью. Осенью 1941 года!

Откровенно говоря, с бригадой Геббельса и спорить неинтересно. Поэтому мы запишем это наблюдение Яворовского как косвенное Доказательство № 15 версии Сталина и приступим к косвенным доказательствам, которые отыскивали советские подручные Геббельса.

Несколько слов о них. Из ранних наиболее выдающимися являются Ю. Зоря, В. Парсаданова и Н. Лебедева. Именно их работы привели к тому, что в апреле 1994 года Горбачев публично возложил вину за смерть поляков на СССР.

Что двигало этими людьми? Если мы их об этом спросим, то, без всякого сомнения, они ответят нам словами Геббельса: «Это не пропагандистская битва, а фанатичная жажда правды».

Какого типа «правдоискатель» Ю. Зоря, мы уже оценили при рассмотрении нюрнбергской подлости. Но Ю. Зоря наиболее систематизировал те «косвенные доказательства», которые так убедили Горбачева. Поэтому давайте рассмотрим их: все остальные «правдоискатели», по сути, Зорю повторяют.

Что следует сказать? Из довольно большого объема документов, рассмотренных этой частью бригады Геббельса, большая часть неумолимо свидетельствует, что военнопленные польские офицеры в 1940 году прошли через суд Особого совещания при НКВД, были из лагерей военнопленных и перестали ими быть, по одной версии — юридически, по второй — физически.

Эти документы никак не опровергают положений обеих версий, в этой части версии одинаковы. Различие начинается позже: по одной версии Особое совещание приговорило поляков к расстрелу, по другой

— сослало в ИТЛ. Как это было, мы рассмотрим позже, поэтому вопросы, связанные с Особым совещанием, мы отложим, а займемся остальными косвенными доказательствами, найденными советской частью бригады, «фанатично жаждущей правды».

55. Зоря считает, что указание направить следственные дела военнопленных в 1-й спецотдел и вывоз их самих из лагерей военнопленных в распоряжение УНКВД областей косвенно доказывает, что они были убиты.

Это ничего не доказывает. Это лишь показывает, что Особое совещание действительно рассматривало дела на военнопленных и что они информационно отрезались от лагерей военнопленных. Ни оставшиеся военнопленные, ни администрация лагерей военнопленных не должны были даже случайно узнать, что случилось с теми, кто из лагерей убыл. На определенном этапе конвой над военнопленными начинал осуществляться силами УНКВД областей, они попадали в их сферу ответственности.

56. Зоря считает донесения о том, что пленные доставлялись в район Смоленска, свидетельствами того, что они убиты. Но если новые ИТЛ для них были в районе Смоленска, то что должны были доносить люди, этапировавшие пленных, — что они доставили их в район Лондона и Парижа? Что должен был донести конвой, чтобы Зоре это понравилось?

57. Зоря считает, что распоряжения о скрытности вывоза из лагерей военнопленных, сделанные в самих этих лагерях военнопленных, — это доказательства того, что пленные убиты.

Но мы уже писали, что из-за незаконного изменения статуса военнопленного на статус заключенного делалось все, чтобы те пленные, кому этот статус не изменили, ничего об этом не знали.

Однако вне лагерей перевозка пленных вообще не была не то что строгой, а даже служебной тайной. Сводки о движении тюремных вагонов в Смоленск, справка о том, сколько отправлено пленных из Старобельского лагеря, с указанием времени и количества партий, акт о сожжении почтовой корреспонденции — это документы, которые не имеют никакого грифа секретности. Не говоря о том, что на станции Гнездово в 2,5 км от будущей могилы их выгружали днем, открыто, на виду всего народа.

Как это может доказывать, даже косвенно, что пленные убиты НКВД?

58. Далее Зоря считает указание о неотправке из лагерей агентуры НКВД доказательством того, что остальные были убиты. Но зачем НКВД будет отправлять в ИТЛ людей, которых собирается использовать на разведывательной работе? Как такую глупость считать доказательством?

59. Далее Зоря считает, что факт того, что пленные были вывезены из лагерей военнопленных в ИТЛ и Сопруненко доложил, что у него лагеря пустые, — это очень серьезное доказательство, что пленные расстреляны. Уж ведь просили Зорю считать нас просто дураками, а не идиотами, — не помогает, не меняется Зоря в своем раже «фанатичной жажды правды». Но это еще не все.

60. Далее Зоря считает, что передача Осташковского лагеря (бывший монастырь) в ведение краеведческого музея ясно доказывает, что НКВД военнопленных офицеров расстреляло. Вы не смейтесь, на основании этих «неопровержимых косвенных доказательств» Горбачев возложил на весь советский народ убийство.

61. Однако следующим Зоря задевает эпизод, который нам трижды интересен.

Предварительно обсудим важный для нас момент, который следует понимать. На любого лишеного свободы человека имеется «дело», оно заводится теми, кто лишил его свободы. Без законных оснований лишение свободы незаконно, и эти основания указываются в документах, которые вместе составляют «дело». Если человека заключают в тюрьму следственные органы, то они заводят следственное «дело», в документах которого человек идентифицируется, то есть устанавливается, кто он, при необходимости прикладывается то, что помогает его опознать — фотографии, анкета, отпечатки пальцев — и документы, которые свидетельствуют, что он подозревается в совершении преступления — доносы, протоколы допросов, показания свидетелей, улики и т. д.

Но как быть с военнопленными? Они ведь действовали по законам своей страны и даже в стране пленения они не считаются преступниками, хотя и подлежат изоляции. На них заводилось «учетное дело», в котором было все для опознания этого человека, но не было документов, признающих этого человека преступником, либо

подозревающих его в этом. Учетное дело не было предназначено для передачи в суд и вынесения приговора, оно было только для учета военнопленного. На польских офицеров во время, когда они находились в лагере военнопленных, заводилось «учетное дело». Н. Лебедева описывает, какие документы входили в него: кроме анкет там были фотографии всех офицеров и дактилоскопические карты. Надо думать, что в таких «делах» были также различные жалобы и заявления этих пленнх, доносы на них, их доносы, замечания людей, ведущих в лагерях агентурную работу. Но, повторяю, эти «дела» не были предназначены для рассмотрения в суде: факт, что ты военнопленный, не означает, что ты преступник.

Поэтому, когда созрело решение осудить военнопленных польских офицеров судом Особого совещания при НКВД, на них срочно стали заводиться другие дела — следственные, то есть такие же картонные папки с документами. Заметим, что в учетных делах на военнопленных и в следственных или уголовных делах на преступников были одинаковые документы — анкеты, фотографии, отпечатки пальцев.

Надо сказать, что Особое совещание было таким специфическим судом, которому для вынесения решения не нужно было не только «дело», но и сам человек. Оно решение выносило без рассмотрения сути дела. (Об этом позже.) Если бы оно хотело расстрелять поляков, то незачем было заводиться на них следственные дела. А они заводились. Следовательно, сам этот факт косвенно свидетельствует, что поляков расстреливать не собирались, иначе не проводили бы огромную канцелярскую работу по заведению на каждого новой папки с похожими документами, но с другим названием.

Но вернемся к Ю. Зоре. Он считает косвенным доказательством расстрела поляков следующее.

Начальник УПВИ Сопруненко 10 сентября 1940 года, то есть через три месяца после «расстрела военнопленных», дает распоряжение начальнику Старобельского лагеря (из которого военнопленные вывезены еще весной) о следующем: «Учетные дела Особого отделения на военнопленных, убывших из лагеря (кроме убывших в Юхновский), картотека учета, а также литерные дела с материалами на военнопленных должны быть уничтожены путем сожжения».

Казалось бы, все ясно, пленные расстреляны, а их дела сжигаются. Но прочтем, что Сопруненко пишет дальше: «До уничтожения материалов должна быть создана комиссия из сотрудников Особого отделения, которая обязана тщательно просмотреть все уничтожаемые дела с тем, чтобы из дел были изъяты все неиспользованные документы, а также материалы, представляющие оперативный интерес. Эти материалы ни в коем случае уничтожению не подлежат. Их надлежит выслать также в управление.

Как уничтожение, так и сдачу материалов в архив (в архив Харьковского УНКВД сдавались литерные дела конвойной части, охраняющей лагерь. — Ю. М.) оформить соответствующими актами с приложением к ним подробных описей уничтоженного. Об исполнении донесите».

Стоп! — скажем мы себе. Из этого распоряжения следует, что уничтожались не учетные дела на военнопленных, а картонная папка с надписью: «Учетное дело на военнопленного... армии...» — и только! Если пленные уже убиты, то кому нужны документы на них!?

Я консультировался у разведчиков и контрразведчиков: если человек умер, то какие его документы могут представлять оперативный интерес? Только подлинный документ, удостоверяющий личность: его можно подделать и снабдить им своего разведчика, все остальное от покойного никакого оперативного интереса не представляет. Но именно паспорта увозили с собой офицеры, уезжающие из лагерей военнопленных, и часть их была найдена в могилах Катыни. Именно этих документов не было в Старобельском лагере в папках с названием «учетное дело».

Ну, а если человек жив, то тогда какие документы из его дела могут представлять оперативный интерес? — снова спросил я специалистов. В таком случае этот интерес представляет все, с помощью чего его можно отыскать: фотографии, отпечатки пальцев, сведения о местах, где он может укрываться, а также его заявления или объяснения, с помощью которых его можно скомпрометировать и этим склонить к сотрудничеству.

Довольно обширный перечень, и не удивительно, что два сотрудника Особого отделения Старобельского лагеря просматривали 4031 учетное дело 45 дней (не более 50 дел на каждого в день) и только 25 октября составили акт о сожжении. Из него мы можем

понять, что из документов учетных дел было оставлено: «...на основании распоряжения Начальника Управления НКВД СССР по делам военнопленных капитана Госбезопасности тов. Сопруненко были сожжены нижеследующие архивные дела Особого отделения:

Учетные дела на военнопленных в количестве 4031 дела согласно прилагаемому списку.

Дела-формуляры в количестве 26 дел, список дел прилагается.

Алфавитные книги учета военнопленных в количестве (6 книг по 64 листа в книге)

Картотека из 4031 карточки.

Справки на военнопленных — две папки: одна папка — 430 листов, вторая — 258 листов.

Опросные листы на военнопленных: одно дело — 231 лист.

Дело-приказы Старобельского лагеря НКВД — на 235 листах.

Книги регистрации входящей корреспонденции — 2 штуки.

Фотокарточки военнопленных, вторые экземпляры — 68 штук.

О чем составлен настоящий акт в двух экземплярах».

Кстати, акт не имеет грифа секретности.

Судя по акту, исполнители консультировались по этому вопросу с Москвой и получили дополнительные разъяснения, так как сожжено значительно больше наименований документов, чем первоначально указывал Сопруненко (учетные дела и картотека), и в то же время сохранены литерные дела на военнопленных, хотя по первоначальному распоряжению их также предлагалось сжечь.

Но нам важно сейчас другое. Исполняя приказ Сопруненко о сохранении материалов, «неиспользованных и представляющих оперативный интерес», были сохранены 4031 фотокарточки военнопленных. Это следует из того, что комиссия отчиталась о сожжении только вторых экземпляров фотокарточек, а их в 4031 деле было всего 68 штук. Первые 4031 сохранены все.

Так доказывает ли это, что пленные на октябрь 1940 года расстреляны? Нет! Это доказывает обратное: они были живы и их новые уголовные дела ради экономии заполнялись документами из старых учетных дел. Об этом же свидетельствует и сохранение литерных дел.

Следовательно, будь на месте Ю. Зори другой человек, то он написал бы, что данное распоряжение и акт — это Доказательство

№ 15 версии Сталина, но Зоря «фанатично» считает, что этот акт доказывает вину СССР в убийстве поляков.

62. Далее Зоря считает, что то, что во всех статистических сводках Сопруненко стал писать, что военнопленные офицеры выбыли из лагерей военнопленных в распоряжение УНКВД областей, — это факт того, что их расстрелял НКВД. А что должен был, по мнению Зори, написать Сопруненко, чтобы Зоре понравилось? Как такая запись может свидетельствовать о том, что поляки расстреляны?

63. И, наконец, последнее. Тут лучше Зорю процитировать:

«Сопоставление перечисленных документов с материалами по Катыни, опубликованными на Западе, и материалами Нюрнбергского процесса показало в большинстве случаев совпадение до мелочей. В частности, при выборочном сравнении порядок в списке НКВД на отправку военнопленных из Козельска в распоряжение УНКВД Смоленской области оказался полностью совпадающим с порядком эксгумации идентифицированных останков, проведенной немцами в 1943 году».

Полюбуйтесь на врожденную наглость «фанатично жаждущего правды». Что в том бреде, что написан им выше, совпадает с показаниями Прозоровского, Маркова, Базилевского и Аренса — материалами Нюрнбергского процесса?

Полюбуйтесь на наглость применения взаимоисключающих словосочетаний «выборочное сравнение» и «полностью совпадающее». Во-первых, в подтверждение этого утверждения нет ни одной цифры. Во-вторых, выборочное — это значит не полное, а сделанное по выбору того, кто выбирает. Скажем, в одном вагоне в средней партии пленных ехали в Смоленск три офицера А, Б и В. Понятие «полностью совпадает» означает, что в средней могиле должны лежать все трое. Но если, скажем, А лежит в первой могиле, Б — во второй и В — в третьей, то тогда «фанатично жаждущий правды» исследователь дела делает «выборочное сравнение»: он на А и В не обращает внимания, а берет только офицера Б и говорит: видите, он ехал в среднем вагоне, а теперь лежит в средней могиле!

Далее Зоря подводит итог своим исследованиям: «Содержание перечисленных документов позволяет сделать вывод о возможности вынесения Особым совещанием при НКВД смертного приговора в

отношении военнопленных в лагерях Старобельске, Козельске, Осташкове».

Еще раз посмотрите на то, что нашел Зоря. Что в этих документах позволяет сделать вывод, что особое совещание при НКВД назначило военнопленным не 5 лет в исправительно-трудовых лагерях, а расстрел? То, что бывший монастырь, по нужде занятый под военнопленных, после их убытия отдан краеведческому музею?

А между тем большой коммунистический чиновник Фалин, на основании вывода этих исследований, написал Горбачеву письмо с рекомендацией признать вину СССР в убийстве польских офицеров. Подписал мило: «Ваш Фалин». Как мог Горбачев отказать милому человеку? И в апреле 1990 года он облил свой народ грязью геббельсовских помоев.

Но после этого сложилась интересная ситуация. Горбачев уже сообщил, что СССР виновен в убийстве поляков, а ни единого факта в подтверждение этого утверждения до сих пор еще не было. Наоборот, как вы видите из тех документов, что были добыты Зорей и остальными членами бригады Геббельса, следовало, что на октябрь 1940 года они были живы и никто ничего с ними не собирался делать.

Потребовались люди, которые могли бы сфабриковать какие-нибудь убедительные фальшивки и ими подтвердить уже объявленное признание и тем самым подтвердить Горбачеву статус президента СССР, а не безответственного болтуна.

Найти таких людей не составляло труда.

Свидетельские показания

Со времени Генерального прокурора СССР Вышинского признание подсудимого считалось «царицей доказательств». Надо сказать, что такая установка оказалась весьма удобной для тех, кто ведет следствие по делу. Зачем тратить энергию на поиск объективных доказательств, если можно физическими и моральными пытками склонить человека к признанию того, что хочет следователь, и получить «царицу»?

Правда, один следственный орган — КГБ, похоже, удалось хоть как-то отучить от любимого занятия — получения «царицы доказательств» любым путем. По крайней мере, из диссидентов 60–80-х годов, прошедших через следователей КГБ, никто не мог пожаловаться, что из них выжимали показания силой прямо или косвенно.

Надо сказать, что «отучать» эту категорию следователей начал Берия. Оба раза, когда он приходил к управлению ими, он начинал с освобождения «признавшихся» и с ареста добившихся «признания». Так было, когда он сменил на посту наркома НКВД Ежова, так было и в 1953 году, когда ему снова поручили госбезопасность и он начал с ареста своего предшественника Абакумова и с освобождения врачей, уже признавшихся, что они «отравили товарища Сталина». Не могла не сыграть свою роль и травля КГБ, как главных виновников, убийц во времена «сталинского террора».

Но за кадром остались другие «специалисты» — прокуроры и следователи прокуратуры. Этим никто не отучал от получения «царицы доказательств» любым путем. И когда начальству требовалось, как в нашем случае это потребовалось Горбачеву, прокуратура фабриковала любые дела, охотно становясь соучастником любых преступлений, не гнушаясь и убийств.

Кстати, первым в послесталинское время по желанию Хрущева был убит Берия. По сфабрикованному против него «делу» он был расстрелян тайным судом за «шпионаж в пользу Англии» и «изнасилование женщин». Между тем эти женщины из белья выпрыгивали, чтобы поймать от Берии ласковый взгляд, и очень обижались, что он им, народным артисткам и олимпийским

чемпионкам, предпочитает официантку из кафе. Но когда попали в руки следователей, то немедленно «призналось», что Берия их изнасиловал.

В 70-х годах в Витебске убивал женщин маньяк. Нет бы правительству потерпеть, пока его поймают, так оно послало в Витебск в дополнение к маньяку еще и следователей по особо важным делам. В результате, пока милиция разыскала маньяка, эти следователи заставили троих мужчин признаться в убийстве женщин. Один из них был убит судом, один сошел с ума.

Каким образом следователи прокуратуры заставляли свои жертвы признаваться даже в таких страшных делах, стало хорошо известно со времен, когда в Узбекистане действовали следователи Генеральной прокуратуры Гдлян, Иванов и Ко. Приемы неприхотливые. Сами они руки не пачкали. Они арестовывали свои жертвы и подсаживали их в камеры к отпетым уголовникам, а уж те заставляли жертву признаться в том, что требовалось следователям. Если этот способ не годился, то тогда издевательства или их угроза переносились на близких родственников. Эти следователи развернулись так, что даже их идейный единомышленник — мэр Ленинграда Собчак — признал: «По самому строгому счету Гдлян и Иванов в новых социальных условиях продолжали действовать в традициях репрессивного аппарата 30-х годов».

А вот конкретные действия этих следователей Генеральной прокуратуры, описанные следователем, расследовавшим уголовное дело, открытое на самих Гдляна и Иванова (которые к тому времени уже укрылись за депутатской неприкосновенностью):

«Людей месяцами держали под стражей, шантажировали их родственников, заставляли собирать деньги... Люди в страхе за себя и судьбу своих близких отдавали и то, что нажито честным трудом. За время следствия в Узбекистане по гдляновским материалам незаконно задержано более 100 человек, так называемых хранителей ценностей... Некоторые отсидели по девять месяцев в следственных изоляторах!..

Матчанова Пашо, мать-героиня, родившая и воспитавшая 10 детей, пробыла в тюремной камере 9 месяцев. В это время был арестован и ее муж. Пятеро несовершеннолетних детей остались без куска хлеба... Затем оно (уголовное дело против Матчановой. — Ю.

М.) будет прекращено (судом. — Ю. М.) за отсутствием в действиях арестованных состава преступления...

...Аналогично арестовали П. Алимову — мать девятерых детей, Талиеву Бабизаду — мать одиннадцати детей, Саидову Ануру — мать двенадцати детей...

...Как это происходило, наглядно свидетельствует пример с Д. Бакчановым. Его, инвалида II группы, неоднократно вызывали на допросы и требовали выдать 500 тысяч рублей. Он отказывался, говорил, что никогда преступных денег не имел и не хранил. Однако под угрозой ареста его, жены и детей согласился собрать и принести следователям сто тысяч. В течение нескольких суток он занимал у родственников, знакомых деньги. Договоры займа заверил в нотариальной конторе... Однако их (деньги. — Ю. М.) следователи оформят как преступно нажитые, хранимые Бакчановым якобы по просьбе одного крупного взяточника».

Так что, как видите, Горбачеву незачем было волноваться: Генеральная прокуратура не испытывала дефицита в специалистах, способных добыть любое нужное показание от любого человека.

По распоряжению Горбачева РП-979 от 3 ноября, по факту смерти польских офицеров в 1940 году, Главной военной прокуратурой возбуждено уголовное дело и следствие по нему было поручено именно таким специалистам под командой полковника юстиции Третецкого А. В. (Мы с ним уже знакомы — это к нему требовало Польское посольство обращаться журналистам, собирающимся писать о Катыни.) А осуществлял прокурорский надзор за Третецким другой, тогда еще полковник — Н. А. Анисимов.

Перед ними стояли две задачи — найти на еврейском кладбище в Харькове и на госпитальном кладбище под селом Медное Калининской области останки польских офицеров в числе так тысяч 10–12 и получить от свидетелей признание, что команду убить офицеров дали Сталин и Политбюро.

Сами понимаете, что поиск такого количества польских костей в Харькове и Калининске — затея изначально глупая: солдат послать перекапывать кладбища можно и даже, в угоду Горбачеву, необходимо — да что там найдешь? А вот работа со «свидетелями» — это прямо по специальности следователей. Их, к счастью бригады Геббельса, нужных нашлось двое. Не пугайтесь, Третецкий и Анисимов не

поехали в Смоленск допросить свидетелей расправы немцев над поляками осенью 1941 года. Этим свидетелям в те годы было по 16–20 лет, наверняка, многие из них в начале 1990-х были живы. Но зачем они бригаде Геббельса?

Они нашли двух древних, обремененных близкими родственниками стариков и взялись за них. На допросах присутствовал журналист Лев Елин, благодаря статье которого в журнале «Новое время» № 42 за 1991 год и мы можем понять, как происходил допрос и что показали свидетели.

64. Первый — П. К. Сопруненко — генерал-майор в отставке, бывший начальник Управления по делам военнопленных и интернированных. На момент допроса он выглядел так: «Теперь это 83-летний старик, перенесший операцию на желудке и не покидающий свою квартиру на Садовом кольце... Сопруненко тяжело сидеть, он то и дело меняет позу, откидывается на подушки». Добавим от себя немаловажный факт с учетом тех примеров работы следователей Генеральной прокуратуры, которые мы описали выше: у него дочери и ему явно не хочется, чтобы они переехали с Садового кольца за 101-й километр навсегда или в следственный изолятор месяцев на девять за «укрытие» преступлений.

Следователям требовалось, чтобы Сопруненко признался, что приказ расстрелять пленных дал Сталин, но легкого признания не получалось. Вот уже «призналась» дочь: «Это сам Сталин... Отец видел приказ с его подписью». А отец еще долго не «признавался», пока настойчивые специалисты не добились своего: «Однако Сопруненко, вконец измучив следователей, все же начал говорить».

Так, понятно, ну что же он сказал?

Если отбросить в сторону все, что Елин домыслил от себя, то сказал он следующее: «...Заместитель Берии Кабулов в марте провел в НКВД совещание, на котором присутствовало человек 8–12.

— Нам дали по очереди прочитать письмо... Это было постановление Политбюро за подписью Сталина. Я помню слово „расстрелять“».

Ну что же, давайте оценим правдивость этого показания. Ведь оно должно быть логически связано со всеми остальными надежными фактами, со всем тем, что мы знаем и о пленных, и о той эпохе.

65. Во-первых, Сопруненко не мог видеть никаких бумаг с таким решением, он не мог знать о том, что пленные расстреляны, иначе это обязательно сказалось бы на стиле и содержании всех последующих подписанных им документов. Поясню.

Когда осенью 1941 года Сталин начал разыскивать пленных офицеров, то в первую очередь вопросы поступали именно к Сопруненко, он становился виноватым. В это время он пишет несколько справок с грифом «совершенно секретно» и в них совершенно спокойно, без каких-либо попыток оправдаться, пишет, что пленные «убыли в УНКВД». Если бы он знал, что они расстреляны, то он автоматически, чтобы снять с себя ответственность, написал бы что-либо типа «По указанию политбюро» или «По указанию тов. Берии» и т. д. — попытался бы показать, что лично он в этом деле не замешан. Смотрите, вот он в плане розыска пленных пишет «Справку» о передаче части пленных немцам в октябре-ноябре 1939 года. Мало того, что он начинает ее словами «В соответствии с постановлением СНК Союза ССР № 1691–415 от 14 октября 1939 г...», но и заканчивает ее словами: «...Все принятые были отпущены по домам (и польские офицеры в числе 13757 принятых от немцев пленных. — Ю. М.). Переговоры о порядке обмена вел тов. Потемкин (НКВД) с быв. немецким послом в СССР. Решением правительства, работа по обмену пленных была возложена на военное командование. На Управление по делам о военнопленных возлагалась доставка эшелонов с военнопленными к обменным пунктам». Вы видите у Сопруненко сомнения — а не будут ли сейчас наказывать за то, что в 1939 году пленных передали немцам? И он тут же указывает на виноватых — СНК, военное командование и Потемкин, — а свою роль сводит к чисто технической — «я тут ни при чем».

То, что он не делает подобного, отчитываясь о пленных, отправленных в УНКВД областей, свидетельствует о том, что в отношении их жизни у него нет ни малейшего сомнения.

66. Во-вторых, это журналисту Елину можно писать, что пленные, прошедшие через Особое совещание, попали «на конвейер смерти». Сопруненко не дурак, он знал, что пленные прошли через Особое совещание, следовательно, знал, что они живы.

67. В-третьих, он был слишком мелкой пешкой в государстве, чтобы ему показали решение Политбюро. В марте он был только майором армии, звание капитана Госбезопасности ему присвоили позже. Более того, его ведомство, все его подчиненные не имели никакого отношения к «расстрелу», будь действительно такой приказ Сталина, он бы не только его не видел, он бы даже случайно о нем не узнал.

Несколько другой пример. В начале 50-х годов МГБ раскрыло «шпионский центр» в Еврейском антифашистском комитете. Материалы уголовного дела докладывались на Политбюро три раза, член Политбюро Шкирятов выезжал в тюрьму и лично один на один переговорил со всеми подозреваемыми (все они подтвердили ему свой шпионаж). В результате Политбюро приняло решение судить изменников военным трибуналом и расстрелять. МГБ передало дело в военный трибунал, но решение Политбюро трибуналу не было показано. Генерал-лейтенант Чепцов — председатель трибунала — два месяца обивал пороги всех кабинетов, пытаясь узнать, правда ли, что Политбюро решило расстрелять? Он был у членов Политбюро Шкирятова и Маленкова, они ему подтвердили это решение, но самого решения ему, генерал-лейтенанту и председателю трибунала, никто не показал.

Ведь Политбюро не имело государственной власти, оно имело власть только над коммунистами. Это значит, что решение судить и расстрелять Еврейский антифашистский комитет было показано соответствующему коммунисту-прокурору и тот своей государственной властью прокурора направил дело в трибунал и там требовал от судей расстрела предателям. Но на суд по закону никто не имел права давить, и судье никто этого решения не показал, как он ни добивался его увидеть.

Если бы Политбюро приняло решение расстрелять поляков, то это решение было бы показано только коммунисту Берии, а уж народный комиссар внутренних дел Берия своей законной властью и от себя лично дал бы соответствующие команды.

Совещание из 8–12 человек, глазеющих на «решение Политбюро» за подписью Сталина, — это бред.

68. Правда, само совещание могло быть. Второй свидетель — начальник УНКВД Калининской области Токарев, которого тоже

заставили вспомнить такое совещание, элементарно следователей перехитрил: «В марте 1940 года — я точно помню, мне тогда же присвоили звание майора безопасности, — меня, моего заместителя Павлова и коменданта нашего управления Рубанова вызвали в Москву... В Москве сразу к Кабулову. У него в кабинете человек 15–20, среди них начальники УНКВД Смоленской и Харьковской областей... Кабулов объявил, что есть указание высшей инстанции о расстреле представителей карательных органов Польской республики, захваченных в плен при вхождении на территории восточных областей Польши...».

Видите, хитрый старик, запутав следователей всякими подробностями, перечеркнул показания Сопруненко. Оказывается, на свидании у Кабулова никто не разглядывал подписи Сталина на решении Политбюро, а было указание Кабулова со ссылкой на «высшую инстанцию». И указание не польских офицеров расстрелять, а «представителей карательных органов», то есть коллег собравшихся на совещание, но только со стороны противника, — тех, кто занимался в Польше уничтожением коммунистов и сочувствующих СССР. Но ведь и их фактически не расстреливали. Прибывшие из Литвы летом 1940 года польские коллеги Кабулова даже через Особое совещание не прошли, оставались до амнистии в лагерях военнопленных.

69. В-четвертых, Сопруненко знал, что пленные не расстреляны, иначе он бы не требовал так строго изъять из учетных дел военнопленных все документы, представляющие оперативный интерес, включая фотографии.

Так что первый «свидетель», который должен был подтвердить версию Геббельса, подтвердил только, что бригаде Геббельса очень хочется найти такое подтверждение.

Но Анисимов (прокурор) и Третецкий (следователь) теперь имеют в связи с показаниями Сопруненко лишние хлопоты. Согласно статье 20 Уголовно-процессуального Кодекса России: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства».

Поскольку показание Сопруненко никак не стыкуется ни с другими фактами, ни с другими показаниями, то Анисимову и Третьцкому, прежде чем использовать его в деле, надо будет доказать, что:

— в сентябре 1940 года у Сопруненко началось разжижение мозга и провалы памяти, в связи с чем он стал собирать фотографии уже расстрелянных поляков и никогда не проявлял беспокойства при вопросах об их судьбе, хотя при менее значительных вопросах старался оправдаться;

— с марта 1940 года разжижение мозга началось у Сталина, в связи с чем он секретные решения Политбюро стал адресовать чуть ли не участковым милиционерам, не имеющим отношения к делу (звание Сопруненко — майор — соответствовало званию старшего лейтенанта Госбезопасности).

Вот когда Анисимов с Третьцким это докажут, то показания Сопруненко можно будет предъявлять не только идиотам.

70. Второй свидетель еще более древний. Бывшему начальнику Управления НКВД по Калининской области Д. Токареву на момент допроса было 89 лет. Но этот возраст в данном случае нам ни о чем не говорит, достаточно посмотреть на его фотографию, напоминающую старого и злого бульдога, на его презрительное выражение лица, чтобы понять, что он меньше всего боится этих следователей и отлично понимает, чего они хотят. Порой кажется, что он над Третьцким с Анисимовым просто поиздевался. Он им говорил все, что они хотели услышать, но, пользуясь превосходством интеллекта, он одновременно либо ничего не сказал им, либо сказал такую глупость, что она становится видна любому. Конечно, к Токареву надо было посылать людей поумнее, это вам не хлопковод из Узбекистана.

Лев Елин радуется: «Отрицая собственную причастность к расстрелам, Токарев тем не менее рисует исчерпывающую картину». Помолчал бы уж, любитель живописи! Ведь только что Токарев описал «исчерпывающую картину» совещания у Кабулова и в этой картине исчерпывающе опроверг показания Сопруненко. Он же вам подыгрывал, он знал, что вы хотите от него услышать, и это говорил, но одновременно вешал вам на уши не то что лапшу, а прямо-таки блины!

71. Воспроизведем в изложении Елина, что показал Токарев о расстреле в его области 6000 поляков за один месяц:

«Поляков перевозили из Осташковского лагеря в здание НКВД на улице Советской, где в подвале находилась внутренняя тюрьма. Технологию расстрела, как показал на допросе Токарев, разработали Блохин и местный комендант Рубанов. Дверь и стены одной камеры обшили кошмой, чтобы не слышны были выстрелы. Тюрьму временно очистили от других заключенных...

...Кабулов сказал: никаких живых (и не запачканных кровью. — *Л. Е.*) свидетелей быть не должно. Я даже уговорил одного шофера, хорошего парня, участвовать в расстрелах — иначе его самого могли убрать...

...В расстрелах непосредственно участвовали 10 человек: коменданты, некоторые надзиратели и шоферы».

Давайте пока обсудим эту информацию. Как вы поняли, операция эта была ужасно секретной — «никаких живых свидетелей». В то же время она проводится в центре города, в здании, где находится У НКВД и где согласно специфике работает достаточно много людей крупные сутки — от дежурных телефонисток до дежурного оперативного отряда. Кроме этого, сама тюрьма в подвале, способная без труда принять 300 поляков, да еще и так, чтобы им не были слышны ни выстрелы, ни предупреждающие крики их товарищей, идущих по коридорам на расстрел, тоже должна быть не маленькой, скажем, человек на 600. И она имела свой обслуживающий персонал — надзирателей, конвоиров, завхозов, кладовщиков, поваров и т. д., наверное, человек сто. Заключенных, положим, из тюрьмы вывезли, а этих куда дели? Ведь Кабулов сказал: «никаких живых свидетелей». Что, на месяц распустили по домам всех работников НКВД и тюрьмы? Ведь из окон же видно, как в машины грузят трупы, как завозят ежедневно 200–300 офицеров. Надзиратели и конвоиры не ходят на работу, их домашние и соседи расспрашивают, что случилось, и т. д. Это что и есть «страшно секретная операция»? Или, может быть, потом НКВД расстреляло всех работников тюрьмы, Калининского УНКВД и еще и двух экскаваторщиков?

Кстати, об экскаваторщиках. Согласно показаниям Токарева, они рыли могилы под селом Медное. Вспомните всю довоенную кинохронику, например, как роют противотанковые рвы или строят

плотины. Вы видели когда-нибудь экскаватор, можете описать, как он тогда выглядел?

А между тем они в СССР были, их даже уже начинали строить. Но их можно было по пальцам пересчитать, и были они столь малоподвижны и столь редки, что, начни их перегонять под Медное, туда собрался бы народ с соседних областей, и эта диковинная машина оставила бы в памяти людей след не меньше, чем Тунгусский метеорит. Ну и, конечно, все бы интересовались, а кого это там закапывают с помощью такой диковинной машины?

Вы помните фильм «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика»? Там Балбес предложил операцию назвать «Ы», чтобы никто не догадался. Та лапша «секретности», которую Токарев вешал на уши следователям и Елину, очень сильно напоминает операцию «Ы».

Я полагаю, что если бы НКВД потребовалось расстрелять поляков, то НКВД сделало бы это так. Был бы пущен слух в лагерях военнопленных, что СССР тайно от немцев договорился о передаче пленных поляков Аргентине, ЮАР — кому угодно. Официально бы было объявлено, что пленные офицеры переводятся в лагеря под Владивосток, порт, откуда действительно можно тайно уехать в Африку или Южную Америку. Вывозить лагеря начали бы по 2–3 вагона на восток. Где-нибудь в Центральной или Восточной Сибири пленным бы объявили, что впереди паводком затоплены пути и им придется дней десять простоять в квартирах в окрестных селах. Их бы выгрузили на каком-нибудь разъезде и повели по лесным дорогам якобы в села. Попутно могли еще и руки связать, якобы потому, что конвоиров мало. И их могилы никто бы и никогда не нашел. Окрестным жителям под благовидным предлогом (испытания химического оружия) запретили бы заходить в эти леса, а паровозным бригадам сказали бы, что в том лесу тайная пересылка заключенных и нужно держать язык за зубами.

Но проводить массовый расстрел в центре областного города, да еще и в подвале административного здания, да хоронить возле дач НКВД с помощью экскаватора — это бред. Дураков в НКВД на работу не брали. Они по традиции шли работать в журналистику.

73. А теперь о собственно технологии расстрела, рассказанной Токаревым. Со слов Елина, она выглядела так:

«...Из камер поляков поодиночке вели в красный уголок, то есть Ленинскую комнату, там сверяли данные. Фамилию, имя, год рождения...

...Надевали наручники, вели в приготовленную камеру — и били из пистолета в затылок...

...За месяц, работая почти каждую ночь, убили 6000 человек...

...Первый раз из Осташкова привезли 300 человек, — вспоминает Токарев. — Но оказалось слишком много, когда закончили расстреливать, уже солнце взошло. Ночи стали короче, а надо ведь было уложиться в сумеречное время. Стали возить по 200–250...

...Через вторую, заднюю, дверь трупы выносили из камеры и бросали в крытые грузовики. Затем 5–6 машин везли тела к месту захоронения в окрестностях села Медное...».

Прежде чем заняться обсуждением реальности этой технологии, скажем, что сама по себе казнь человека — дело достаточно опасное для тех, кто казнит. Когда человек поймет, что смерть неизбежна, у него резко прибавляется сил и он становится способен одолеть многих. Правда, немцы уверяли по опыту массовых расстрелов евреев и гражданского населения, что у них, в плане покорности расстреливаемых, не было проблем, но это гражданское население, которое до самого конца не верило, что с ним могут так поступить, не имело опыта сопротивления врагу и не способно было мобилизовать силы.

Другое дело, когда речь идет о людях, которые знают или догадываются, что их могут убить, о военных, которые сами были подготовлены для убийства врага.

В материалах Нюрнбергского процесса приводилась объяснительная одного эсэсовца, занимавшегося расстрелами в Белоруссии. Он оправдывался перед своим начальством по такому поводу. Ему поручили расстрелять 5–6 инвалидов войны из лагеря для советских военнопленных. Он взял двух помощников и водителя, и они на грузовиках подъехали к лагерю, но так, чтобы их не было видно и вид их формы не встревожил пленных. Инвалидов к ним привели жандармы, охранявшие лагерь. Погрузив пленных в кузов, эсэсовцы повезли их в пригородный лес, где они обычно расстреливали. Этот фюрер взял одного пленного из кузова и повел к могиле. Пока он его устанавливал, целился и стрелял, сзади раздался

шум. Обернувшись, он увидел, что водитель и оба его товарища уже убиты, а инвалиды целятся в него из захваченного оружия. Он сбежал. Начатый розыск и прочесывание леса ничего не дали, инвалиды удачно скрылись.

В фильмах вам, наверное, приходилось видеть, что в тюрьмах осужденного задолго до казни сажают в отдельную камеру, выводят его на казнь из камеры 3–4 человека, их численное преимущество не дает осужденному возможности нанести конвоирам серьезных повреждений до того момента, пока его не свяжут.

А что мы видим в описании Токарева? В этой тюрьме точно не было 300 одиночных камер, следовательно, пленные находились в общих на 10–40 человек. Как, под каким предлогом их по одному можно оттуда брать, и еще ночью, чтобы они ничего не заподозрили и не организовали сопротивления? А ведь камера — это не только изоляция заключенных от надзирателей, но и наоборот. Не забывайте, что это пленные, а не преступники, у них не было забитости заключенного и были командиры, при малейшем подозрении они отказались бы выходить и камеры надо было бы забрасывать гранатами и брать штурмом. Токарев, судя по всему, подробно рассказал, как в этой тюрьме расстреливали 1–2 заключенных за ночь, переложив это на 300. Следователи бездумно записали, не видя, что Токарев оставил себе возможность все сказанное опровергнуть, как только он освободится от опеки полковников, скажем, на суде. И пригласить в эксперты специалистов по казням из тюрем, которые подтвердят, что таким образом расстрел провести невозможно.

74. А теперь немного посчитаем. Нам надо со станции привезти пленных и поместить в тюрьму. Чужих конвоиров здесь задействовать нельзя: вдруг какой-то сердобольный обронит невольное слово и мы получим бунт и побоище. Пусть на самой перевозке у нас будет занято по минимуму 3 человека, да человека 3–4 должно принять заключенных в тюрьме. Самих рейсов будет не менее 8–10, то есть это работа на полную дневную смену и требует самое малое человек 7. Ночью нужен дежурный у камер, да хотя бы один между отделениями, где содержались пленные и где расстреливались. Хотя бы одного надо поставить снаружи тюрьмы. Пара человек должна выводить из камер и вести в красный уголок. Здесь еще один должен

заполнить анкету и пара помощников палача должна скрутить пленного, одеть наручники и вывести к палачу в камеру расстрелов.

По идее, чтобы заполнить анкету, нужен и переводчик, но, допустим, как-то обходились. Но и без этого мы видим: с палачом по минимуму 9 человек. Положим, что подручные палача будут вытаскивать трупы из подвала, и на улице им будут помогать грузить трупы в машины свободные от рейсов шоферы. Их еще 6 человек, по показанию Токарева.

У могилы, края которой забросаны землей, надо будет снимать с машин трупы, подтаскивать к могиле и укладывать там. Положим, что в этой операции будут участвовать экскаваторщики и шоферы, да еще пара человек нужна для охраны самого кладбища — отгонять любопытных. То есть и на кладбище надо еще 4 человека.

Получается, что свидетелей, которых нужно «замарать кровью», нужно не 10, а по самому минимуму — 26 человек. Сама же эта работа физически становится чрезвычайно трудной. Поэтому немцы массовые расстрелы вели сразу у могил. В Катynie 2–3 грузовика с пленными, вероятнее всего уже связанными, подъезжали прямо к могиле, там встречало тридцать солдат с тремя офицерами да плюс и солдаты усиления, которые придавались этой айнзацкоманде. По показаниям свидетелей, расстрел, судя по всему, вели сразу два немецких ефрейтора, и немцам на всю операцию требовалось времени в пределах часа.

И здесь мы видим, что описанная Токаревым технология предназначена для обычных, по суду, казней, но никак не для массовых расстрелов.

75. Но предположим, что команда у Токарева была 30 человек, а лишних (сверх 10) свидетелей расстреляли. (Поскольку архивы Калинина в целости, то Третецкий с Ансимовым найдут их фамилии и даты смерти.) Могли ли они развить такую производительность?

Пока в камере расстрела не раздастся выстрел, нового приговоренного вводить в отделение, где идут расстрелы, нельзя. Но вот он раздался, выводные должны открыть дверь между отделениями, закрыть ее, пройти к камере, открыть и закрыть дверь, разбудить приговоренного, дать ему время одеться, обуться и оправиться, вывести из камеры, провести сквозь открываемые и закрываемые двери в красный уголок, там на слух понять с польского, какая у него

фамилия, имя, отчество, где родился и год рождения, записать это, надеть наручники, отдать подручным палача, те отведут в камеру расстрелов, удержат в удобном для палача положении. Сколько это займет времени? Такие вещи определит следственный эксперимент, и он покажет: это время не меньше, чем 10 минут.

Будут и технологические паузы. Камера расстрелов в подвале, а значит ниже уровня канализационных стоков. После выстрела человек будет умирать 2–3 минуты, на затылке сосредоточены основные кровеносные сосуды головы. Травматологи утверждают, что от такого ранения крови вытекает 300–500 мл. То есть после ста расстрелянных на полу камеры уже будет 3–5 ведер крови. Ее надо будет убирать, то есть делать на полчаса общий перерыв.

Время между заходом и восходом солнца в апреле примерно 10 часов без сумерек и рассвета. Отбросив час на уборку камеры расстрелов, получим 9 часов чистого времени. Если бригада работала без отдыха и перерыва, то могла расстрелять 54 человека. А Токарев утверждает, что расстреливали в пять раз больше: 250–300 человек.

У юристов это звучит так: следственный эксперимент не подтвердил показаний свидетеля.

76. Но следственная бригада Главной военной прокуратуры вынудила Токарева дать и такое показание: «...От постоянной стрельбы наши табельные „ГТ“ быстро выходили из строя. Блохин привез целый чемодан „вальтеров“, сам выдавал их, а потом забирал и запирал...» — и несколько далее снова о «вальтерах»: «...Комендант Рубанов сошел с ума и застрелился, Болхин спился и тоже застрелился, мой заместитель Павлов — тоже, хотя он сам и не убивал. Шофер Сухарев застрелился из того самого „вальтера“, из которого бил поляков».

(Попутно заметим, что, судя по тексту, шофер Сухарев застрелился не во время расстрела в камере, тогда вопрос: как он мог это сделать «из того самого секретного „вальтера“», если Блохин их держал закрытыми в чемодане? Бился головой о чемодан, пока «вальтер» не выстрелил?)

На российском телевидении был рыженький корреспондент, когда-то ведший репортажи из Англии. Так тот мог показать телезрителям пустую гильзу и объявить, что это «пуля от нагана Макарова». При тщательном подборе в послеперестроечную прессу исключительно

безграмотных балбесов такие заявления не в диковинку. Неудивительно, что и Елин гордо записал процитированную выше чушь, ему можно. А вот Анисимов, тогда полковник, а позже генерал-майор, в «Известиях» от 24.06.94 г. тоже непреклонно заявляет: «А расстреливали поляков чекисты все из тех же „вальтеров“, как из более надежных».

После войны пистолет «ТТ» (Тульский Токарева) был снят с производства в СССР и заменен пистолетом Макарова с 9-мм пулей большей останавливающей силы. Не малую роль в этом сыграло и то, что одновременно пистолет-пулеметы ППШ и ППС, патроны от которых используются для стрельбы из пистолета «ТТ», тоже были сняты с производства и заменены автоматом Калашникова. Но сам «ТТ» еще долго оставался на вооружении, а в других странах, например Югославии, и производился.

У российской и затем Советской армии был пункт — они требовали от оружейников оружия исключительной надежности. К примеру, даже во время войны от Грабина требовали, чтобы его 76-мм дивизионная пушка имела гарантию не менее 10 тысяч выстрелов без замены деталей, хотя в реальной войне редкая пушка успевала сделать более 3 тысяч. Такая вот была «придурь». Американцы любят, чтобы их пистолеты по калибру напоминали пушку, а мы требовали, чтобы наше оружие было настолько надежным, чтобы стрелять в руках любого расхлябанного дурака и в любых условиях.

Пистолет «ТТ» был исключительно надежен. Сейчас, когда на черном рынке можно купить любое оружие, пистолет «ТТ», несмотря на дефицит патронов к нему, стоит существенно дороже пистолета Макарова. И, без сомнения, он сделает без задержек и 1000 и 10000 выстрелов подряд.

Дело в другом. Пистолет «ТТ» не мог быть использован для расстрела людей таким способом, да еще в закрытом помещении. Он исключительно мощный. Начальная скорость его пули (420 м/сек) намного превосходит не только скорость пули немецких аналогов, но и скорость пули немецкого автомата, который у нас называется «шмайссер».

При выстреле с близкого расстояния в голову пуля пистолета «ТТ» не только пробьет ее навывлет, но и разнесет полголовы вдребезги — это проверено. После пары обойм твердооболочечные пули «ТТ»

разнесут в клочья кошму и пули начнут рикошетировать от стен, нанося раны самим палачам.

Из компетентных источников известно, что в наших тюрьмах при расстрелах предпочитают спортивный пистолет Марголина с безболочечной пулей калибра всего 5,6 мм. В те времена НКВД могло использовать удачный карманный пистолет «ТК» (Тульский Корovina), имевший калибр 6,35 мм.

Это по поводу того, что у Токарева при расстреле выходили из строя пистолеты «ТТ».

77. Теперь по поводу надежности. То, что женщины называют просто пистолетами, в СССР имеет две градации — собственно автоматические пистолеты и револьверы. Револьверы по всем боевым параметрам уступают пистолетам, поэтому во всех армиях мира они заменены на пистолеты. Но револьверы продолжают выпускаться и ими продолжает вооружаться полиция целого ряда стран только по единственной, заложенной в конструкции причине: револьвер всегда более надежен, чем пистолет.

Немцы вообще не имели револьверов, немецкая оружейная фирма «Геншов и Ко», чьими патронами были расстреляны поляки в Катыни, выпускала копии револьверов американских фирм «Кольт» и «Смит-Виссон».

А в СССР до и после войны выпускался и стоял на вооружении револьвер бельгийского конструктора Нагана, получивший собственное имя — наган. И было наганов больше чем достаточно. На 1 января 1937 года численность Красной армии была 1 млн. 433 тысячи человек, а только в 1918–1922 годах было произведено промышленностью 1,7 миллиона штук револьверов Нагана, и их производство не прекращалось и после войны.

Сказать, что «для надежности» НКВД вместо наганов предпочло пистолеты фирмы «Вальтер», — это безграмотная глупость и доказательство того, что и через 50 лет бригада Геббельса не в состоянии придумать объяснения, почему польские офицеры были убиты немецким оружием.

78. Кроме этого, юридически безграмотно сообщить суду, что поляки убиты из «Вальтеров». Фирма Карла Вальтера до Второй мировой войны разработала 18 типов пистолетов, 12 типов из них выпускались и имели собственные названия: «модель 1...9», «ПП»,

«ПШК» и «П-38». Калибр их был: две модели — 9 мм; четыре модели — 7,65 мм и шесть моделей — 6,35 мм. Третецкому и Анисимову следовало бы выяснить ответ на вопрос: какую именно модель «вальтеров» «хранил» так бережно в чемодане Блохин? Сказать просто «вальтеры» — это все равно, что капитану ГИБДД доложить, что он задержал транспортное средство, а вот какое — самосвал или мотоцикл — он не разбирается, просто транспортное средство и все. Генеральские погоны должны давить на плечи, а не на голову.

79. Читатели могут сделать замечание автору: пусть вы в разных бригадах — Геббельса и Сталина, но зачем же так грубо поносить оппонентов в этом споре? Может, Третецкий и Анисимов добросовестно заблуждаются, может, их ввели в заблуждение эти выжившие из ума старички, которые из-за склероза уже не помнят, о чем говорят?

Нет! Все эти третецкие и анисимовы отлично понимали, что они делают, и потом, они отлично знают, что фальсифицируют результаты следствия, извращают его и этим совершают в угоду Горбачеву преступление.

Честный человек не может иметь никаких нечестных прав на своего начальника. Понимаете, он может иметь заслуги и может просить за них вознаграждения или еще чего, но только в пределах того и так, как это предусмотрено законом.

Но если он ради начальника пошел на преступление, и начальник это знает, и это преступление скомпрометирует начальника, то тогда подчиненный вправе заставить начальника также преступить закон, может потребовать от начальника незаконных услуг. Хочет начальник этого или не хочет, но вступает в действие закон «рука руку моет».

В дальнейшем нам потребуется 1-й выпуск журнала «Военные архивы России». В этом журнале много интересного о Катынском деле, в том числе одно интересное письмо на бланке Главной военной прокуратуры за № 3-6818-90 от 3 сентября 1991 года от юстиции полковников Анисимова и Третецкого, вкуче с подполковниками Радевичем, Яблоковым, Граненовым и майором Шаламаевым — короче, от всей следственной бригады Главной военной прокуратуры по Катынскому делу — Президенту СССР Горбачеву.

Письмо длинное, вкратце его содержание таково. У этой катынской бригады было два начальника: генерал-лейтенант юстиции

Заика и генерал-майор Фролов, которые в курсе всех дел и сильно помогали бригаде найти не какие-нибудь, а именно нужные результаты. Очень хорошие эти генералы — и посол польский их благодарил, и бискуп полевой руку жал, и римский Папа свое удовлетворение передал. Но есть в Главной военной прокуратуре и нехорошие генералы, и эти нехорошие генералы решили под видом реорганизации хороших генералов с должностей под зад коленкой, не исключено, что и именно за Катынское дело. Правда, бригада пишет не так откровенно, но именно это, по сути, и жалуется: «...Мы просим Вас, уважаемый Михаил Сергеевич, с пониманием и взвешенностью отнестись к выполнению функциональных обязанностей руководством Главной военной прокуратурой и не допустить неправильной оценки деятельности гг. Заики Л. М. и Фролова В. С. на занимаемых должностях».

Я полагаю, что не все читатели понимают всю замечательную наглость и самого письма, и содержащихся в нем требований. Поскольку это военная прокуратура, а все ее работники — это военнослужащие, и на них распространяется действие Дисциплинарного Устава ВС, то для примера можно сказать, что это аналогично, если бы группа рядовых написала генералу письмо, что их ротный командир решил заменить им сержанта и они просят генерала сержанта оставить, а в отношении командира роты, неспособного принять «взвешенное решение», в свою очередь, принять меры.

А если еще короче, открытым текстом, то они пишут: «Мишка! Заика и Фрол с нами в деле, выгонят — и они начнут болтать лишнее!»

Здесь нагло попирается Дисциплинарный Устав, его 110-я статья запрещает обращаться военнослужащим куда-либо мимо своих прямых командиров, в данном случае — мимо Генерального прокурора, а статья 115 запрещает писать групповые жалобы либо ходатайствовать за кого-либо: каждый обязан обращаться только от своего имени.

Ну и что же главнокомандующий Горбачев? Посрывает погоны с наглицов? Нет, наоборот: полковник Анисимов стал генерал-майором, покорился наглицам и Генеральный прокурор. 28 ноября 1991 года его старший помощник сквозь зубы ответил аппарату Президента СССР:

«Действительно, возможная реорганизация органов военной прокуратуры может потребовать решения некоторых кадровых вопросов, в том числе и в отношении руководителей Главной военной прокуратуры. В этом случае указанные заявителем доводы будут, безусловно, учтены при оценки деятельности тт. Заики и Фролова на занимаемых должностях».

Вот так! Рука руку должна мыть — Горбачев это сообразил. Эти письма показывают, что и следователи, и Горбачев знали, что делали, не могли не знать, хорошо понимали, что то, что они делают, преступно и что они в одной банде.

После таких больших людей как-то неудобно опускаться до автора статьи Льва Елина, но необходимо, чтобы еще раз подтвердить, что название «бригада Геббельса» выбрано не случайно. Прочтите такой пассаж, подсказанный свидетелю Токареву: «Я туда несколько раз заходил, но старался побыстрее уйти. Только одного мальчишку спросил: „Сколько тебе лет?“ — „Восемнадцать“. Совсем молоденький (в этом месте видеокамера фиксировала, как лицо Токарева приобрело то улыбчиво-доброе выражение, с которым старики говорят о детях, — правда, обычно это бывает не перед тем, как детей расстреливают)».

Вспомните то, что уже прочли в этой книге. У кого вы еще слышали про 17–18-летних офицеров?

Правильно! Это Геббельс учил своих журналистов: «Вообще нам нужно чаще говорить о 17–18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешить послать домой письмо и т. д., т. к. это действует потрясающе».

Если бы доктор Геббельс не отравился в мае 1945, он бы сейчас Елиным гордился: толковый ученик! Правда, вы скажете, что у Льва Елина какое-то еврейское имя и фамилия, а Геббельс вроде к евреям относился не очень и даже наоборот. Не страшно! В тогдашней Германии не всех евреев истребляли, некоторым давали почетное звание «полезный еврей». Лев, если он действительно еврей, этого звания достоин. Конечно, он не такой полезный, как упомянутый Д. Толандом Мерин, но все-таки мама может им гордиться не меньше Геббельса.

Так что же мы имеем благодаря этим свидетелям? Два очень старых, беспомощных человека дали известным нам специалистам

показания, которые невозможно подтвердить ни фактами, ни следственным экспериментом, ни элементарной логикой. Я понимаю, что у некоторых читателей все-таки сохраняется неуверенность: а вдруг? Давайте поэтому для снятия сомнений перейдем к тому, кто «осудил» поляков на смерть — к Особому совещанию при НКВД.

Особое совещание при НКВД

По первоначальной версии бригады Геббельса, начиная с декабря 1939 года НКВД готовит новые — следственные — дела для рассмотрения на Особом совещании НКВД. К марту эта работа заканчивается, где-то в это время Особое совещание выносит полякам смертный приговор и их из лагерей военнопленных вывозят в тюрьмы НКВД, где и расстреливают. До момента «выносит полякам смертный приговор» эта версия совпадает с версией подручных Сталина.

80. Действительно, 31 декабря 1939 года Берия дает приказ Сопруненко «принять необходимые меры к перестройке работы следственной группы с таким расчетом, чтобы в течение января закончить оформление следственных дел на всех заключенных военнопленных-полицейских». Как видите, речь идет пока об отправке на суд Особого совещания только полицейских, но 20 февраля с целью «разгрузки Старобельского и Козельского лагеря» Сопруненко предлагает наряду с освобождением из лагерей и отправкой домой больных, инвалидов, представителей трудовой интеллигенции из числа армейских офицеров, дополнительно оформить дела для Особого совещания и на офицеров пограничной охраны, II отдела польского Главштаба, судейско-прокурорских работников и активных членов антисоветских партий.

81. В это время в лагерях идет активная работа следователей: параллельно с папочками учетных дел заводятся папочки следственных дел, следователи жалуются, что из-за плохого знания польского оформление одного дела на одного человека занимает до 4 часов, тем не менее, например, по Осташковскому лагерю к 30 декабря 1939 года было оформлено уже 2000 дел, из которых 500 отправлено на Особое совещание.

82. По-видимому, зимой принимается решение пропустить через Особое совещание всех офицеров. Чтобы членов Особого совещания освободить от большого объема канцелярской работы, 16 марта 1940 года заместитель наркома НКВД Кабулова приказывает администрации лагерей готовить на военнопленных «Справку по личному делу». В этих справках кроме фамилии, имени и отчества

указывались год и место рождения, имущественное и общественное положение, время взятия в плен, лагерь, где содержится, чин. И пустое место для решения Особого совещания.

83. Оформленные дела и Справки отправлялись в 1 спецотдел НКВД, который, видимо, и готовил дела и материалы до стадии, когда членам Особого совещания оставалось только расписаться. В том отделе, действительно, дела на пленных рассматривались: так, из числа прошедших через Особое совещание 395 офицерам, «продавшимся москалям», немцам по национальности, предполагаемым агентам и другим, был оставлен статус военнопленного, то есть Особое совещание их не осудило.

84. Часть поляков арестовывали в лагерях, они отправлялись в тюрьмы, там велось следствие, какой-то суд определял им сроки наказания, и они, как обычные зэки, отправлялись в ГУЛАГ, где и сохранили себе жизнь. Но в отношении тех, кто оставался в лагерях, ни о каком другом суде, скажем, трибунале или чрезвычайной тройке, речи не идет — только об Особом совещании.

Даже в 1941 году Сопруненко снова просил Берию «оформить заключения для рассмотрения на Особом совещании» дел тех офицеров и полицейских, что достались СССР вместе с присоединенными прибалтийскими странами. И в 1941 году Сопруненко ни о каком другом суде не слышал. (Напоминаю, мы рассматриваем факты только бригады Геббельса.)

85. Следственная бригада Анисимова — Третецкого так же давила на «свидетелей» с целью подтвердить, что это Особое совещание приговорило поляков к расстрелу.

Елин пишет: «Впрочем, в распоряжении следствия есть и документы, составленные Сопруненко задолго до командировки. В ноябре 1939 года он дал указание передать 6005 дел поляков на Особое совещание... А предложение Сопруненко наркому Берии о разгрузке лагерей, датированное 20 февраля (где Сопруненко предлагает отпустить по домам 800 человек офицеров и отправить на Особое совещание 400 человек. — Ю. М.)... можно считать началом конвейера смерти».

«Токарева удивляют вопросы следователя: зачитывали ли полякам постановление Особого совещания? Присутствовал ли прокурор?

— Нет! Кабулов сказал: никаких живых (и не замаранных кровью. — *Л. Е.*) свидетелей быть не должно» и т. д.

86. Результатом работы всех этих анисимовых, третецких и зорей явился апофеоз маразма государственной власти в СССР — письмо Генерального прокурора СССР Н. С. Трубина Президенту СССР М. С. Горбачеву № 1–5–63–91 от 17.05.91 г. Трубин, опираясь на «показания» свидетелей Сопруненко и Токарева, пишет:

«Собранные материалы позволяют сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения Особого совещания при НКВД...».

Итак, работа бригады Геббельса завершилась признанием на самом высоком уровне, что пленные расстреляны по решению Особого совещания. Остались так, какие-то формальные мелочи для подтверждения этого вывода, и Трубин далее пишет: «В связи с этим прошу Вашего поручения общему отделу ЦК КПСС проверить наличие архивных материалов (возможно, совместных решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР) по указанному вопросу и копии их передать в Прокуратуру СССР».

Горбачев, заявивший еще в 1990 году, что поляков убил НКВД, разумеется, был крайне заинтересован «проверить наличие» и, наверняка, такую команду дал.

Проверили.

Нашли.

Прочли.

И бригада Геббельса незаметно для публики, но быстро и красиво погрузилась в большую яму с дерьмом.

87. В те годы у СССР, даже по западным критериям, была самая демократическая Конституция. Согласно ее основополагающим принципам никто в СССР не мог быть посажен в тюрьму или расстрелян иначе, чем по постановлению суда. Судов хватало: были так же, как и сегодня, народные, областные, республиканские, Верховные. Были военные трибуналы. Короче, для того чтобы расстрелять кого-либо, судов хватало.

Но у этих судов было органическое свойство: они рассматривали дела с участием адвокатов и прокуроров, перебирали все мелочи и длились достаточно долго. Обстановка была напряженной, и в СССР Верховным Советом, то есть от имени народа, а не одной партии,

абсолютно законно была создана внесудная система правосудия, уголовные дела (а политические, контрреволюционные дела были также уголовными) рассматривались «особым порядком».

Этот порядок предусматривал суды, но суды скорые — такие, какими в царской России были чрезвычайные суды. На заседаниях этих судов не было обвинителя и не было адвоката, спорить было некому. Дела они решали закрыто и очень быстро. Эти суды назывались чрезвычайными тройками и состояли не из случайных людей, а из трех должностей. Один судья был партийным руководителем области (если тройка областная) или республики, второй — начальником УНКВД или наркомом внутренних дел, третий — прокурором области или республики. Они, действительно, рассматривали дела чрезвычайно быстро: есть много свидетельств, что в считанные минуты. Не будем обсуждать справедливость их приговоров, отметим то, что нам потребуется в этом деле.

Они были законны.

Они состояли не из персональных лиц, скажем, Иванова, Петрова, Сидорова, а из должностей, на должностях люди могли меняться — на силу приговора это не влияло. Автор обращает на это внимание, чтобы читатель понял, что в СССР, как и в любой другой стране, никому не давалось личного права судить, это право автоматически предоставлялось законом тому, кто занимал должность, которая имела по закону право судить.

Итак, у правительства СССР были неограниченные законные возможности при необходимости расстрелять, причем быстро: в каждой республике и в каждой области были чрезвычайные тройки, способные немедленно оформить любую, необходимую для расстрела бумагу. Повторяем, законную бумагу.

Но были и другие случаи, когда человека требовалось посадить в тюрьму или изолировать в исправительно-трудовом лагере. Это случаи, когда человек ничего не совершил, но опасен тем, что может совершить.

К примеру, с момента вступления США во Вторую мировую войну были арестованы и посажены в концлагеря все американские граждане, кто имел хотя бы 1/16 японской крови. Правительство США сочло их опасными, хотя они ничего конкретного против США не

сделали. Мне неизвестно, кто в США непосредственно занимался отправкой американцев в лагеря, кто изучал их родственников.

В СССР для этих целей был создан законный орган — Особое совещание при НКВД. Оно существовало довольно давно, но 8 апреля 1937 года ему утвердили Положение, предоставив больше прав и возможностей. Из положения нетрудно узнать, что такое Особое совещание и что оно могло.

ПОЛОЖЕНИЕ

об Особом совещании при народном комиссариате внутренних дел

1. Предоставить Наркомвнуделу в отношении лиц, признаваемых общественно опасными, ссылать на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается НКВД; высылать на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах СССР; заключать в исправительно-трудовые лагеря и в изоляционные помещения при лагерях на срок до 5 лет, а также высылать за пределы СССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными.

2. Предоставить Наркомвнуделу право в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, заключать в тюрьму на срок от 5 до 8 лет.

3. Для осуществления указанного в п. п. 1 и 2 при Народном комиссариате внутренних дел под его председательством действует Особое совещание в составе:

- а) заместителя народного комиссара внутренних дел;
- б) уполномоченного НКВД по РСФСР;
- в) начальника Главного управления Рабоче-крестьянской милиции;
- г) народного комиссара союзной республики, на территории которой возникло действие.

4. В заседаниях Особого совещания обязательно участвует прокурор или его заместитель, который в случае несогласия как с самим решением, так и с направлением дела на рассмотрение Особого совещания, имеет право протеста в Президиум ЦИК Союза ССР.

В этих случаях решение Особого совещания приостанавливается впредь до постановления по данному вопросу Президиума ЦИК СССР.

5. Постановление Особого совещания о ссылке и заключении в исправительно-трудовой лагерь или тюрьму каждого отдельного лица должно сопровождаться указанием причины применения этих мер, района ссылки и срока.

Это Положение опубликовано «Военно-историческим журналом» в сентябре 1993 года, и посему это документ подручных Сталина, то есть нам нельзя им пользоваться. Но, право, бригада Геббельса нам так настойчиво о нем твердила, не объясняя по собственной глупости, что это такое, что нам не грех и самим взглянуть на этот ужасный орган сталинских репрессий.

Надеюсь, читатели поняли комизм ситуации, в которую попали придурки бригады Геббельса: Особому совещанию не было дано право расстреливать. Три года они старательно доказывали, что все поляки прошли через Особое совещание и поэтому убиты, а оказалось, что они три года, тасуя документы и запугивая свидетелей, сами того не ведая, доказывали, что НКВД поляков не расстреливал! Это же до какой степени маразма нужно было выродиться чиновникам государственной власти СССР — от президента до архивариуса, чтобы еще в 1990 году официально объявить миру, что польские офицеры убиты НКВД, руководствуясь при этом только воплями кретинов прессы и не удосужившись лично хотя бы взглянуть на подлинные документы? Что там какие-то анисимовы и третецкие, если даже Генеральному прокурору СССР лень было выяснить, что такое Особое совещание, перед докладом Президенту!

У автора нет никаких данных, но, по-видимому, дело развивалось так. Получив запрос от Трубина на проверку архивов ЦК, Горбачев такую команду дал. Но когда его люди увидели, что в протоколах Политбюро о расстреле ничего нет, а есть что-то типа: «дела на военнопленных польской армии рассмотреть Особому совещанию при НКВД с применением ссылки в исправительно-трудовые лагеря сроком на 5 лет и лишением права переписки», то перед ними встал вопрос: что делать дальше? Мы не будем говорить о том, что честные люди в этом случае объявили бы о своей ошибке миру и народу. Где же это мы в Кремле видали таких людей? Они, видимо, решили «по политическим соображениям» идти до конца, то есть если нет настоящего нужного протокола Политбюро, то нужно сделать фальшивку.

Протоколы геббельсовских мудрецов и тройка с бубенцами

Эти документы появились в октябре 1992 года. У подручных Геббельса, надо думать, было около года для их фабрикации. Почему так долго — не понятно. Вполне возможно, что не было толкового исполнителя как с технической стороны, так и со стороны самого текста. Одно дело — с трибуны бумажки читать, другое дело — конкретную работу сделать. Автор уверен, что со временем мы, безусловно, будем знать все подробности этого дела.

Но, думаю, будущее следствие откроет, что Главная военная прокуратура здесь ни при чем. Читатели уже заметили, что автор не очень сильно уважает ее доблестных работников, так здорово отличившихся в Катынском деле и так бесстрашно прыгнувших вместе с ним в дерьмо. Но не уважает за беспринципность: сегодня они мучают стариков, чтобы те признались, что поляков убил Сталин, а завтра посадят в камеру с гомосексуалистами польского посла, и тот через день признается им, что польских офицеров убил римский Папа. Но они государственные чиновники. Они, правда, не заняты управлением какого-либо дела, но ведут по ним следствия, и, кроме этого, они сами находятся в системе управления, а значит, понимают, что такое приказ, документ, распоряжение, протокол, как они должны выглядеть, какие на них должны быть пометки, кто, когда и в каких случаях их подписывает — в общем, все то, что составляет специфику чиновничьей службы, понимают то, по чему определяется, действительно человек — профессионал или выдает себя за такого. В любом деле есть много вещей, присущих только этому делу и не видных постороннему. Скажем, если человек в тельняшке и фуражке с «крабом» говорит: «Мы приплыли в Марсель», — не верьте, что он моряк. Моряк скажет: «Мы пришли в Марсель».

Работники Генеральной прокуратуры — это чиновники-профессионалы. Я не верю, чтобы они могли, даже лентясь и не думая о том, что они делают, так глупо и бездарно изготовить фальшивки. Я

говоря не о технике подделки подписей, а о содержании документов и их атрибутике.

Эти документы фабриковал свободный художник — либо журналист, либо историк, либо какая-то уж такая безответственная аппаратная крыса, которая, кроме болтовни, ничему не научилась.

Прежде чем конкретно заняться этими документами, зададим себе вопрос: а можно ли было, в принципе, сфальсифицировать документы, сделать их похожими на подлинные после того, что бригада Геббельса уже успела так много всего опубликовать? Думаю, что можно было. Если бы за них взялся человек, который работает не за доллары. Не за страх, а за совесть. Который бы так болел за это дело, что понял его.

Видите ли, во всех документах есть строчки, которые подручным Сталина невозможно опротестовать: пленные были направлены в распоряжение УНКВД областей. Сейчас мы понимаем, что после назначения им срока эти УНКВД обязаны были переквалифицировать их в заключенных и отгородить от мира. Но ведь в каждой области была чрезвычайная тройка. Особое совещание не могло расстрелять, но она-то могла!

Поэтому фальсификатор должен был вооружиться такой идеей — в марте Политбюро изменило решение: оно отменило свое прежнее согласие о направлении дел пленных на рассмотрение Особому совещанию и приняло новое — направить их на рассмотрение чрезвычайными тройками Смоленской, Харьковской и Калининской областей. Все бы сошлось: пленные направлялись в лапы убийц. Но ума на это не хватило. Вообще, его хватило не на многое.

88. Это понимала и бригада Геббельса. Поэтому в октябре 1992 года придурки прессы стали радостно кричать, что найден протокол Политбюро, но нигде не то что не было опубликовано ни единой фотографии его, никто никогда и не цитировал его. На что Волкогонов, прожженный тип, которому, казалось бы, и терять нечего, но и он в декабре 1994 года в телепередаче только помахал несколькими листиками перед телезрителями и не прочел, а просто сказал, что согласно этой бумаге Политбюро решило убить польских офицеров. Было очевидно, что сама бригада Геббельса боится этих фальшивок.

Вы уже поняли, что автор этой книги несколько интересуется Катынским делом, но и он с 1992 года нигде не мог найти этих документов, пока в начале 1995 года ему не передали уже упоминавшийся сборник «Военные архивы России». В этом сборнике, в первом выпуске, были опубликованы эти фальшивки в гуще других, безусловно подлинных документов. О самом же сборнике автору поведали следующую историю, за достоверность которой автор не ручается. Тираж его был отпечатан (кстати, неизвестно где: против всех правил не указана типография), но не пущен в продажу, лишь примерно 600 экземпляров были разосланы в библиотеки Запада.

Это надо понимать так: когда фальшивки уже сфабриковали и Ельцин передал их полякам, то сразу и поняли, что лучше бы этого не делать, да поздно было.

89. Бригада Геббельса «обнаружила» в архивах три документа: «письмо Берии Сталину»; «выписку из протокола Политбюро № 13 от 5.03.1940 г.»; «письмо Шелепина Хрущеву от 3 марта 1959 г.».

Давайте сначала посмотрим на них, не читая, глазами чиновника.

Любой документ государственного или хозяйственного учреждения несколько отличается от частного письма «на деревню дедушке». Во-первых, эти документы всегда исполняются на бланке. Бланк — это первая страница письма, приказа или распоряжения, на которой типографским способом или пишущей машинкой отпечатано название учреждения и место для заполнения собственного имени самого документа — его номера и даты. После того как документ будет подписан и приобретет силу, его будут называть этим именем, к примеру: «письмо Трубина Горбачеву № 1–5–63–91 от 17.05.91 г.» или «приказ по КГБ N 500 от 1961 года о секретном делопроизводстве». Без этих атрибутов это не документ, а бумажка. Недопустимо писать личные письма на бланке своего учреждения и вести на бланках переписку внутри учреждения, но и немыслимо, чтобы из учреждения, особенно от его главы, вышло письмо в другое учреждение не на фирменном бланке и без собственного имени. Это невозможно, это все равно, что Берии подняться на трибуну Мавзолея на празднование 1 мая без брюк, в одних трусах.

Номер письма и дата не дают возможности подделать письмо. Допустим, вы написали фальшивое письмо, поставили на нем номер и дату. Оно будет немедленно разоблачено, так как в том учреждении,

от имени которого вы послали письмо, под этим номером в журнале регистрации будет зарегистрировано совершенно другое письмо, причем, возможно, на другой адрес, от другого руководителя этого учреждения. Более того, в архиве этого учреждения может быть сохранена и копия подлинного письма с этим номером и датой, но даже если копии не будет, то обязательно будет указано, от кого это письмо и кому. Номер на письме — это как номер на банкноте, две банкноты с одинаковыми номерами немедленно подскажут даже неспециалисту, что одна из них подделана. А письмо без номера — это как банкнота без номера, даже если внешне она очень похожа на настоящую и на ней есть подпись председателя казначейства или национального банка.

А письмо наркома внутренних дел СССР и письмо Председателя КГБ СССР написаны на простой бумаге и не имеют номеров, письмо Берии не имеет и даты. Их можно уже и не читать.

90. В любом большом учреждении есть человек, который заведует хозяйственной частью, он отвечает за то, чтобы все работники учреждения не испытывали неудобств в работе. И в первую очередь, разумеется, самый большой начальник. Он обеспечивает учреждение столами, стульями, пишущими машинками, бумагой, копиркой и лентой к ним, он заказывает в типографии бланки этого учреждения. Работа не бог весть какая, но если работать в Кремле, то это престижно, такой работой будут дорожить и делать ее будут очень тщательно.

Третий документ — «выписка протокола Политбюро» — напечатана на бланке предыдущего десятилетия. Это невозможно. Немыслимо, чтобы завхоз допустил, а технические работники Политбюро пользовались третий месяц, 13 заседаний Политбюро, бланками, на которых они должны делать исправления рукой (что само по себе немыслимо на документах такого уровня) и на которых легко сделать ошибку. На этом бланке есть место для собственного имени, оно полузаполнено: «Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК от... 193... г.». То есть номера и даты там, где им полагается быть, нет, но выше отпечатано: «N П13/144 от 5 марта 1930 г.». Вы видите, как легко ошибиться: здесь либо фальсификатор, либо наборщик типографии, вместо *1940* года, впечатал *1930*.

По внешним, чисто канцелярским признакам все три документа — безусловная подделка. Немыслимо, чтобы Берия явился на демонстрацию в трусах, но чтобы вместе с ним и Сталин явился в трусах, а через 19 лет и Шелепин?!!

91. Далее. Все три документа имеют гриф «Совершенно секретно», но не имеют необходимых для такого рода документов записей того, кто их отпечатал, — его фамилию, сколько экземпляров он отпечатал, что сделал с черновиком, копиркой и лентой пишущей машинки.

92. Что здесь наиболее вероятно. Фальсификаторы нашли в архивах ЦК чистый бланк решений Политбюро тридцатых годов, но чистых бланков НКВД и КГБ 40-х и 50-х годов им найти не удалось, что естественно, учитывая профессиональную осторожность этих организаций.

Заказать в типографии новые невозможно, так как надо заказать и изготовление шрифта тех годов, причем со всеми его мельчайшими особенностями и дефектами.

Кроме этого, на фальшивых письмах невозможно было поставить номера, эти номера зафиксированы в книгах учета исходящих документов НКВД и КГБ и под ними будут числиться совершенно другие письма. А номер решения Политбюро чрезвычайно странен (возможно, здесь автор чего-то недопонимает). Согласно этому номеру 5 марта 1940 года Политбюро на своем заседании рассмотрело 144 вопроса! Если на обсуждение каждого отпустить хотя бы 10 минут, то получится, что 5 марта Политбюро непрерывно, без обеда и отдыха, заседало 24 часа!

Надо думать, что сам протокол Политбюро и повестку дня этого заседания фальсификаторы уничтожили, руководствуясь замечательным принципом доказательств бригады Геббельса: если чего-то нет, то, значит, польских офицеров убили Сталин и НКВД.

Отсутствие внешних обязательных атрибутов на «найденных» документах все-таки вызвано техническими причинами, сделать подделки более качественно подручным Геббельса не позволили объективные обстоятельства.

Но в этих «документах» заложено столько смысловых глупостей, что объяснить их отсутствием хорошего гравера нельзя. Причина в

органическом кренинизме тех людей, кому бригада Геббельса доверила подделку.

93. Первый документ — письмо Берии Сталину без номера и даты адресовано «ЦК ВКП(б) товарищу Сталину». Его текст:

«В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное количество лиц, которые являются участниками к-р шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) — 14.736 бывших офицеров, осадников и разведчиков — по национальности свыше 97 проц. поляки.

Из них:

Генералов, полковников и подполковников — 295

Майоров и капитанов — 2.080

Поручиков, подпоручиков и хорунжих — 6.049

Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии — 1.030

Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков — 5.138

Чиновников, помещиков, ксендзов и осадников — 144.

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18.632 арестованных (из них 10.685 поляки), в том числе:

Бывших полицейских разведчиков и жандармов — 5.141

Бывших офицеров — 1.207

Шпионов и диверсантов — 347

Бывших помещиков, фабрикантов и чиновников — 465

Членов различных к-р и повстанческих организаций и разного к-р элемента — 5.345

Перебежчиков — 6.127.

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков

— рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку тт. МЕРКУЛОВА, КОБУЛОВА, БАШТАКОВА (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР».

Составители сборника привели факсимильное изображение подписи Берии под письмом и от себя сделали примечание о том, что еще они видели (или им об этом рассказали) в этом письме:

«На первой странице документа подписи И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова, А. И. Микояна. М. И. Калинин и Л. Н.

Каганович на заседании отсутствовали, но высказались „за“.

В пункте III фамилия Берии вычеркнута, вписана чернилами фамилия Кобулова».

Никаких других надписей составители сборника не обнаружили, в связи с этим к ним естественный вопрос: как они узнали, что Калинин и Каганович не присутствовали, но высказались «за»? Как они увидели это из данного текста или кто им об этом сказал?

Второе. Подпись ставят под собственным изделием — письмом, приказом, резолюцией. На чужом документе — это роспись. Ни о каких резолюциях Сталина, Ворошилова и других не упоминается, следовательно, на этом документе подпись Берии и роспись членов Политбюро. Это тонкость, но сейчас она становится очень важной.

Дело в том, что подчиненный (в данном случае — Берия) обращается к начальнику (Политбюро) за помощью, либо за согласованием своих действий. Есть и другие случаи, но нас сейчас интересуют только эти два, так как простая роспись или подпись под резолюцией на этих двух видах обращений имеют прямо противоположное значение. Получив от подчиненного документ, начальник не имеет права на нем не расписаться, так как будет неясно, видел ли он его вообще, и важна не его роспись сама по себе, а случай, по которому он ее ставит.

Первый случай. Подчиненный имеет полное право делать то, что он думает, но его действие может задеть всю систему управления, в которой он всего лишь часть, и он не отвечает за возможные последствия для всей организации. Он просит начальника согласовать свое действие. В этом случае самому начальнику делать ничего не нужно, распоряжений не требуется, ему нужно только согласиться. И тогда на просьбе подчиненного согласовать его действие он ставит просто роспись и она означает его согласие. Если же он не согласен, то будет и резолюция — «запрещаю», «отложить» и т. д. И адресуются эти росписи и резолюции тому, кто обратился за согласованием.

Но если подчиненный просит самого начальника произвести действие — дать приказ, распоряжение, обратиться в вышестоящий орган, то тогда надписи на письме подчиненного адресуются не ему, а своему аппарату для подготовки решения. При согласии будет резолюция или команда — «согласен», «подготовить письмо», «в приказ» и т. д. По этим резолюциям можно понять, что начальник

полностью согласен. Если он вызывает кого-то из аппарата, например: «т. Меркулову. Переговорите со мной» или «Зайдите», то, значит, он еще сомневается. Но если он просто расписывается, то он «против» — это заменяет резолюцию: «Просьбу подчиненного оставить без последствий, ничего не делать». Аппаратный работник, получив бумагу без резолюции, с одной росписью, видит, что начальник бумагу видел, но никаких распоряжений не дал, а значит, бумагу можно отправлять в архив, содержащиеся в ней предложения не устраивают начальника.

Я понимаю, что эти тонкости непонятны и, может быть, неинтересны подавляющему числу читателей, но разобрать их надо, так как их не понимал и тот, кто подделывал письма.

Нам нужно из «письма Берии» уяснить, просил ли он Сталина поработать или согласовать его собственное действие. Вы уже видели: максимум, что разрешалось НКВД, да и то под контролем Генерального прокурора, — это сослать человека сроком до 5 лет или посадить в тюрьму до 8 лет. А Берия «просит» права расстрела, да еще и огромного числа людей. Чтобы предоставить это право, Политбюро обязано было обратиться в Верховный Совет за соответствующим Указом, разработать положение об этой «тройке». Чтобы аппарат Политбюро мог это сделать, члены Политбюро обязаны были на «письме Берии» оставить резолюции, свои команды аппарату.

Еще пример, чтобы было понятно, о чем речь. Вот 6 мая 1927 года нарком по военным и морским делам и председатель РВС Ворошилов просит Политбюро выделить валюту для отправки в Чехословакию, в Карлсбад, жены героя Первой мировой войны генерала Брусилова и ее сестры. (Брусилов умер в 1926 году.) Пустячная просьба, но она на бланке наркома, имеет дату и № 010375. И Сталин не просто расписывается, на письме стоит пометка: «Сталин — за». По этой резолюции аппарат включает вопрос тридцатым пунктом в повестку дня заседания № 101 от 9 мая, а 12 мая рассылает выписки из этого протокола, в которых указывается решение — женщинам разрешить выезд на курорт и обеспечить их валютой.

А на «письме Берии» стоят простые росписи, там нет резолюций «за», «согласен» и т. д. И эти простые росписи означают, что Политбюро Берии в его просьбе отказало.

94. Но это недосмотр, непонимание дела фальсификатором. На самом деле и Берия был не тот человек, чтобы нарываться на отказ Политбюро, да и какой-нибудь член Политбюро не удержался бы и что-нибудь написал, типа «нет» или «пошел ты...».

Эти росписи действительно означали согласие, но вот на каком письме? Нет сомнений, что Берия не мог не согласовать свои действия с Политбюро в случае с пленными. Он обязательно их согласовал.

Когда мне передали текст этого письма, то передали и слух, идущий от работников архивов, о том, как именно письмо подделано. Они считают, что в этом письме на двух страницах оставлена первая страница с росписями Политбюро и подменена вторая. Но думаю, что это не так. Это и сложно, и принципиально фальсификаторам не подходило. В этом случае остался бы бланк НКВД, номер и дата письма. Проще простого подделать простые росписи.

Но фальсификатор (и это правильно) старался в подлинном письме Берии сделать как можно меньше исправлений, чтобы сохранить слог Берии. Но, сохранив стиль, он не смог сохранить смысл, и простые росписи согласия членов Политбюро на первой странице приобрели прямо противоположное значение — они стали запрещающими.

Ведь посмотрите на дурацкую фразу в «письме Берии», которая отделяет констатирующую часть письма от просьбы: «...НКВД СССР считает необходимым: 1. Предложить НКВД СССР...». Как это понять? Берия считает необходимым предложить Берии?

Нет сомнений, что в подлиннике эта фраза звучала так: «НКВД СССР считает необходимым: 1. Предложить Особому совещанию при НКВД СССР...». Тогда все логично. Берия — начальник, и он счел необходимым предложить (приказать) своему подчиненному — Особому совещанию. Фальсификатор, вычеркнув из фразы подлинного письма Берии три слова «Особому совещанию при», превратил фразу в идиотскую.

Далее I раздел имеет, видимо, подлинный текст, кроме приказной части. Вместо фальшивого: «рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела» — было: «рассмотреть в особом порядке, с применением к ним ссылки в ИТЛ сроком на 5 лет и лишением права переписки».

Раздел II, может быть, подлинный, а раздела III, вероятнее всего, не было вообще и вместо него стояла необходимая для этого письма фраза: «Прошу Политбюро согласовать мои действия с политической точки зрения».

Свободный художник, подделывавший письмо, недоучел, что начальник — это не любовница, ему по своей инициативе писем без слов «прошу» не пишут.

Фальсификатору казалось, что, проделав с подлинным письмом Берии столь незначительные операции, он исполнит его очень похожим на настоящее. А вышло, по Черномырдину: «думали, как лучше, а получилось, как всегда».

Таким образом, в подлинном письме Берии было все логично. Он имеет законное право решением Особого совещания сослать в ИТЛ кого угодно и в любом количестве. Ни у кого разрешения на это ему спрашивать не требуется, никаких приказов и никому по этому поводу его начальникам давать не надо. И члены Политбюро сказали свое «за», согласовав предложение Берии простой росписью.

95. У чиновника в крови уважение к цифрам, он ими отчитывается, это основа его наказания и благодарности. Он никогда без очень сильных оснований цифру не округлит. Журналист, писатель, историк — эти, пожалуйста, эти могут 4,5 тысячи арестованных офицеров Красной армии без труда округлить «в примерно 50 тысяч убитых». Чиновник так не сделает и особенно в таком случае. Смотрите, Берия «пишет», что у него в лагерях военнопленных 14736 офицеров и прочих, а расстрелять предлагает только 14700; в тюрьмах у него 18632 врага, а расстрелять он предлагает всего 11000. Принести такое письмо Сталину — это немедленно нарваться на вопрос: «Лаврентий! А что ты собираешься делать с оставшимися 36 офицерами и 7632 врагами? Солить? За свой счет их содержать?» А как Берия объяснит и администрациям лагерей и тюрем, кого именно надо отбирать для рассмотрения дел на «тройке»?

Чиновник точно повторил бы эти цифры, если кого-то требовалось оставить в живых, их оставила бы «тройка». И к нему ни у кого не было бы вопросов.

96. И теперь о «тройке». Эта мысль фальсификатора настолько дурацкая, что его «тройку» можно назвать «тройкой с бубенцами» от

его дурацкого колпака.

Прежде всего потому, что эта «тройка с бубенцами» состоит из конкретных персон. Представьте, что пока выписка из протокола уйдет во ВЦИК СССР, пока там ее оформят Указом, пройдет время. Покажут Указ члену «тройки» майору Баштакову, и он с перепугу умрет. Что останется от «тройки с бубенцами»? Правильно — пара гнедых. Но этой паре судить поляков не дозволено. Что делать? Берия должен новое письмо писать, Политбюро должно новое решение принимать. Фальшивку готовил дурак, абсолютно не представляющий, ни что такое государство, ни как оно функционирует. Дурак, который об истории СССР знает исключительно то, что писал ранний Солженицын и поздний Волкогонов — кумиры дебильных деток бывших партаппаратчиков.

97. Если сохранить «тройку с бубенцами» в тайне, то тогда ее приговоры ни для кого не будут обязательными. Любой начальник тюрьмы не исполнит приказа неизвестно откуда взявшейся тройки. Что он — самоубийца? А показать всем «решение Политбюро» — это оповестить весь мир. Кроме того, где вероятность, что все выполнят «решение Политбюро»? Ведь Политбюро — не государственная власть, а приказ «убить» может поступить только от законного органа, назначенного Верховным Советом СССР.

Никогда, даже в тяжелые минуты, в СССР законная форма проведения суда над людьми не нарушалась. Не было в этом необходимости. К примеру, в 1941 году возникла угроза, что немцы захватят в орловской тюрьме лидеров партии эсеров. Эсеры в тюрьме были расстреляны. Но не по приказу Сталина или Политбюро. По приговору Верховного Суда СССР, который для этой цели быстро собрался, вернул дело на новое рассмотрение, рассмотрел и вынес новый приговор. А любая чрезвычайная тройка, скажем, Орловской области, могла сделать это еще быстрее.

При наличии в СССР чрезвычайных троек в областях и республиках можно было, в абсолютно законном порядке, тайно (чрезвычайная тройка обычна и никому не бросается в глаза) расстрелять кого угодно и в любом количестве. Эта «тройка с бубенцами» в составе Кабулова, Меркулова и примкнувшего к ним майора Баштакова — шедевр кретинизма бригады Геббельса. Доктор

Геббельс их за это бы не похвалил, нет, не похвалил. Таких идиотов и он у себя не держал.

98. Но на «тройке с бубенцами» идиотизм не закончился. Читаем следующий «документ». Он исполнен на стандартном бланке выписок из протокола Политбюро, которые рассылаются для знакомства с решением Политбюро тех, кому это решение предстоит исполнять. То есть это не сам протокол — протокол бригада Геббельса до сих пор «ищет».

Вверху бланка предостерегающая надпись: «Подлежит возврату в течении 24 часов во 2-ю часть Особого Сектора ЦК (Пост. ПБ ЦК от 5. V. 27 пр. 100 п. 5) „и гриф „Совершенно секретно Из О. П.“».

Выписка имеет примерно такой вид:

**«ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ(большевиков)**

Центральный комитет — № П13/144 5 марта 1930 г.

тов. Берия

***Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК
от 193_г***

Решение от 5. III.40 г. 144. — Вопрос НКВД СССР

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т. т. Меркулова, Кабулова и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Секретарь ЦК».

Составители сборника «Военные архивы России» описали надписи на этом листе:

«На выписке из протокола стоит резолюция: „Изъято из протокола „ОП“ 4.03.1970 года М. закрытый пакет. Согласовано с т. Черненко К. У.“ Подпись неразборчива».

(Еще бы подпись была разборчива. Человек, который в 1970 году «ставил резолюцию», может, еще и жив.)

99. Из состава подписей и надписей становится понятно, что сама выписка из протокола Секретарем ЦК не подписана, иначе было бы факсимиле его подписи или было бы указано, чья именно подпись стоит под выпиской. То есть эта бумажка без подписи не является документом вообще. Это не более, чем бумажка, которая годится только для того, чтобы ее в известном месте использовали для известного дела.

100. Представьте, что Берия жив и вы говорите ему: «Гражданин Берия, вот выписка из протокола Политбюро доказывает, что вы расстреляли поляков!» Он вам ответит: «А как из этой бумажки видно, что я когда-либо держал ее в руках? На ней что — есть моя роспись в получении? Эта бумажка годится только для того, чтобы приколоть ее на зад тому, кто ее „нашел“, английской булавкой».

Ведь Берия, по идее, мог держать ее в руках не более 24 часов. Следовательно, на ней должна быть расписка Берии: «Получил 6.03.1940 в 11–00» — и другая — работника 2-й части Особого Сектора ЦК: «Принял у т. Берии 7.03.1940 в 10–30». Иначе как узнать, исполняется постановление Политбюро № 100 от 1927 года или нет?

101. Ну ладно, какие-то читатели скажут, что это тогда так принято было — хочешь, подписывай документы, хочешь — не подписывай, хочешь — пиши письмо Сталину на бланке, а хочешь — на салфетке из ресторана. Но смотрите на адрес — в нем указан получателем только Берия и лично он, не указана даже его должность, чтобы можно было подумать, что он ознакомил с этим совершенно

секретным документом еще кого-то как начальник. А ведь исполнители решения Политбюро другие люди, их почему нет в рассылке? И до этого, и после этого на всех приведенных в сборнике выписках из протоколов Политбюро всегда указаны все те адресаты, кто должен исполнять решение или знать о нем. А здесь только Берия. А как майор Баштаков узнает, что он член «тройки с бубенцами»? Ладно, пусть не соблюдена форма, но смысл-то должен оставаться! А здесь ни формы, ни смысла. Зачем давать приказ Кабулову, Меркулову и Баштакову, если потом сам приказ им не показать, не ознакомить их с ним?

102. Когда фальсификаторы дошли до изготовления третьей фальшивки, они уже окончательно утомлены. Цель этой подделки, видимо, в том, чтобы предупредить всех остальных исследователей: ничего не ищите, Хрущев все сжег! Текст ее приводится ниже.

Особая папка

Совершенно секретно

Товарищу Хрущеву Н. С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т. п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек, из них: в Катинском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3.820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.3305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т. е. с 1940 года, никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21.957 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более что в отношении расстрелянных в Катинском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии, именованной: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами.

Материалы расследования в тот период широко освещались в Советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решений троек.

По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР

А. Шелепин

3 марта 1959 года

Проект постановления таков:

Совершенно секретно

Постановление Президиума ЦК КПСС

от _____ 1959 года

Разрешить Комитету Государственной Безопасности при Совете Министров СССР ликвидировать все дела по операции, проведенной в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 5 марта 1940 года, кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР.

(И здесь составители сборника сделали замечание по чьей-то подсказке:

«Постановления Президиума ЦК КПСС по этому вопросу в „Особой папке“ не обнаружено».

И опять нам непонятно, как составители сборника об этом узнали).

103. К документам высших руководителей страны и министерств всегда чрезвычайно высокое требование. В них не должно быть помарок и ошибок, каждая цифра тщательно вычитывается и сравнивается с другими.

А вы посмотрите, что в этом шедевре. В первом абзаце написано, что «было расстреляно 21857 человек», а в третьем — «все дела в количестве 21 957» хранятся. Разница в 100 дел прямо бросается в глаза, ее бы и Шелепин заметил, а уж какой-то полковник КГБ, который по идее должен был готовить это «письмо», не допустил бы этой описки никогда.

104. Чтобы сослаться на решение партийного органа, на дату, он обязан был иметь перед собой выписку, или протокол, или письмо — любой документ, где указано, что это за решение. Этот гипотетический полковник КГБ скрупулезно перенес бы название решения — «решение Политбюро ЦК ВКП(б) № 13 от 5 марта 1940 года» — в письмо Шелепина. А он пишет «КПСС», которой в те годы и близко не было, он пишет «Постановление ЦК», то есть дает основание полагать, что Сталин обсуждал этот вопрос с сотней членов тогдашнего ЦК и что 5 марта 1940 года проходило не заурядное заседание Политбюро в составе четырех человек при двух отсутствовавших, а Пленум Центрального Комитета. То есть в убогом представлении фальсификатора КПСС взяла власть в октябре 1917 года, между ее Политбюро и ЦК никакой разницы нет — это один и тот же орган. Но Шелепин-то знал все это. Как бы он подписал эту чушь — КПСС в 40-м году? Он — член ЦК партии, переименованной в КПСС лишь в 1952 году!

105. Но главное в другом. Отличие военнопленных и интернированных в том, что они находились в лагерях для военнопленных и интернированных. Только в лагерях на них заводились учетные дела на военнопленных. А те, кто был арестован и посажен в тюрьмы, имели следственные или уголовные дела, но никак не учетные на военнопленных. Откуда же тогда у Шелепина появилось 7 305 учетных дел на военнопленных, если эти люди сидели в тюрьмах и не являлись военнопленными?

106. Но и это еще не так смешно. В «письме» написано, что в КГБ в 1959 году хранилось 3 820 учетных дел на военнопленных Старобельского лагеря, а мы на странице 117 перепечатали Акт из этого лагеря, безусловно подлинный, где указано, что 4 031 «учетное дело на военнопленных» было сожжено на основании распоряжения «капитана Госбезопасности тов. Сопруненко» «1940 года, октября месяца, 25 дня». Фальсификатору не хватило ума об этом вспомнить,

он своей фальшивкой восстановил из пепла и перенес в 1959 год учетные дела, уничтоженные в 1940 году.

107. И уж как-то неинтересно напоминать, что на этом письме из КГБ без номера составители сборника не воспроизвели факсимильное изображение подписи Шелепина и не сообщили о ее наличии.

Но это письмо полезно тем, что своей явной смысловой фальшью оно перечеркивает все случайные совпадения, которые могли быть, чтобы первые два «документа» можно было хотя бы условно считать подлинными.

Вообще эти фальшивки в духе Геббельса и Гитлера, которые учили, что брехать надо нагло: простой народ так не врет, он врет только по мелочам и не верит, что брехать можно настолько подло. Поэтому в наглой брехне его легче убедить. Правда, Гитлер и Геббельс, кажется, считали, что и к брехне придурков подпускать не стоит и брехать должны люди поумнее.

108. По сути, мы провели смысловую экспертизу этих фальшивок и выявили неустранимые противоречия, подтверждающие, что данные документы ни в каком случае не могут быть подлинными. Суммируем главное:

— росписи на «письме Берии» противоречат смыслу, они отказывают Берии в просьбе;

— указанная в письме «тройка» не имеет смысла, поскольку расстрел можно было произвести на основе законных чрезвычайных троек;

— приговоры этой «тройки» никто не исполнит, так как она создана не Указом ЦИК СССР, и о том, что Политбюро пыталось этот Указ получить, даже не упоминается;

— членов «тройки» никто не оповещал, что они замешаны в этом деле;

— сама «тройка» противоречит и документам, и показаниям свидетелей, которые Анисимов и Третьцкий добыли до появления этих фальшивок; — «тройка» персональна, чего в принципе быть не могло;

— письмо Шелепина особенно безграмотно, оно путает элементарные вещи: решение Политбюро и Постановление ЦК, КПСС и ВКП(б), справки на военнопленных и справки УНКВД, уголовные

дела в нем спутаны с учетными делами на военнопленных, этих дел больше, чем вообще могло быть;

— в фальшивках упоминаются как целые в 1952 году учетные дела на военнопленных Старобельского лагеря, сожженные в 1940 году;

— и прочее, о чем написано выше.

109. Справедливости ради надо сказать, что ложность «документов» понимает и сама бригада Геббельса. С чего иначе журналисту Н. Ермоловичу в «Известиях» от 24 июня 1994 года по своей инициативе поднимать эту тему в интервью с Анисимовым?

«Но, может быть, это ложные документы, фальсифицированные? — вопрошает журналист. — Нет, — отвечает генерал-майор юстиции Николай Леонидович Анисимов, начальник Управления надзора за исполнением законов о федеральной безопасности Главной военной прокуратуры. — Полученные из архива ЦК КПСС документы, как, впрочем, и все остальные, привлекаемые по Катынскому делу, в обязательном порядке подвергаются самой тщательной экспертизе. Она установила, что они, вне всякого сомнения, подлинные».

Хороший прокурор. Наш — как оценивал подобных прокуроров новый хозяин — Ельцин.

По нему и «показания» свидетелей (которые он лично добыл у стариков) о том, что пленные расстреляны по решению Особого совещания при НКВД, — «подлинные», и «тройка с бубенцами» в «решении Политбюро» — «вне всякого сомнения».

И «письмо Шелепина» с предложением сжечь в 1959 году учетные дела Старобельского лагеря — «подлинное», и Акт администрации Старобельского лагеря о том, что эти дела сожжены в 1940 году — «вне всякого сомнения». Надо сказать, что и сам журналист Николай Ермолович не упустил случая напомнить нам, что в послеперестроечной прессе умные журналисты в диковинку, и заявил подзаголовком без тени юмора: «Прокуратура ручается за достоверность».

Что в итоге мы должны для себя понять? Что такое подлое и беспринципное поведение бригады Геббельса — это не просто очередное доказательство правоты версии Сталина, это ее итоговое косвенное доказательство. Нет уже ничего у подручных Геббельса, и

они, не стесняясь, пошли фабриковать «доказательства» — грубо, тупо, но подобострастно.

Мы начали расследование с того, что поставили его в угоду подручным Геббельса с ног на голову: вместо того чтобы сразу заняться прямыми доказательствами убийства, мы на протяжении всей книги рылись в помоях, которые за 50 лет бригада Геббельса успела выплеснуть в это дело. Но зато перерыли все, и 109 эпизодов тому свидетельство. Теперь займемся прямыми доказательствами.

Прямые доказательства

Их три. Два вещественных, оставленных убийцами на трупах офицеров и возле них, и третье — время совершения убийства.

110. О времени совершения убийства нам обязан сказать судмедэксперт, тем более что для него это не очень трудно. Тело мертвого человека разлагается, степень разложения зависит от времени и от условий. Зимой медленнее, летом быстрее. В 1943 году, когда немцы эксгумировали останки в первый раз, определить время убийства было особенно легко: если оно было в мае 1940 года, то от этой даты прошло три лета, три теплых сезона, когда останки разлагаются особенно быстро. Если убийство произошло осенью 1941 года, то тогда прошло лишь одно лето, один теплый сезон. Разница по времени практически тройная. Поэтому дадим слово чешскому профессору судебной медицины Франтишеку Гаеку, который был взят немцами в международную комиссию судмедэкспертов в 1943 году, но который в своей книге «Катынские доказательства» отверг акт этой комиссии еще в 1945 году, когда «коммунистического режима» в Чехословакии еще и близко не было. И отверг он геббельсовский акт по следующим профессиональным соображениям:

«Кроме этого, я занимался вопросом, сколько времени прошло с момента уложения трупов в раскопанные могилы в Катынском лесу, и на основании таких наблюдений и вскрытия нескольких трупов установил, что трупы, безусловно, не могли лежать там 3 года, как это утверждали гитлеровцы, а только очень короткий срок, максимально немногим более одного года.

Показания свидетелей, допрошенных самими гитлеровцами, использованные для изданного ими тогда отчета, были неопределенны, противоречивы, потому что ни один из них не был непосредственным очевидцем. Мы же не имели возможности изучить их показания или убедиться в том, говорят ли они правду.

Решающими поэтому были иные обстоятельства и прежде всего степень разложения трупов. Трупы очень хорошо сохранились, лишь в некоторых случаях отсутствовали мягкие покровы в области темени, но суставы не были отделены, сохранились нос, губы, пальцы, даже

кожа на теле. Если мы сравним то, что мы нашли здесь, с тем, что было найдено в общих могилах на пути так называемого похода смерти от западных границ Чехии к Терезину, особенно тем, что было найдено в общей могиле вблизи Богосудова, где от трупов, несмотря на то, что они лежали в земле лишь 6-8 месяцев, оставались одни скелеты, — мы неизбежно приходим к заключению, что трупы в Катинском лесу Заключению, что трупы в Катинском лесу не могли быть погребены за три года до этого, но были погребены только за год, самое большее за полтора года до нашего прибытия (апрель 1943 г. — Ю. М.).

Об этом свидетельствует также установленное экспертизой начало адипоцирации трупов в могиле № 5, куда проникала вода. Адипоцирация — это превращение мягких частей тела в особую серо-белую клейкую массу, которая, как показывает опыт, образуется приблизительно через год на коже и в подкожной соединительной ткани, через два года — в мягких частях на поверхности тела и приблизительно через три года — во внутренних органах, грудной и брюшной полости. Если бы трупы лежали в могиле № 5 три года, этот процесс захватил бы и внутренние органы, но этого не было.

Форменная одежда польских офицеров совершенно сохранилась, ее отдельные части можно было снять с тела без повреждений, расстегнуть пуговицы, ткань не истлела и не расползлась. Металлические части, как например, сапожные гвозди или пряжки, несколько заржавели, но кое-где сохранили свой блеск. Табак в портсигарах был желтый, не испорченный, хотя за три года пребывания в земле и табак, и ткань должны были сильно пострадать от сырости».

Как видите, у специалистов есть свои приемы определения сроков убийства, и не мудрено, что впоследствии ни один из 12 судмедэкспертов, «приглашенных» немцами в 1943 году, не подтвердил время убийства 1940 год. Их бы после этого перестали считать судмедэкспертами, в глазах коллег они были бы людьми, не имеющими элементарных понятий об азах своей работы.

Это прямое доказательство того, что польские офицеры были убиты осенью 1941 года, под Смоленском тогда были немцы, следовательно, они и убийцы.

111. Вторым прямым доказательством, указывающим на убийцу, являются пули и стрелянные гильзы. Они были калибра 7,65 и 6,35. Гильзы имели маркировку немецкой патронной фабрики «Геншов и Ко», сокращенно «Геко».

Бригаде Геббельса это обстоятельство так не нравится, что она просто решила не считать его доказательством — вот не доказательство это, и все тут!

Известные нам четыре польских профессора выкручиваются так: «Лишь два вопроса, связанные с Катынским делом, вызывали растерянность гитлеровских пропагандистов: число жертв (не нашло подтверждение в ходе эксгумационных работ называемое ими число в 10–12 тысяч), а также факт использования при казнях патронов немецкого производства, что позднее было объяснено массовым экспортом этих патронов в СССР (до 1932 года), а также в Польшу и прибалтийские страны».

Как видите, четыре профессора патроны считают не доказательством, а лишь «слабым местом» их гитлеровской пропаганды. Оказывается, им кто-то объяснил, что до 1932 года был «массовый экспорт» в СССР. Надо было у того, кто им объяснил, заодно и спросить: а кому они были нужны в СССР?

Кому нужен в СССР патрон 7,65 мм, если в наганах использовался оригинальный (русский) патрон 7,62 мм, а в «ГТ» патрон конструкции Маузера, но тоже калибра 7,62 мм. И пистолеты Маузера были единственными закупаемыми в Германии до появления пистолета «ГТ». Их в самой Германии называли «Боло-маузер» — большевистский маузер. Но они имели также свой оригинальный патрон бутылочной формы и калибра 7,63 мм, а не 7,65. Пистолету Коровина требовался свой, русский, усиленный патрон 6,35.

Юстиции генерал-майор Анисимов идиотизм польских профессоров повторить не решился, что делает ему много чести и вселяет в души русских патриотов типа Елиных и Ермоловичей немного гордости: все же наш ихних поумнее будет!

Он нам придумал байку про чемодан очень надежных, ну просто очень надежных «Вальтеров». И страшно секретных, очень секретных, почти как баллистическая ракета «СС-20», даже хуже.

Теперь нашему титану мысли надо поискать в архивах НКВД ведомость выдачи «Вальтеров» из оружейных комнат или складов

Блохину. Мы знаем, что для Анисимова «найти подлинный документ» ничего не стоит, поэтому заранее предупредим: надо в нем писать не просто «Вальтеры», а указать модель и номер, а в графе «количество» не надо писать «1 чемодан».

Вы оцените работу Главной военной прокуратуры просто любительски. Любой читатель детективов знает, что прежде всего полицейский возле убитого ищет пулю и гильзу.

И любитель знает, что полицейский ищет ее для того, чтобы, по следам нарезов на пуле, по следам бойка на капсуле, по следам извлекающих и выбрасывающих деталей затвора на гильзе, экспертиза могла определить тип пистолета, его модель. Иначе как полицейский узнает, по какому оружию надо искать убийцу? А Главная военная прокуратура даже усилий не делает выяснить, какими именно пистолетами убиты поляки, так, как это делают все — по пуле и гильзе. Неинтересно им это.

А между тем в довоенной Германии конструированием пистолетов занималась масса конструкторов, среди них только известных шестеро — Борхард, Люгер, Маузер, Вальтер, Шмайссер. Больше десятка заводов изготавливали пистолеты своей конструкции, каждый из которых имеет свои особенности и оставляет характерные следы на пуле и гильзе. До войны было выпущено 47 типов пистолетов калибра 7,65 и 59 типов — калибра 6,35 мм. Вот только лучшие модели, получившие собственные имена: «Парабеллум», «Зимплекс», «Специаль», «Адлер», «Бехолла», «Геккадо», «Дрейзе», «Егер», «Континенталь», «Кобра», «Мента», «Лилипут», «Цена», «Штерн», «Шток». Как я говорил, фирма «Вальтер» выпускала девять моделей под номерами от 1 до 9, пистолеты марок «ПП» и «ППК», и прославилась с выпуском офицерского пистолета для вермахта — 9 мм «П-38».

Так какими из этих пистолетов были убиты поляки? Бригаде Геббельса это не надо: узнаешь какой, а потом выяснится, что до войны о нем в СССР никто слыхом не слыхивал. И потом опять что-нибудь выдумывай про «массовый экспорт» или «чемодан».

Раз так, то и нам это не сильно надо. Польские офицеры убиты немецким оружием. Это еще одно прямое доказательство версии Сталина.

112. Есть еще один след убийцы на трупах поляков. У них были связаны руки. Понятно, что связать им руки могли только те, кто убивал.

Для производства необходимого шпагата у СССР все было, ведь недаром Россия славилась несколько столетий как экспортер пеньки. Славился этим делом и Смоленск. Так что НКВД за шпагатом никуда далеко бегать не приходилось.

Бригада Геббельса про шпагат, которым были связаны руки польских офицеров, разговаривать упорно не хочет, и не мудрено. Руки поляков были связаны бумажным шпагатом, а он в СССР до войны не производился — хватало пенькового. Бригада Геббельса это знает и застенчиво делает вид, что это ничего не значит.

Конечно, если мы будем настаивать, то Анисимов с Третьцким нам что-нибудь придумают про чемодан со страшно секретным бумажным шпагатом, а четыре профессора начнут блять про «массовый экспорт до 1932 года».

Но мы настаивать не будем, мы просто и это третье прямое доказательство будем считать доказательством версии Сталина.

Итак, все три прямых доказательства, мотив убийства, почерк убийцы, поведение убийцы и его адвокатов после убийства, подавляющая масса косвенных доказательств — свидетельствуют об одном. И это при том, что мы практически не пользовались теми доказательствами, что есть у подручных Сталина, — автор их не описывал. И вот теперь, читатели, поставьте себя на место Ниро Вулфа и сами себе ответьте на вопрос: так кто же все-таки убил польских пленных офицеров?

113. Еще один момент. Я писал, что пленные, не получившие срок по решению Особого совещания при НКВД, в лагере военнопленных в Грязовце составили списки тех офицеров, что убыли в ИТЛ. В декабре Сикорский передал Сталину для розыска списки 3 845 офицеров, а когда в марте 1942 года стал вопрос о том, что армии Андерса пора бы и на фронт — по немцам немного пострелять, было заявлено в розыск еще 800 человек. А потом суммарная цифра дошла до 8000.

В «письме Шелепина» мы видим, что ставки снова поднимаются, уже и гражданские лица пошли в ход и число их достигло почти 22 тысяч. Уместен вопрос: с чего бы это? Опять «фанатичная жажда правды»? Но ведь на сегодня и доказывать не надо, что в России с

правдой дела обстоят не очень, зато явно прослеживается фанатичная жажда свободно-конвертируемой валюты. Нет ли в деле Катыни еще каких-то причин «жаждать»?

Вполне возможно, что есть. В уже упомянутом и цитированном письме Трубина Горбачеву есть и такие строчки: «Судя по поведению польской стороны, не исключено, что по окончании следствия правительством Польши будет поставлен вопрос о возмещении материального ущерба по каждому погибшему польскому военнослужащему». Возмещать, слава Богу, есть кому: Россия — правопреемница СССР. Если Израиль ухитрился «возместить» с ФРГ за голову каждого убитого гитлеровской Германией еврея, то чем Польша хуже? В этом случае есть, естественно, определенный интерес для тех, кто в этом деле, чтобы было побольше убитых.

Эпилог

Этот детектив уникален. Попробуйте еще вспомнить случай, где бы государство с таким остервенением пыталось возложить на свой народ ответственность за несовершенное им преступление.

Цель любого государства — организация защиты народа в случаях, когда отдельный человек себя защитить не может, организация коллективной защиты народа. Защищает народ себя сам, но организуют его на это чиновники государства — от президента до милиционера. Это в идеале, которого, как известно, никогда не бывает.

В реальной жизни эти чиновники и крадут у народа, и делают все, чтобы удержаться у государственной кормушки, и решают личные дела за государственный счет. Но все же они пытаются что-то сделать во исполнение и своих прямых обязанностей — как иначе объяснить свое присутствие в должности? Почему же в Катынском деле чиновники СССР сделали все наоборот?

СССР был уникален в своей бюрократичности — в желании чиновников служить только начальству. Это не вчера возникло.

Еще Салтыков-Щедрин, высмеивая госаппарат царской России, писал, что у нас любой чиновник путает понятия «Отечество» и «Ваше превосходительство», а когда начинаешь убеждать его, что между этими понятиями есть разница, то он отдает второму преимущество перед первым.

Происходит это оттого, что народ содержит чиновников не прямо, а через начальника. Начальник изымает у народа налоги, якобы на защиту народа, и платит их чиновнику. Теоретически все знают, что это деньги народа и что служить надо Отечеству, а практически деньги получают из рук «Вашего превосходительства», и служат чиновники именно ему. И именно во имя начальника такой чиновник готов пойти на любое преступление, в том числе и против народа, так как наградой за преступление будут даруемые от начальника должность, звания, деньги — преступление окупается.

Эта достаточно мрачная система управления государством способна защитить народ в двух случаях: если глава страны сам

служит народу, жесток и беспощаден к тем чиновникам, кто от этой службы уклоняется. Тогда, служа начальнику, чиновник служит и народу. И если общественное мнение таково, что чиновнику трудно уклониться от службы государству, даже если начальник у него сволочь.

Вряд ли в мире была страна, где бы одновременно исчезли оба эти условия.

А в СССР мы получили во главу страны Горбачева — субъекта, всю жизнь служившего только себе, и его помощника по идеологии Яковлева, который в считанные года практически во всей прессе привел к власти людей, презирающих и ненавидящих службу государству в любой ее форме — воинской ли, гражданской ли.

В такой стране, в бюрократической системе управления, вполне естественно, что анисимовы и третецкие служить будут только и исключительно Горбачеву, понятие Родина для них абсолютно пустой звук. Да и как может быть иначе, если, скажем, некий Черниченко публично объявляет, что «патриотизм — это признак подлеца», а ему не только не бьют морду, а еще и ежедневно, показывают по телевизору? Зачем же третецким и анисимовым иметь «признак подлеца»? Зачем Горбачеву его иметь? Ему лучше иметь Нобелевскую премию и долларовые гонорары за пустые книжки и лекции, числиться мировым героем, разрушившим «империю зла».

Этот детектив также характерен для показа интеллектуальной, умственной деградации того, кого мы называем государственной элитой. Пусть читатели себя спросят: насколько трудно им было понять то, что написано в этой книге? Но вы только посмотрите, как работала умом в этом деле государственная элита СССР.

В основе событий — две случайные тетки и кандидат военных наук, которых допустили в архивы и которые не поняли, что такое Особое совещание при НКВД.

На основе их бреда секретарь ЦК Фалин сообщает Горбачеву, что поляков «убил НКВД». Мог Фалин сам задуматься над тем, что пишет, мог лично запросить документы, справки? Мог, но не стал или уже был не способен.

Горбачев, прежде чем объявлять миру, что поляков убил НКВД, мог задуматься? Мог, но был ли способен?

Третьцкий и Анисимов, тогда полковники, прежде чем выдавливать из свидетелей признание, что пленные расстреляны по решению Особого совещания, могли узнать, что это такое? Могли, но не стали. Зачем? И так сойдет!

Трубин, Генеральный прокурор СССР, прежде чем сообщить Горбачеву, что поляки расстреляны по решению Особого совещания, мог лично задуматься над тем, что пишет Президенту? Мог, но не задумался.

Почему?

Потому, что у этих людей за годы их работы на высоких постах атрофировалась способность думать, размышлять над своим делом.

У России была традиция: ее генеральные прокуроры лично выступали в судах, лично обвиняли преступников, лично воспринимали вопросы обвиняемых, судей и защиты и лично реагировали на них. Последним таким прокурором в СССР был сталинский прокурор Вышинский. После него уже и городские прокуроры в судах не выступают — зачем? Зачем выставлять на суд публики свою глупость или некомпетентность, если всю свою работу можно свести к подписыванию подготовленных анисимовыми бумаг не глядя?

Мы говорим, что Горбачев признал вину СССР. Но разве это он признал? Эту вину признали две тетки и кандидат военных наук, а все остальные «высокие руководители», включая Президента СССР, подписали их бред, не читая. Вот эта тройца в данном деле и была главой страны. И так управлялся СССР во всех делах, только тетки менялись, а вместо кандидата военных наук был какой-нибудь завлаб или выживший из ума академик. В СССР к 90-м годам не осталось руководителей, способных думать самостоятельно.

А мы этим людям служили и говорили всем, что этим служили государству. Кого мы этим хотели обмануть — себя или других? Тупой мрази мы служили.

Вернемся еще немного к Катынскому делу и тому, что это такое — служба государству. Мы установили, что пленных польских офицеров расстреляли немцы в 1941 году. Не немцам бы это сделать!

Весьма было бы нелишне, чтобы их в 1940 году расстреляли палачи НКВД по приказу Сталина из добрых старых наганов. И чтобы кинооператоры сняли все это на пленку и сделали фильм.

Ведь немцы расстреляли их как поляков, а Сталин расстрелял бы их как офицеров. Снятый фильм каждый год надо было бы показывать в военных училищах СССР и Польши, приговаривая: «Смотрите и не забывайте. Вот закономерный конец тех, кого Родина обувала, одевала и кормила для своей защиты и кто, вместо защиты Родины, предпочел плен, кто жизнью своей ее не спас. Смотрите и запоминайте! Когда начнется война и вам надо будет отдать за Родину свою жизнь, то отдайте ее, не колеблясь: не имеет права жить офицер, если его Родина умирает! Зачеркните в памяти такое понятие — плен, оно не для вас, не для офицеров».

Автор должен это написать потому, что вряд ли это напишет его старый отец. А отец после шестимесячных курсов неопытным лейтенантом принял бой 23 июня 1941 г. в Бессарабии. Была окружена его дивизия, но он пробился в Одессу. Там был тяжело ранен, но после госпиталя успел попасть и в битву под Москвой. В 1942 году, когда армия Андерса сбежала в Иран, он участвовал в битве под Сталинградом. В 1943 году, когда армия Крайова пальцем не пошевелила, чтобы помочь восставшим в Варшавском гетто, он в битве под Курском заложил, а потом взорвал под атакующими немцами дистанционно управляемое минное поле и был отмечен орденом. И тяжелым ранением. Но в 1944 году он был в тех войсках, что, обессиленные, рвались к Варшаве, и был в Польше ранен в руку. Он рвал укрепления Кенигсберга и успел к штурму Берлина. Он одиннадцать раз лично ходил в атаку и везде успел именно потому, что, имея за 4 года войны массу возможностей, не сдавался в плен. И когда я мальчишкой как-то сдуру спросил отца внезапно, не был ли он в плену, отец ответил резко и зло: «Нет!» Его обидело, что его сын мог такое о нем подумать. А ведь он не был профессиональным офицером: он был из запаса и в 1946 году майором снова ушел в запас. Вот такими примерно должны быть офицеры, чтобы не иметь от палача пулю в затылок. И такой должна быть государственная элита.

Элитой СССР в те годы были коммунисты, их было около 2 % в обществе вообще и около 10 % в армии.

В военно-воздушных силах СССР и Японии существовал неуставной способ боя — таран. Этот способ советские летчики применяли в случаях, когда не было уже возможности использовать

бортовое оружие, а враг все еще был не уничтожен. Способ опасен: лишь 40 % опытных летчиков после тарана могли продолжать полет, да 20 % успевали выпрыгнуть с парашютом, а 40 %, безусловно, гибли сами — и это было всем известно. Этого способа боя не было ни в одном уставе, ему не учили, таранить не требовали, а с 1944 года убеждали приказами не использовать таран. Но были офицеры, был враг, посягнувший на Родину, и этот враг безнаказанно делал свое дело, а советский летчик никак не мог ему помешать. И он бросал свой самолет на самолет противника. И в 1944, и в 1945, и даже в кратковременной войне с Японией.

В «письме Берии» вы видели точный список пленных польских офицеров по званиям, находившихся у нас в лагерях. А вот список по званиям наших летчиков, совершивших во время войны таран:

полковники, подполковники и батальонные комиссары — 12;

майоры, капитаны и старшие политруки — 97;

старшие лейтенанты, лейтенанты, младшие лейтенанты и политруки — 466;

старшины, старшие сержанты и сержанты — 61.

Хочу обратить внимание польской стороны, что, когда офицерские звания находятся в таком списке, то это гораздо почетнее для этих офицеров и полезнее для страны, нежели, когда они находятся в списках пленных. Мы помним, что в 1939 году, через 17 дней войны, польская элита уже удрала в Румынию, бросив народ и армию. Советские коммунисты, советская элита народ и армию не бросили. Мы уже писали, что коммунисты составляли 2 % населения, а вот среди шедших на таран летчиков их было 63 % и 34 % кандидатов в элиту — комсомольцев. Вот примерно такая у страны должна быть элита, чтобы иметь право так называться. Элита — это люди, способные мобилизовать все свое мужество, чтобы в опасный для Родины час отдать за нее жизнь, а не придурковатые профессора, способные лишь на мобилизацию всей своей подлости, когда речь заходит о размещении собственного зада на министерском кресле.

Да, к горбачевским временам и в СССР элита, особенно правящая, стала таким же дерьмом, как и в Польше 1939 года, даже хуже. Но что это меняет? И сегодня народу нужна элита, а не дерьмо. И народам СССР, и народу Польши. К сожалению, на сегодня только это нас с поляками и роднит.

Польские офицеры в Катынском лесу получили в затылок немецкую пулю. Это не очень справедливо. И советская пуля — тоже не хорошо. Только польская пуля была бы наивысшей справедливостью.